

ВЕРЖИНЕ СВАЗЛЯН

**ГЕНОЦИД АРМЯН
И
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА**

*Посвящается
90-летней памяти
Геноцида армян*

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
MUSEUM-INSTITUTE OF THE ARMENIAN GENOCIDE
AND INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

**VERJINÉ SVAZLIAN
THE ARMENIAN GENOCIDE
AND THE PEOPLE'S HISTORICAL MEMORY**

“Gitutian” Publishing House of the NAS RA
YEREVAN – 2005

* * *

ACADEMIE NATIONALE DES SCIENCES DE LA REPUBLIQUE D'ARMENIE
MUSEE-INSTITUT DU GENOCIDE ARMENIEN
ET INSTITUT D'ARCHEOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

**VERJINÉ SVAZLIAN
LE GENOCIDE ARMENIEN
ET LA MEMOIRE HISTORIQUE DU PEUPLE**

Editions «Guitoutian» ANS RA
EREVAN – 2005

* * *

NATIONALE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN DER REPUBLIK ARMENIEN
MUSEUM-INSTITUT FÜR DEN VÖLKERMORD AN DEN ARMENIERN
UND INSTITUTS FÜR ARCHÄOLOGIE UND ETHNOGRAPHIE

**VERJINÉ SVAZLIAN
DER GENOZID AN DEN ARMENIERN
UND DIE HISTORISCHE ERINNERUNG DES VOLKES**

Verlag „Gitutjun“ NAW RA
JEREWAN – 2005

* * *

ERMENİSTAN CUMHURİYETİ ULUSAL BİLİMLER AKADEMİSİ
ERMENİ SOYKIRIMI MÜZE-ENSTİTÜSÜ VE ARKEOLOJİ VE ETNOGRAFYA ENSTİTÜSÜ

**VERJİNE SVAZLIAN
ERMENİ SOYKIRIMI VE HALKIN TARİHSEL HAFIZASI**

EC UBA “Gitutyun” Basımevi
ERİVAN – 2005

* * *

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀԱՅՈՑ ՑԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ԹԱՆԳԱՐԱՆ-ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ
ԵՎ ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

**ՎԵՐԺԻՆԵ ՍՎԱԶԼԻԱՆ
ՀԱՅՈՑ ՑԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ
ԵՎ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՀԻՇՈՂՈՒԹՅՈՒՆԸ**

ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն
ԵՐԵՎԱՆ – 2005

* * *

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ ГЕНОЦИДА АРМЯН
И
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

ВЕРЖИНЕ СВАЗЛИАН

**ГЕНОЦИД АРМЯН
И
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА**

Издательство “Гитутюн” НАН РА
ЕРЕВАН – 2005

УДК 941 (479.25)

ББК 63.3 (2Ар)

С 240

Печатается по решению Ученого совета
Музея-института Геноцида армян и
Института археологии и этнографии
Национальной Академии наук Республики Армения

Перевод с армянского

Гаянэ Арутюнян

Редактор турецкого

Тигран Терогормиаджян

С 240 СВАЗЛЯН ВЕРЖИНЕ ГАРНИКОВНА

**ГЕНОЦИД АРМЯН И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
НАРОДА** / Музей-институт Геноцида армян и Институт
археологии и этнографии Национальной Академии наук
Республики Армения. - Ереван, Изд.-во "Гитутюн"
НАН РА, 2005, 140 с.

В работе представлены исторические события Геноцида армян (1915-1922 гг.), которые дополнены и обоснованы собранными автором на протяжении 50 лет в Армении и за ее пределами (Греция, Франция, США, Турция) народоведческими материалами (записанными также на аудио- и видеокассеты), предоставленными свидетелями-очевидцами трагических событий.

К исследованию приложены карта депортации и Геноцида армян в Османской Турции, фотографии очевидцев событий, а также резюме на русском, английском, французском, немецком, турецком и армянском языках.

Книга предпослана специалистам-историкам, фольклористам, правоведам, политологам, а также широкой читательской аудитории, интересующейся народоведением.

С ~~0503020913~~ 2005
~~703(02)-2005~~

ББК 63.3 (2Ар)

ISBN 5-8080-0599-X

Copyright © 2005 V. Svazlian. All Rights Reserved.

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящее исследование включает воспоминания и исторические песни целого поколения людей, переживших Геноцид армян, которые на протяжении почти 50 лет с огромной любовью и преданностью избранному делу по крупицам были собраны и записаны доктором филологических наук Вержине Свазлян.

Исследование, включающее устные народные свидетельства, в частности, воспоминания, передающие весь ужас имевших место событий, а также армяно- и туркоязычные народные песни исторического характера, повествующие о невероятных страданиях, выпавших на долю западных армян, подвергшихся депортации и резне, представляет большую историко-политическую ценность.

Автором проделана большая кропотливая и благодарная работа по сбору материалов, предоставленных чудом уцелевшими свидетелями-очевидцами Геноцида армян, дабы спасти от забвения трагические воспоминания и песни исторического характера армян Западной Армении, включающие неповторимые страницы истории нашего народа. Ведь многих из свидетелей-очевидцев давно уже нет в живых.

Эти материалы воистину являются ценными историческими документами, народным языком отображающими вызывающую содрогание великую трагедию армянского народа.

Автор настоящего исследования умело сочетает собранный ею богатый и разножанровый материал с подлинными историческими фактами, и эти народоведческие материалы стали своеобразными документами, подтверждающими и обосновывающими исторические события. Работа восполнена переводами туркоязычных песен, сделанных автором, что во многом облегчает восприятие материалов.

Воспоминания очевидцев и в особенности туркоязычные песни представляют собой ценность исторических документов не только с точки зрения понимания и правильного восприятия этого периода истории армянского народа, но и способствуют тому, чтобы дать отпор турецким и протурецким историкам, а также содействуют признанию и решению Армянского вопроса.

САРКИС АРУТЮНЯН

Член-корреспондент

Национальной Академии наук

Республики Армения

Доктор филологических наук, народовед Вержине Свазлян записывает воспоминания и песни с уст свидетеля-очевидца Геноцида армян Мариам Багдишян (1909 г. рожд., Муса-даг)

На протяжении почти 50 лет нами были по крупицам собраны и слово в слово записаны (в том числе на аудио- и видеокассеты) представленные в книге первоисточники — воспоминания и песни исторического характера, обобщившие настоящее исследование.

Мы искренне признательны чудом уцелевшим свидетелям-очевидцам Геноцида армян, героически выстоявшим в этих жестоких условиях и сохранившим в своей памяти увиденное и пережитое, чем и помогли спасти от забвения обобщенную историческую память армянского народа, дабы вынести ее на справедливый суд человечества.

В. С.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ

Геноцид армян как международное политическое преступление против человечества стал неотъемлемой частью национального самосознания, менталитета и психологии армянского народа.

По прошествии лет интерес к Геноциду армян еще более возрос, что обусловлено признанием этого исторического факта множеством стран. Однако турецкие и протурецкие историографы по сей день пытаются фальсифицировать ставшие судьбоносными для армянского народа исторические события 1915-1922 годов.

О Геноциде армян издано множество книг, исследований, сборников документов, высказываний политических и общественных деятелей, разножанровая художественная литература на разных языках мира. Однако в этом огромном массиве изданной литературы отсутствовал “глас народа” — воспоминания и народные песни переживших упомянутые исторические события свидетелей-очевидцев, которые также весьма ценны с историко-познавательной, фактографической и источниковедческой точек зрения. В силу того, что армянскому народу самому пришлось пережить эти трагические события, сам народ стал объектом этого массового политического преступления. И так как при раскрытии любого преступления решающую роль играют показания свидетелей, в данном случае также следует основываться на свидетельствах свидетелей-очевидцев, каждое из которых с юридической точки зрения имеет доказательственное значение для справедливого решения Армянского вопроса и признания Геноцида армян.

Начиная с 1955 года, когда в Советской Армении недоспустимо было в открытую говорить о Геноциде армян, когда чудом уцелевшие свидетели-очевидцы — изгнанники-репатрианты боялись быть несправедливо оклеветанными и

сосланными, автор книги, будучи студенткой ереванского Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, осознавая историографическую и фактографическую ценность такого рода материалов (основанных на устной народной традиции), вначале по зову крови уроженки Западной Армении и по личной инициативе, а с 1960 г. под эгидой Института археологии и этнографии НАН РА, параллельно с научной работой иного характера, под палящим солнцем и в зимнюю стужу по крупицам собирала эти материалы, обходя деревню за деревней, дом за домом в поисках чудом уцелевших от Геноцида свидетелей-очевидцев, подходя к ним психологически, не отвлекая их посторонними вопросами и тем самым создавая возможность свободного выражения их непосредственных впечатлений, записывала (в том числе на аудио- и видеокассеты) их вызывающие чувство содрогания и ужаса воспоминания, впечатляющие рассказы и разнородные исторические песни, которые по сей день ни в Армении, ни за ее пределами не были записаны и изданы [Свазлян 1984, 1994, 1995].

Затем, в 1995 г. мы продолжили работу под началом созданного в Ереване Музея-института Геноцида армян Национальной Академии наук Республики Армения [Свазлян 1997а, 1997б, 1999], записывая уже и на аудио- и видеокассеты (оператор Галуст Аладжян) воспоминания свидетелей-очевидцев, которые наряду с собранными нами в прошлом воспоминаниями и историческими песнями были обобщены в нашем пространном исследовании *“Геноцид армян. Свидетельства очевидцев”* (на арм. яз.) [Свазлян 2000].

Текстологические ссылки настоящего исследования – отрывки из воспоминаний и исторических песен свидетелей-очевидцев приводятся из вышеупомянутого сборника (600 единиц) с соответствующей нумерацией, а также из наших по сей день неопубликованных материалов (60 единиц).

Оригиналы публикуемых в настоящем исследовании всех народоведческих материалов, а также аудио- и видеозаписи хранятся в архиве Музея-института Геноцида армян НАН РА.

Предоставившие нам материалы свидетели-очевидцы являются преимущественно представителями старшего поколения – насильственно экспатрированными с их

исторической родины армянами, которые в 1915-1922 гг. были депортированы из Западной Армении, Киликии (1921 г.) и армянонаселенных местностей Анатолии (трагедия Измира в 1922 г.).

Во время этих исторических событий значительная часть западных армян – более 1,5 миллионов – была уничтожена, а некоторая же часть разоренных, обездоленных и обессиленных, чудом уцелевших армян, испытав всю горечь депортации, с неисчислимыми жертвами перебралась в Восточную Армению или же рассеялась по разным странам мира. В дальнейшем многие из оставшихся в живых репатриировались из Турции, Греции, Франции, Сирии, Ливана, Ирака, Египта, из балканских стран и США в Армению и поселились в близлежащих районах Еревана, символизировавших их былую историческую родину (Айгестан, Сари Таг, Нор (Новая) Бутания, Нор (Новый) Ареш, Нор Киликия, Нор Арабкир, Нор Зейтун, Нор Харберд, Нор Себастья, Нор Малатия, Нор Кесария, Нор Аджн, Нор Мараш, Нор Айнтап, Нор Муса Лер (Муса-даг), Нор Едесия (Урфа), а также в Эчмиадзине, Октемберяне (ныне – Армавир), Арапате, Талине, Раздане, Ленинакане (ныне – Гюмри), Кировакане (ныне – Ванадзор) и др. местностях).

Свидетели-очевидцы этих трагических событий были немногословны и замкнуты и погружены в свои мысли. Их таинственное молчание также имело свои причины, ибо существовавшие в Советской Армении на протяжении десятилетий политические запреты не позволяли им свободно и непринужденно говорить или рассказывать о своем прошлом. А посему нам пришлось приложить немало усилий, дабы выявить и записать такого рода материалы.

На протяжении почти 50 лет, благодаря последовательным и кропотливым поискам как в различных районах Армении, так и в ходе личных и служебных поездок за рубеж с целью участия в научных конференциях (Греция, Франция, США, Турция) нами были выявлены представители старшего, среднего и младшего поколений очевидцев-свидетелей Геноцида армян, знакомство и общение с которыми и помогло собрать этот бесценный народоведческий материал. Нам стоило немалых усилий, чтобы разговорить этих людей и заставить их раскрыть свою душу.

Идя навстречу нашим настоящим просьбам, они, с неопишным волнением, захлебываясь от слез, начинали рассказывать о своем горестном прошлом, о том, как младотурецкие жандармы насильственно изгоняли их с исторической родины, с нечеловеческой жестокостью убивали их родителей и родных, обещивали их матерей и сестер, забивали камнями новорожденных...

В воспоминаниях свидетелей-очевидцев нашли отражение красота родной природы, патриархальный уклад и обычаи, общественно-политические условия их жизни, знаменательные исторические события, жестокости и зверства (сборы налогов, оружия, воинские призывы, насильственное выселение, погромы, резня), учиненные главарями младотурецкого правительства (Талаат, Энвер, Джемаль, Назим, Беаэттин Шакир), организованная ими депортация армян в пустыни (Дэйр-эль-Зор, Рас-уль-Айн, Ракка, Хомс, Хама, Мескене, Суруч), неимоверные страдания армян, которых даже сжигали заживо; на дорогах депортации армян заставляли шагать до изнеможения, мучили жаждой, голодом; людей преследовали эпидемии и страх смерти. В воспоминаниях также отражены справедливая борьба части западных армян против насилия во имя права на жизнь (героические сражения в Ване, Шатахе, Шапин-Карахисаре, Сасуне, Муса-даге, Урфе (1915 г.), позднее — в 1920-1921 гг. в Айнтапе, Адже); в них уминаются народные герои этих самооборонительных боев (шапинкарахисарец Андраник Озаян, ванец Арменак Екарян, Мецн (Великий) Мурад [Амбарцум Бояджян], мусадагец Есаи Ягубян, Мкртыч Ётнехбарян из Урфы, Адур Левонян из Айнтапа, зейтунец Арам Чолакян, народный мститель Согомон Тейлерян) и многие другие известные и неизвестные сыны армянского народа, которые, слившись с народными массами, боролись, погибали, а также противостояли и выживали.

Каждый из свидетелей-очевидцев рассказывал о пережитом на родном армянском наречии, часто с привлечением диалектных или инородных слов, а также на турецком, арабском, курдском, английском, французском, немецком языках.

Записанные нами (в том числе аудио- и видео-) материалы — это по сути личные воспоминания свидетелей-очевидцев, их

раздумья, мысли, которые являются доподлинным и правдивым отображением выпавших на долю западных армян тягостных испытаний. Свидетели-очевидцы, независимо от их профессии, это умудренные жизненным опытом и трагическим прошлым личности, для которых *“человек прежде всего должен быть человеком, независимо от того, армянин он или турок,”* — как говорил Артавазд Ктрацян (1901 г. рожд., Адабазар) в своих воспоминаниях [Свазлян 2000¹: Свидетельство¹ 220, с. 360].

Вначале армяне и турки жили в мире и согласии. Об этом свидетельствует Аракел Тагоян (1902 г., рожд.) из Дерджана, ссылаясь на добрососедские отношения армян, турок и курдов, в частности, в дни паломничества в Муш — в церковь св. Карапета: *“...Кроме паломников собирались курды и турки, они ели с нами матах (жертвенное мясо), веселились, пели и танцевали вместе с нами...”* [Св. 2000: свид. 96, с. 203].

Следует отметить, что армяне — свидетели-очевидцы, испытавшие столько мук и страданий, не питают ненависти к простым туркам: *“...Я должен заметить также, что не все турки такие, среди них тоже есть хорошие. Это было организовано младотурками, а народ (турецкий) был хорошим, и мы были в хороших отношениях с турками. И среди них есть хорошие люди. Это тоже факт”,* — свидетельствует Нектар Гаспарян (1910 г. рожд.) из Ардвина [Св. 2000: свид. 74, с. 157].

В данном исследовании подлинные исторические факты сопоставляются и конкретизируются документальными свидетельствами свидетелей-очевидцев, представляющими общий исторический процесс Геноцида армян.

Воспоминания (300 единиц) очевидцев событий дают возможность исследовать также жанровые типологические особенности подобных материалов.

Эти воспоминания как разновидность устной народной традиции по своей структуре либо кратки и сжаты, либо пространны; они состоят из диалогов, цитат, охватывают различные фольклорные жанры (песня, беседа, басня, пословицы-поговорки, благословения, проклятья, молитва, клятва), что придает им большую достоверность и экспрессию. Тем более, что *очевидцы событий испытывали чувство глубокой моральной ответственности за рассказанное. Многие из них*

¹ Свазлян 2000 — далее: Св. 2000. Свидетельство — далее: Свид.

предваряли свой рассказ клятвой и крестились по христианскому обычаю. А клятва — это та святыня, которая не терпит лжи, свидетельством чему являются слова эрзерумца Лориса Папикяна (1903 г. рожд.), который, начав свой рассказ, отметил: *“...Прежде всего хочу отметить, что если я умышленно приукрашу события и лица, то пусть я буду проклят и удостоен всеобщего презрения...”* [Св. 2000: свид. 90, с. 191].

При подробном качественном и количественном анализе приводимых народных материалов выясняется, что подобно тому, как без памяти нет человека, так и *без памяти нет народа*, ибо память — это история народа, его прошлое. Подобной исторической памятью обладают также евреи, греки, цыгане и др., на долю которых тоже выпало немало испытаний [Porter 1982]. А если народ, в данном случае турецкий, не сохранил своей исторической памяти, то это означает, что он не пережил всех этих мук и страданий. Здесь уместно вспомнить отрывки из интервью с создателем турецких серверов “Superonline” и “Ixiir” Бабуром Озденем “Ответный удар в виртуальном мире” (“Counterattack in the Virtual World”), в котором он отмечает, что армяне поместили в Интернете воспоминания и туркоязычные исторические песни с уст свидетелей-очевидцев Геноцида (имеет в виду также нашу книгу — V. Svazlian. *“The Armenian Genocide in the Memoirs and Turkish-Language Songs of the Eyewitness Survivors.”* Yerevan, “Gitutian” Publishing House of the NAS RA, 1999, а также сайт — <http://www.geocities.com/vsvaz333/>). Он указывает, что: *“...Я нахожу, что “сайты Геноцида” в виртуальном мире [стали] монополией армян. ...Мы должны быть организованны. Турция неорганизована. ...Тем не менее, в нашей культуре весьма сложно выявить эти истории [истории жизни очевидцев]. Нам не хватает самостимулирования и индивидуальности — налицо неблагоприятная культурная ситуация. ...Они [армяне] нуждаются в мифе, дабы сочетать свою культуру и прошлое. ...Мы [турки] не нуждаемся в подобном сочетании. Мы хотим забыть прошлое и смотреть вперед. Наши семьи смешались. Все, что было написано [в прошлом], было написано на основе другого алфавита. Мы не могли их прочесть (истории жизни очевидцев). Я не могу прочесть записи моего деда. Их читает знаток старотурецкого*

[османского]. ...Бесполезно помещать в Интернете профессоров и историков. Архивы не действуют на людей. ...Людей не впечатляют истории жизни их подобных, родители которых либо уничтожены, [либо] рассеялись по миру. Их впечатляет то, что [историю] они узнают из первоисточника. ...У армян в Интернете есть даже разделы “песен геноцида” на турецком и английском” (“Milliyet,” 28.01.2001, с. 19).

Следует также отметить, что материалы вышеупомянутого сборника [Св. 2000], записанные (на аудио- и видеокассеты) по нашей инициативе и представляющие собой историческую память народа, изо дня в день пополняются все новыми и новыми материалами, и этот процесс нескончаем, ибо потеря и горя не избежал практически ни один армянин. Кроме того, тысячи западных армян, в результате Геноцида нашедших приют в разных странах мира, хранят множество свидетельств (на разных диалектах, языках — в рукописях, в аудио- и видеозаписях), которые собраны в архивах или у отдельных лиц, между тем как они также должны быть непременно расшифрованы, изданы и введены в научный обиход как фактографические свидетельства собирательной исторической памяти народа, касающиеся Геноцида армян.

Осуществленный в начале XX в. *Геноцид армян оставил неизгладимый след в душах и памяти переживших его.* *“...Прошло более 80 лет, но я до сих пор не могу забыть своего любимого отца, ушедшего из жизни таким молодым, мать, дядю, соседей, бабушку, всех наших родственников, которые были зверски убиты, оставив нас беспомощными сиротами. Всю свою жизнь я помню это ужасающее зрелище, представшее пред моим взором, и нет мне покоя. Сколько слез я пролила...”* [Св. 2000: свид. 74, с. 157], — рассказывает Нектар Гаспарян (1910 г. рожд.) из Ардвина.

Вергине Гаспарян (1912 г. рожд.) из Айнтапа рассказала нам о том же: *“На моих глазах турки зарезали моего отца, Григора, мою мать Дуду, брата Акона и сестричку Нурицу. Все это я видела сама и до сих пор я не могу этого забыть...”* (Слезы душили ее, и она прервала свой рассказ — В. С.) [Свazlian: Личный архив. Неопубликованные материалы].

Все эти ужасы, непосредственно пережитые свидетелями-очевидцами трагедии, настолько травмировали их морально и

психологически, вонзившись в их память, что свидетели-очевидцы этих исторических событий, болезненно переживая свое печальное прошлое, поделились с нами своими воспоминаниями об исторической родине, родном очаге, любимых родственниках, которых, увы, давно нет. Эти воспоминания сопровождают их всю жизнь, и они не могут избавиться от этого кошмара. И поскольку *воспоминания очевидцев* непосредственно отражают имевшие место трагические события и выпавшие на долю западных армян тягостные испытания, они *глубоко историчны*.

Предметно отражая жизнь и быт, нравы, общественно-политические отношения рассматриваемого периода, *воспоминания свидетелей непосредственны, правдивы, документальны и ценны в качестве подлинных свидетельств*. “Из семьи, состоявшей из 7 домов, остался лишь я...” [Св. 2000: свид. 108, с. 218], - с горечью свидетельствует Егса Хаяджанян (1900 г. рожд.) из Харберда.

Об этом же говорит Вергине Назарян (1910 г. рожд.) из Малатии: “...Наш род был очень большим, состоял из 150-200 человек. У меня были дяди, тети. Всех погубили на дорогах депортации - в Дер-Зоре. Осталось нас трое - я, мама и брат...” [Св. 2000: свид. 125, с. 239-240]. Такова же была участь семьи Азархан Торосян (1902 г. рожд.) из Балу: “...Прошло столько лет, но по сей день нет мне сна и покоя, прошлое встает перед моим взором - считаю мертвых, живых...” [Св. 2000: свид. 120, с. 232]. Так что даже приводимые ими цифры точны. На это ссылается Грант Гаспарян (1908 г. рожд.) из Муша, подчеркивая данное обстоятельство: “...Я рассказал вам о том, что видел сам. Все пережитое перед моим взором. Ничего не взяли с собой из Хнуса, лишь себя смогли спасти. Наш род состоял из 143 человек. Спаслись только сестра, брат, мать и я” [Св. 2000: свид. 12, с. 71].

Подсчеты свидетелей-очевидцев на протяжении всей их последующей жизни, их фактические свидетельства в сопоставлении с историческими событиями не оставляют сомнений в их достоверности. Почти всегда в своих мемуарах они упоминают старших своего рода - дедушек, бабушек, родителей, близких родственников и других членов семьи,

часто называя их имена и даты рождения. Следовательно, приводимые ими данные настолько точны, что родственники, потерявшие друг друга во время Геноцида, благодаря воспоминаниям, приведенным в наших книгах, спустя десятки лет находят друг друга на разных континентах и благодарят нас за это.

Главный герой их воспоминаний - *рассказчик*, который не только повествует о знаменательных печально-памятных исторических событиях и лицах, но и высказывает свою точку зрения, выражая свою индивидуальность и мировосприятие, придерживаясь своего языка и стиля. Следовательно, *воспоминания свидетелей-очевидцев однозначно уникальны*. Они представляют собой их биографию сквозь призму прошлого, причем стержневое содержание их рассказов остается неизменным при неоднократном пересказе, ибо все, что *очевидцы поведали нам, является для них священной исповедью*. Записывая их рассказы слово в слово, мы осознавали свою профессиональную ответственность фольклориста-народоведа. Оставаясь верными их языку и стилю, мы понимали, что они доверяют нам самое святое - в надежде, что мы *передадим все точь-в-точь будущим поколениям*. Здесь уместно привести слова почтенного 90-летнего зейтунца Карапета Тозляна (1903 г. рожд.), поведавшего нам о том, что будучи неграмотным, он “каждый вечер перед сном повторял все (т. е. воспоминания и песни) как молитву”, чтобы “они были записаны и не забыты, дабы спасти их от забвения и передать будущим поколениям” [Св. 2000: свид. 342, сноска № 3, с. 413]. В этой связи примечательны также воспоминания известного литературоведа Гарника Степаняна (1909 г. рожд.), который был родом из Ерзнка: “...То, что произошло в 1915 г. с нашим народом, с нашим родом, который состоял из более чем 100 человек, а спаслось всего 15, ужасно... Все мои родные по материнской линии были убиты или заживо зарыты. Говорят, земля над ними шевелилась... Жертвами Геноцида стал также род Степанянов, семьи четырех сестер моего отца... Это было жертвоприношением. Я постоянно думаю о том, сможем ли мы забыть все это Но мы не вправе забывать, потому что нас мало. Я не призываю к мести, но не могу посоветовать забыть.

Армянский народ не может забыть увиденного воочию. И как сказал Аветис Агаронян²: “Коль наши сыны злодеяние это забудут, пускай армян порицает весь мир!”. ” [Св. 2000: свид. 95, с. 202].

В то же время *в воспоминаниях очевидцев событий есть много общего*. Представители разных половозрастных групп (мужчины, женщины, старшее, среднее, младшее поколение) из разных регионов, независимо друг от друга, почти одинаково описывают имевшие место исторические события того же периода, одни и те же факты и лица, увиденные ими жестокости и зверства. Их рассказы дополняют друг друга, обобщают, в сопоставлении *являясь как бы продолжением одной истории – от личного и предметного – ко всеобщему и общенациональному*. На это указывал очевидец Тигран Оганян (1902 г. рожд., Камах): “Мое прошлое является не только моим прошлым, но и прошлым моего народа” [Св. 2000: свид. 97, с. 207]. *Следовательно, воспоминания очевидцев по своему внутреннему содержанию характеризуют не только данную личность и его среду, но и являются коллективной исторической памятью армянского народа*.

Однако *историческая память народа живуча*. Хотя и прошло 90 лет со дня этих исторических событий и многих чудом выживших свидетелей-очевидцев уже нет в живых, но рассказанное представителями старшего поколения столько раз повторялось и пересказывалось в семьях, что стало также наследием последующих поколений; передаваясь из уст в уста, они продолжают жить и в их памяти в качестве *исторических рассказов* (60 единиц). Большая часть этих исторических рассказов нами была записана именно с уст последующих поколений, а это свидетельствует о том, что *историческая память народа отнюдь не умирает, продолжая жить в памяти новых поколений*.

С уст свидетелей-очевидцев Геноцида армян нам удалось также записать *песни исторического характера* (300 единиц), образно отражающие различные явления общественной жизни

² Аветис Агаронян (1866, Игдырмава – 1948, Париж) – писатель, общественно-политический деятель, член Армянской революционной федерации (партия Дашнакцутюн).

рассматриваемого исторического периода – организованные младотурецким правительством военные сборы и сборы оружия, депортацию и резню, а также песни, посвященные матерям, потерявшим детей, сиротам и сиротским приютам, в том числе патриотические и героические песни, являющие собой фактические и впечатляющие эпизоды Геноцида.

Создателями этих исторических песен были преимущественно армянские женщины. Национальное бедствие психологически воспринималось каждой армянской женщиной и девушкой по-своему. Впечатления от увиденного были такими ужасающими и настолько сильными, что свои переживания они часто передавали в стихотворной форме. Так, **Шогер Тоноян** (1901 г. рожд.) из Сасуна со слезами и горечью выразила свою скорбь:

Днем и ночью рыданья я слышу,
Нет покоя мне, отдыха, сна,
Лишь закрою глаза – мертвецов я вижу,
Потеряла я землю и дом свой,
Растеряла родных и друзей*.

[Св. 2000: свид. 343, с. 414].

Наделенным от природы тонкими чувствами женщинам также довелось испытать всю тяжесть и горечь депортации, ссылок и погромов. А посему они подробно и образно описали увиденное и прочувствованное ими, так как армянские матери со слезами на глазах провожали своих мужей и сыновей на службу в турецкую армию. Однако этим солдатам не давали оружия, а отправляли в “*Амеле табур*” (рабочий батальон) на тяжелые работы. В армии они либо умирали, обессилев, либо их убивали и закапывали в ими же вырытые ямы (“Песни о военных сборах, о сборах оружия и заключенных”). Армянских женщин заставляли покинуть “родные пепелища” и вместе с детьми и немощными родителями отправиться в пустыни. Погоняемые турецкими жандармами, они, изнемогая от жажды и голода, с окровавленными от долгого пути ногами, под

* Армянские и туркоязычные народные песни исторического характера приводятся в художественном переводе, однако при этом сохраняется верность идее оригинала (Г. А.).

палящим солнцем шли к Дейр-эль-Зору, Рас-уль-Айну, Ракке, Мескене, Суручу. Об этом повествуют как воспоминания очевидцев, так и приводимые ими исторические песни — о пройденных ими дорогах, погромах и грабежах турецких жандармов, курдских банд, чеченских и черкесских погромщиков. Женщин похищали и убивали, сажали на кол, вспарывали животы беременным женщинам в поисках золота. Некоторые были распяты на кресте и замучены. Вот почему невинные армянские девушки в отчаянии предпочитали смерть бесчестью; дабы не попасть в руки турок, не быть обесчещенными или не стать их женами и матерями их детей, они, взявшись за руки, бросались в воды Евфрата (“Песни депортации и резни”). Специальный раздел книги посвящен песням, передающим муки матерей похищенных детей, которые остались сиротами, а также печальным песням о сиротских приютах (“Песни о матерях, потерявших детей, о сиротах и сиротских приютах”). В книге представлены также песни о восстаниях, о борьбе армян, защищавших свое элементарное право на жизнь, которые были созданы мужчинами (“Патриотические песни и песни о героических сражениях”). И, наконец, песни о потерянной родине и о вере в то, что они смогут вновь обрести ее (“Песни о ностальгии по родине”). Часть этих разножанровых песен сопровождается нотами.

Песни исторического характера исключительны по своей тематике и идеологическому содержанию. Эти песни дают возможность по-новому осмыслить данный исторический период — обстоятельства и подробности, касающиеся Геноцида армян в целом. Будучи созданными под непосредственным впечатлением от выпавших на долю армянского народа исключительных исторических событий, подобные народные песни глубоко историчны и представляют собой ценность подлинных документов.

Эти исторические песни были созданы представителями различных половозрастных групп. В свое время они имели широкое распространение, а в силу того, что страдания народа имели массовый характер, песни переходили из уст в уста, благодаря чему появлялось множество новых вариантов. Так что одни и те же песни одновременно создавались в различных

вариантах, *что свидетельствует о народном характере этих исторических песен.*

В процессе наших многочисленных записей (в том числе на аудио- и видеокассеты), одну и ту же песню мы записывали с разных уст, поэтому невозможно было упомянуть имена и фамилии всех свидетелей-очевидцев. Поэтому их стержневые варианты приведены в таблице примечания вышеназванной книги, где упоминаются также имена, фамилии, даты рождения свидетеля-очевидца, а также время, место, язык, характер записи (рукопись, аудио- и видеозапись), номер архивного фонда (по “Методу документации устных народных материалов” доктора-профессора Исидора Левина).

Пережившие Геноцид свидетели-очевидцы (как женщины, так и мужчины) с огромным душевным волнением, рыдая, передавали нам эти песни, так как последние непосредственно были связаны с их исторической памятью. Этим обстоятельством объясняются эмоционально-психологические особенности такого рода песен.

Многочисленные варианты этих народных песен, наряду с подлинной историчностью, характеризуются сжатой образностью и мелодичностью, присущей песням плача армянского средневековья. Каждая строка и словосочетания этих песен представляют собой целостную картину ужасающих массовых погромов и зверств, а припевы-плачи дополняют и обобщают поэтическую и художественную мысль. Некоторые народные исторические песни (22 единицы) сопровождаются нотами [Св. 2000].

Песни исторического характера создавались не только на армянском, но и на турецком языке, так как в данной историко-политической ситуации в некоторых провинциях Османской Турции нежелательно было говорить по-армянски.

Не исключая влияния и взаимовлияния духовных культур двух народов в условиях длительного совместного проживания, следует отметить, что имеются трагические свидетельства о том, что “вырваны были языки тем, кто говорил по-армянски, следовательно, в ряде городов Киликии (Сис, Адана, Тарсон, Айнтап) и близлежащих к ним районах армяне забыли свой родной язык” [Галустян 1934: с. 698]. “Угнетения и гонения турок настолько ужесточились, что армяноязычный Айнтап

стал туркоязычным, как и другие главные города Малой Азии. И последний резкий удар по армянской речи нанесли янычары, которые вырезали языки тем, кто говорил по-армянски” [Сарафян 1953: с. 5].

Этнограф-фольклорист конца XIX - начала XX вв. Саркис Айкуни, описывая политико-экономическое положение западных армян, а также психологическую ситуацию, которую они переживали, отмечает: “Армянский язык был запрещен турецкими муллами, и за семь армянских слов был установлен штраф в размере пяти овец” [Айкуни 1895: с. 297].

В собранных нами народных воспоминаниях есть также множество свидетельств о том, что армяне Кютахьи, Бурсы, Аданы, Кесарии, Эскишехира и др. местностей в основном были туркоязычными. По словам жителя Аданы Микаела Кешишяна (1904 г. рожд.), “уже запрещено было говорить по-армянски и учить армянскому, говорящим по-армянски не только отрезали языки, но и клали под мышку горячее вареное яйцо, чтобы признались в том, что учат армянскому языку других. В случае признания либо вешали, либо убивали” [Св. 2000: свид. 182, с. 318].

Об этом свидетельствует отрывок из армянской народной песни, записанной нами с уст Сатеник Гуюмджян (1902 г. рожд.) из Конии:

*Ворвавшись в школу, схватили учительницу,
Ох, горе какое, горе!
И отрезали ей язык,
Горе, ох горе!*

[Св. 2000: свид. 352, с. 415].

И все из-за того, что она осмелилась учить армянских детей армянскому языку. Во время депортации все это еще более ужесточили. А посему западные армяне свою скорбь и страдания выражали также на турецком языке.

Имея в виду общественно-политические обстоятельства, отражающие начальный уровень этого печального явления — языковой ассимиляции, мы, наряду с материалами на разных армянских диалектах, записывали также *туркоязычные исторические песни, явно имеющие армянское происхождение*. Хотя и последние были созданы армянами, проживающими в

разных провинциях Османской империи, и с лингвистической точки зрения грешат грамматическими и фонетическими неточностями (и использованием армянских слов и выражений, собственных имен, топонимов), но по своему идеологическому содержанию они представляют огромную историко-познавательную ценность.

В процессе их записи и расшифровки *мы старались сохранить верность их лексике*, представляя все в принятой диалектологической транскрипции. Употребляемые ими диалектизмы мы записывали слово в слово, учитывая при этом языковые особенности как армян исторической Армении, так и Киликии и Анатолии.

Записанные нами народные материалы (в том числе и на аудио- и видеокассеты) *охватывают воспоминания экспатрированных из более чем 100 армянонаселенных местностей Западной Армении, Киликии и Анатолии* (Сасун, Муш, Битлис, Шатах, Ван, Баязет, Игдыр, Алашкерт, Карс, Ардвин, Ардаган, Баберд, Шапин-Карахисар, Себастья, Эрзерум, Хнус, Ерзнка, Дерджан, Камах, Тохат, Арабкир, Харберд, Кги, Балю, Малатия, Тигранакерт, Мердин, Адиаман, Урфа (Едесия), Зейтун, Фындыджак, Аджн, Мараш, Айнтап, Муса-даг, Кесаб, Бейлан, Дйортйол, Адана, Гасан Бей, Тарсон, Мерсин, Кония, Орду, Нице, Кесария, Томарза, Эверек, Афион-Карахисар, Эскишехир, Смирна (Измир), Йозгат, Сиврихисар, Стенос, Амасия, Самсун, Адабазар, Никомедия, Партизак, Бурса, Бандрма, Биледжик, Кастемун, Чанаккале, Родосто, Константинополь и др.) свидетелей-очевидцев, что дает возможность целостнее представить трагедию западных армян, их психо-эмоциональное состояние.

ПРОЦЕСС ГЕНОЦИДА АРМЯН ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ОЧЕВИДЦЕВ

После свержения правительства султана Абдула Гаида и принятия в 1908 г. Конституции к власти пришла партия младотурок “Ittihat ve Terakki” (“Единение и прогресс”), унаследовавшая гаидовскую политику погромов (1894-1896) и исповедующая идеологию пантюркизма и панисламизма. Она стремилась не только сохранить Османскую империю, но и насильственно уничтожить или ассимилировать, отуречить армян и другие подвластные (Турции) христианские народы, создать всетуранскую-общеевропейскую империю — от Средиземного моря до Алтая.

Чудом уцелевшие во время Геноцида (1915-1922) свидетели-очевидцы — армяне, многих из которых давно нет в живых, в процессе наших записей подробно касались историко-политического аспекта осуществленного в начале XX в. первого геноцида. Представители их старшего поколения вспоминали даже принятие турецкой Конституции 1908 года под девизом “Свободы, справедливости, братства, равенства”, независимо от национальной и религиозной принадлежности. В стране царил общенародное ликование, ибо все нации получали равные права.

Об этом беспрецедентном политическом событии рассказал нам **Саргис Хачатрян** (1903 г. рожд.) из Харберда: “...Вспоминаю, как в 1908 г., когда в Турции произошел переворот, люди распевали на улицах песни” [Св. 2000: свид. 110, с. 222].

<i>Kalkın, hey vatandaşlar!</i>	Вставайте, соотечественники!
<i>Sevinelim yoldaşlar!</i>	Возрадуемся, друзья!
<i>İşde size hürriyet:</i>	Вот вам и свобода,
<i>Yaşasın Osmanlılar!</i>	Да здравствуют османцы!

[Св. 2000: свид. 337, с. 412].

¹ В туркоязычных оригиналах, записанных нами с уст очевидцев, возможны отклонения от фонетических и грамматических правил или же наличие армянских слов и выражений. Мы сохранили верность их устной речи, дабы точь-в-точь передать воспоминания очевидцев (В. С.).

А переживший эти события **Амаяк Бояджян** (1902 г. рожд.) из Битлиса свидетельствует о том, что “Когда в 1908 г. провозгласили *Hurriyet* (Свободу), вначале все полагали, что армяне и турки будут жить как братья. В нашей деревне организовали даже празднество и ружейную пальбу” [Св. 2000: свид. 17, с. 77].

Родившийся еще в XIX в. свидетель-очевидец **Егназар Карапетян** (1886 г. рожд.) из Сасуна, вспоминая исторические события прошлого, отмечал: “Конституция 1908 г. дала свободу всем политическим заключенным, после чего армяне, турки, курды должны были иметь равные права. Царило всеобщее ликование. Конституция должна была положить конец унижениям, побоям, ругани, грабежам и разбоям, а также пренебрежению в отношении армян. Тот, кто посмел бы нарушить сказанное, должен был быть наказан со всей строгостью, даже повешен. Выказывалось доверие в отношении обоих народов. Армяне получали право на свободу слова, право на участие в выборах и выдвижение своего депутата. Это было возрождением в жизни западных армян...” [Св. 2000: свид. 1, с. 42].

Однако не прошло и года со дня провозглашения турецкой Конституции, когда избежавшая гаидовских погромов (в 1894-1896 гг.) Адана с близлежащими армянонаселенными деревнями иттихадистами была предана огню и разбою.

В 1909 г., во время Святой Пасхи — с 1-ого по 3-е апреля Адана со своими окрестностями пылала в огне. Кровавая толпа напала на армянские кварталы Аданы и близлежащих сел, учинив разбой и грабежи, разорив все магазины, убивая безоружных и беззащитных армян, не жалея даже женщин и детей.

Погромы в Адане были заранее продуманы и спланированы. На это указывает телеграмма советника внутренних дел Турции Адил бея, направленная всем турецким должностным лицам Киликии, в которой говорилось: “Следует быть предельно внимательными в отношении иностранных религиозных учреждений и консульств, дабы не нанести им вреда” [Чизмечян 1930: с. 174].

Турецкое правительство поручает османскому армянскому депутату из Эдирне Акопу Папикяну отправиться в Адану с

целью ознакомления с царящей там обстановкой и подготовки официального отчета на турецком языке для депутатского собрания. А. Папикян направляется в Адану, детально изучает ситуацию и в составленном “Отчете” указывает, что “...не только число жертв среди армян достигает 30-ти тысяч”, но и “фактически известно, что погромы были организованы с ведома местных властей и по их приказу”² [Папикян 1919: с. 28].

Историк-романист Смбат Бюрат под непосредственным впечатлением этих печальных событий написал завоевавшее большую популярность стихотворение, являющееся правдивым отражением происшедшего, которое передал нам вышеупомянутый Карапет Тозлян (1903 г. рожд.) из Зейтуна:

*От жестокой резни
Пустыней стала Адана,
Пусть плачут армяне,
Мечом и огнем и грабежом
Разорили дом Рубинянов.*

*Безоружные армяне мгновенно пали,
Пали пред варварами от их же меча,
Церкви и школы в огне пылали,
Тысячи армян жестоко погибали.*

*Жестокие турки все у нас отняли,
Матери и невесты сиротами стали —
Сыновей и женихов отняли у них,
Армянскую кровь испили сполна,
Все разгромили, сожгли дотла.*

*Три ночи — три дня город пылал,
Вражеский меч армян достигал,
Улицы в их крови утопали,
Турки нещадно армян убивали...
Дабы с лица земли их стереть.*

[Св. 2000: свид. 342, с. 413-414].

² Не успел А. Папикян завершить работу над этим своим историческим “Отчетом”, как был отравлен младотурками, и его “Отчет” так и не был опубликован. После смерти А. Папикяна черновик его “Отчета” был переведен на армянский язык и в 1919 г. издан в Константинополе.

По следам этих историко-политических событий была создана следующая туркоязычная народная песня, характеризующаяся особой выразительностью и образностью:

<i>Hey, çamlar, çamlar, alaçık çamlar!</i>	Мои кедр, кедр, эх, кедр мой!
<i>Her güneş vurunca sakız damlar,</i>	Под солнцем смолою плачете вы,
<i>Sakız damlarsa: yüregim aglar:</i>	Плачет сердце мое,
<i>Adana ırmagı sel gibi akar,</i>	Как под солнцем плачете вы,
<i>İşte geldim sana, kıyma Adana!</i>	Бурным потоком течет Адана*,
<i>Of, of, işte gördüm sizi, kıyma çocuklar!</i>	Разгромили тебя, Адана!
	Я увидел тебя, Адана,
	Убиенных младенцев твоих!

<i>Adana köprüsü tahtadır, tahta,</i>	В Адана деревянный есть мост,
<i>Ermeni muhaciri gelir bu hafta,</i>	Беженцы-армяне сюда придут,
<i>Adana ırmagı leş ilen kanlar,</i>	И река Адана вся в трупах, в крови,
<i>Kaldırın leşleri, Adana kokar,</i>	Уберите же трупы,
<i>İşte geldim sana, kıyma Adana!</i>	Чтоб город от смрада спасти,
<i>Of, of, işte gördüm sizi, kıyma çocuklar!</i>	Разгромили тебя, Адана!
	Я увидел тебя, Адана,
	Убиенных младенцев твоих!

[Св. 2000: свид. 340, с. 413].

Очевидец резни в Адана Микаел Кешишян (1904 г. рожд., Адана) с волнением рассказал нам следующее: “В 1909 г. во время погромов в Адана мне было 5 лет. Эту ужасную ночь турки называли “*Camuz dellendi*” (“Буйвол обезумел”), потому что султан и впрямь обезумел. По его приказу вырезали людей, убили около 30.000 армян, дома разорили, сожгли, превратили в пепел... Всех армян повели к реке Адана и известили об этом султана Гамида, ожидая его приказа. С одной стороны пылал огонь, а с другой была вода. Отец посадил меня на плечи. Я все помню, мне все было видно. Мать была рядом с нами, нас собрали на берегу реки. Султан нас помиловал. Нам велели восславить султана — “*Padişahim çok yaşa!*” (“Да здравствует султан!”). Мы вернулись домой, но многие погибли” [Св. 2000: свид. 182, с. 318].

Во время резни в Адана были разорены и сожжены многие армянские города и деревни. А Муса-даг, Дйортйол, Аджн,

* Имеется в виду река Адана.

** Имеется в виду город Адана.

Сис, Зейтун, Шейх Мурад, Фындыджак и ряд других местностей избежали нападения и погрома турок благодаря организованной там самообороне.

По сути, это было началом Геноцида, когда младотурки лихорадочно готовились к полному истреблению армян, выжидая удобного момента. И момент настал. Началась первая мировая война. Турция вступила в эту войну, преследуя захватнические цели и вынашивая чудовищные планы истребления армян.

Захватническая война также нашла отражение в народных песнях:

Pencereden kar geliyor,

Bak dışarı kim geliyor?

Ölüm bana zor geliyor,

Uyan, sultan, zalim sultan!

Kan ağlıyor bütün cihan!

Aman! Aman! Mayrik!

Снег идет за окном,

Кто идет к нам? Взгляни,

Ах, как тяжело мне умирать,

О, султан жестокий, проснись!

Слезам кровавыми плачет весь мир!

Увы, майрик, увы!

[Св. 2000: свид. 338, с. 412].

Зимняя стужа сравнивается в песне с ужасом смерти и войны, между тем жестокий султан (*zalim sultan*) безразличен к судьбе народа даже в это трудное время, когда “слезами кровавыми плачет весь мир”.

6-ого августа 1914 года в Константинополе был заключен немецко-турецкий договор о союзничестве. В ноте турецкому правительству немецкий посол Вангенгейм отмечал: “Если османское правительство, оставаясь верным принятым обязательствам, вступит в войну против Тройственного союза, Германия сохранит за Турцией следующие преимущества”. Один из 6 пунктов договора гласил: “Германия заставит изменить восточные границы Османской империи таким образом, чтобы способствовать непосредственному контакту турок с мусульманским населением России” [Лазян 1946: с. 78].

В феврале 1915 г. партия “Единение и прогресс” создает специальную комиссию “Исполнительный комитет троих” (Беаттин Шакир, докт. Назим, Мидхат Шюкри) с целью организации депортации и массового истребления западных армян. Комиссией были разработаны сроки и маршруты

³ В туркоязычной песне употреблено армянское слово “майрик”, которое в переводе на русский язык означает “мама”.

депортации, методы истребления армян; с этой целью были выпущены из тюрем уголовные преступники, созданы разбойничьи банды под командованием младотурецких главарей, которые под видом “Особых организаций” (*Teşkilatı mahsuse*) должны были осуществить Геноцид армян.

15-ого апреля 1915 г. властям был дан тайный приказ за подписью министра внутренних дел Турции Талаата паши, военного министра Энвера паши, а также главного секретаря Иттихада и министра просвещения докт. Назима о депортации и истреблении армян. Талаат паша заявил, что: “Надо покончить с армянами”, обещав не пожалеть ничего для этой цели [Антонян 1921: с. 232].

На одном из заседаний исполнительного комитета Иттихада Беаттин Шакир заявил, что следует немедленно начать и завершить депортацию армян, в процессе которой и истребить последних. “Мы находимся в состоянии войны, – заявил он, – нет опасности вмешательства Европы и великих держав, мировая печать в данный момент также не сможет выступить с протестом. Если даже будут протестовать, наша задача будет осуществлена” [Месроп 1955: с. 258].

Министр внутренних дел правительства младотурок Талаат паша издал особый приказ: “Армяне больше не имеют права жить и работать на турецкой земле. В соответствии с этим правительство приказывает не жалеть даже грудных младенцев...” [Нерсисян 1991: с. 564-565].

Исполнительный комитет Иттихада предусматривал осуществить депортацию и истребление армян не с помощью армии и полиции, а посредством привлечения освобожденных из тюрем преступников, убийц, а также курдов, черкесов, чеченцев.

В подобной историко-политической ситуации призыв в армию (*Seferberlik*) для проживающих в Турции христианских народов, в том числе и для армян, был бедствием. Армянских мужчин в возрасте от 18 до 45 лет под предлогом призыва в армию забирали в рабочие батальоны (*Amele tabur*) и по особому приказу военного министра Энвера паши там их тайно убивали.

“...В 1914 г. в Турции была объявлена всеобщая мобилизация,” – рассказывал Саркис Хачатрян (1903 г. рожд.) из Харберда. –

“Молодых армян призвали в турецкую армию. Их взяли на работу в рабочие батальоны (Amele tabur), затем всех их убили” [Св. 2000: свид. 110, с. 223].

Об этих событиях более подробно рассказал **Саркис Мартиросян** (1903 г. рожд.) из Харберда: *“Во время первой мировой войны армян забрали в армию, около 300.000 молодых армян было призвано в турецкую армию. Вначале им дали оружие, но после Энвер паша заявил, что: “Мы должны строить дороги, нам нужны рабочие руки”. Но на самом деле их закопали в ими же вырытые ямы...”* [Св. 2000: свид. 111, с. 224].

Об этих исторических событиях сложена песня свидетеля-очевидца **Анник Марикиан** (1892 г. рожд.) из Токата, подтверждающая вышеупомянутые свидетельства:

*Не дали мне в руки ружья,
В Амеле табур записали,
И в деревню Еатмиш погнали,
В Еатмиш, которая в Токате,
На каменоломню погнали меня,
Пошел я в солдаты —
На каменоломню взяли меня.*

[Св. 2000: свид. 295, с. 404].

А судьба работающих в этих батальонах солдат была заранее предрешена — их ждала смерть:

*Забрали солдат в Балу,
Сестры и матери заплакали вслед,
Много ям они вырыли там,
В этих ямах и их погребли!*

[Св. 2000: свид. 296, с. 405].

Эта песня была записана нами со слов **Азархан Торосян** (1902 г. рожд.) из Балу, которая напела нам ее со слезами и дрожью в голосе.

Арутюн Григорян (1898 г. рожд.), родившийся в Эрзеруме, но оказавшийся в числе депортированных из Харберда, свидетельствует о том, что: *“Во время депортации из Харберда мне было 17 лет. Я отчетливо помню. Били в барабан, глашатай ходил по городу и возвещал о призыве (“Seferberlik dir”) и о том, что должна начаться война... Потом сказали, что армяне*

должны быть сосланы. В городе начались обыски под тем предлогом, что ищут оружие, но они занимались грабежом, если находили деньги, прикарманивали их, забирали даже ножи для чистки лука. Кто не давал оружия, тому вырывали ногти, избивали или требовали денег, чтобы купить оружие... . В городе и деревнях богатых армян бросили в тюрьмы, народ остался, как стадо овец без пастуха. Скольким [богатым армянам] подковали ноги, скольким вырвали зубы, те, кто попали в тюрьмы, не выдерживая мук, прибежали к самосожжению... . Армянские солдаты турецкой армии были обезоружены и убиты. Их забирали вначале с целью отправки на фронт, но вместо этого они создавали рабочие батальоны (“Amele tabur”), в которых армянские солдаты были в положении каторжника. Безжалостные командиры заставляли армян строить дороги, независимо от того, давали они выкуп (“bedel”) или нет. Под надзором конной полиции их заставляли часами маршировать — голодных и измученных жаждой. Жандармы начинали упрекать, оскорблять и избивать армян. По дороге в Парчандж и Кесирик 2.000 солдат не разрешили напиться воды из родника, кто осмеливался воспротивиться, того били ружейным прикладом. Почти все погибли, их трупы были брошены в общую яму. Так же поступили с 2.000 солдат рабочих батальонов, отправленных в Диарбекир. В Красном доме (тюрьма) собрали школьников из Харберда и безоружных солдат, у которых заранее отобрали оружие, их замученные трупы, сваленные друг на друга, источали смрад. Везде была кровь, блевотина, дерьмо. Лежащие на земле подобны были трупам на поле брани. Вот так всех, приведенных из деревень и сел совершеннолетних или постарше армян, либо загоняли в Красный дом, либо арестовывали и отправляли в Едесию, якобы на железнодорожные работы. После 14 июля 1915 года все молодые армянские мужчины были отправлены на верную смерть...” [Св. 2000: свид. 89, с. 187-188].

Вероника Берберян (1907 г. рожд.) из Йозгата также свидетельствовала о турецком призыве: *“...В субботу вечером всех мужчин собрали, чтобы послать в турецкую армию, но там армян и турок развешивали и армян отбирали... Мой дед — священник Акон Берберян, который уполномочен был защищать права армян, был свидетелем всего этого и спросил у турок: “Почему армян развешиваете от турок?”. Турецкий сборщик*

налогов ответил: “Достопочтенный священник, армян отправляют на дорожные работы, на строительство дорог, а турки отправляются на русский фронт”.

На следующий день (в воскресенье) дед мой, закончив воскресную мессу, пришел домой. Не успел он перевести дух, как узнали мы о случившемся. Сын господина Артина был мельником, утром пошел он на мельницу и увидел страшное — расчлененные части человеческих тел — головы, ноги, руки. От страха он потерял дар речи, и впопыхах придя домой, поведал об увиденном. Господин Артин с сыном пришли к нам и рассказали деду обо всем этом: “Тех, кого вчера забрали в армию, ночью зарезали”. Дедушка посоветовал им обратиться с жалобой к уездному начальнику. Господин Артин пошел к нему с жалобой, но той ночью домой уже не вернулся...

На следующий день (в понедельник) пришли два турецких жандарма с дубинками. Раньше, когда турецкие жандармы приходили к нам, вежливо говорили, что деду моему — достопочтенному священнику — нужно одеться и пойти с ними. На этот раз они были очень грубы: “*Haydi, kalkın!*” (“Эй, вставай! Шевелись!”). Деда повели к уездному начальнику. Вместе с дедом забрали и местных видных армян, торговцев, интеллигенцию. Какой-то турок сказал моему деду: “Священник, настал твой последний час, что ты хочешь сказать нам?”. Дед мой опустился на колени и стал молиться. Турецкий солдат топором отрубил деду голову, и голова его покатилась на землю, а они стали играть в футбол — вместо мяча бросая друг другу дедушкину умную голову...” [Св. 2000: свид. 214, с. 353-354].

Вслед за призывом в турецкую армию начался сбор оружия, который сопровождался повсеместными облавами, во время которых под предлогом сбора “оружия” турецкие жандармы разоряли и грабили дома, арестовывая и убивая армян.

“До начала резни турецкие полицейские собрали оружие. Сын богача — господина Карапета сказал, что у него нет оружия. Полицейские обыскали дом и нашли оружие, после чего вырвали ему ногти, а под мышки вложили горячее вареное яйцо и связали”, — свидетельствует та же Вероника Берберян [Св. 2000: свид. 214, с. 353-354].

А Акоп Олобиян (1902 г. рожд.) из Харберда рассказал нам о следующем. Когда турецкие полицейские потребовали у его

отца оружие, “получив отрицательный ответ, стали бить его кнутом и поволокли в тюрьму. Видя, как его мучают, мать моя назвала их “палачами”. Из-за этих слов они заперли мать в пустом доме. А мы трое — я, сестра и брат остались одни. Я побежал за матерью, заглянул в дверную щель. Мать мне сказала: “Сынок, идите к дяде Григору”. ...В эти дни мой дядя Григор был еще на должности градоначальника. Его пощадили. Он похадатайствовал, конечно посредством взятки, и отца освободили, отец вернулся домой. Один из друзей отца — кузнец Левон Хочикян привел его домой на своих плечах, так как отец не мог ходить. Мать тоже выпустили. Замученный и избитый турками, отец лежал на животе. На спине он не мог лежать. Он рассказал нам о том, сколько всего пришлось вытерпеть ему за ночь. Ахмед онбаши, десятник с жестоким лицом, привел отца из тюремной камеры, чтобы подвергнуть его пыткам: его укладывали на живот, стоявшие с обеих сторон полицейские с дубинками ждали приказа. У отца опять стали требовать маузер и другое оружие: “Отдавай, или ложись. Начните бить”, — приказал онбаши. После 40 ударов они его сажали. Ахмед онбаши спрашивал у него: “Ну что, не хочешь принести свое оружие?”. Отец рассказывал, что Ахмед онбаши рядом с ним посадил школьного и церковного учителя пения Арменака Петросяна, т. е. очередь была за ним. “Эфенди (господин), у меня нет оружия”. Снова наносят ему 40 ударов, снова требуют оружие. Ответ тот же. Перед тем, как уложить третий раз, спросили у отца: “Скажи, у кого есть оружие?”. Отец не мог быть предателем. Если б даже знал, не сказал бы. После 120 ударов его, еле живого, поволокли в тюрьму. Вот рассказ моего отца...” [Св. 2000: свид. 109, с. 220].

В популярной в западноармянской среде турко-армянской народной песне турок-офицер спрашивает у молодого армянина:

“*Ulan gâvur, doğru söyle:
Sende martın varımı?*”

“Скажи, гявур⁴, правду скажи,
Есть ли ружье у тебя?”

Молодой армянин отрицает наличие оружия и говорит, что это клевета:

⁴ Гявур (gâvur) — унижительное прозвище, данное турками христианам, в переводе с турецкого означает иноверец.

"*Hayır, efendim! İftiradır:
Bilmem, görmedim,
Bilmem, görmedim.*"

"Нет, господин, клевета все это,
Не знаю, не видел,
Не знаю, не видел".

Но затем тихо добавил на армянском:

*Оно висит на стене,
Но я ему не скажу,
И народ свой я не предам.*

[Св. 2000: свид. 323, с. 408].

Получивший удостоверение (*vesica*) и насильственно призванный в турецкую армию молодой армянин предчувствует, что "*это дорога смерти*" и что "*на этой дороге слишком много армян*".

*Ana! Oyandır beni, gideyim talime,
Aynalı-martını alayım elime,
Gitmeye doğru vatan yoluna,
Buna ölüm yolu, derler,
Allah saklasın!
Ermeniler çokdur, derler,
Allah kurtarsın!*

Разбуди меня мать, на ученье пойду,
И ружье свое в руки возьму,
Пойду я дорогой родной,
Дорогою смерти пойду,
Бог ты мой, ты нас сохрани!
Там есть много армян,
Боже, ты их спаси!

[Св. 2000: свид. 301, с. 405].

Если в этой песне армянский юноша готов служить в турецкой армии и выполнить свой гражданский долг перед Родиной (*Vatan*), то в дальнейшем он уже осознает, что призыв в армию преследует цель оторвать их от родных:

*Odalar yapturdum bir uçdan uca,
İçinde yatmadım bir gün, bir gece,
Konma, bülbül, konma mezar taşına,
Neler geldi Ermeninin başına!*

Я построил огромный дом,
Много комнат есть в доме том,
Заночевать я в нем не успел,
На надгробье моем ты не пой, соловей,
О сколько нам горя пришлось пережить!

*Tüfengim çadırdır asılı kaldı,
Ceyizim sandıkta basılı kaldı,
Konma, bülbül, konma mezar taşına,
Neler geldi Ermeninin başına!*

В палатке осталось ружье,
А пожитки мои – в сундуке,
На надгробье моем ты не пой, соловей,
О сколько нам горя пришлось пережить!

[Св. 2000: свид. 459, с. 431].

И армянский юноша просит черкеса его пощадить, так как "*невеста его останется вдовой*".

Kıyma, Çerkez, kıyma tatlı canıma:

Пощади, черкес, ты меня,
Пощади ты душу мою:

Yeni nişanlım var karalar bağlar...

Ведь невеста есть у меня,
Ведь останется она вдовой...
[Св. 2000: свид. 311, с. 406].

А невеста горько оплакивает жениха:

*Tuzlu olur İstanbulun fıstığı,
Taştan olur Ermeninin yastığı,
Kör olasun şu meydanın dostluğu:⁵
Aldılar nazlı yarım, duyan ağlasın,
Aman! Aman! Mayrik!⁶*

Соленым бывает стамбульский орех,
А для армян – подушкой камень,
Ослепнуть бы лучше дружбе такой⁵,
Ах, любимого моего забрали,
Заплачут пусть все, кто об этом узнает,
Ох, горе мне, горе, майрик!⁶

[Св. 2000: свид. 338, с. 413].

В этот период был издан особый указ – служащих в турецкой армии ни в чем не повинных христиан не только забирать из отрядов и убивать в укромных местечках, но и морить голодом в тюрьмах:

*Haniya da benim tuz-ekmegim yiyenler,
"Ahbap ölmeden, ben ölürüm" diyenler...*

Где же те, с кем хлеб с солью делил,
"Уж лучше мне умереть, пока не умер мой друг",
Где же те, кто так говорил...

Меж тем его преданные друзья-армяне, делившие с ним хлеб-соль, были уже убиты:

*Tıglik' Sarkis,⁷
Taslak' Misak⁸ vurulmuş...*

Тглик(ян)' Саркис⁷ и
Таслак(ян)' Мисак⁸ убиты...

А он, армянский солдат, арестован:
Mahpushanede üstümüze damlıyor... Протекает крыша в тюрьме...

Родные же его убиты горем:

*Anam da baş üstümde ağlıyor,
Bicare nişanlım karalar bağlıyor...*

Над изголовьем моим плачет мать,
Ну а невеста в черном вся ходит...

[Св. 2000: свид. 334, с. 411].

⁵ Имеется в виду турецкая Конституция 1908г., которая формально обещала "Свободу, справедливость, братство, равенство" всем живущим в Турции народам, независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

⁶ В туркоязычной песне употреблено армянское слово "майрик", которое в переводе на русский язык означает "мама".

⁷ Армянская фамилия.

⁸ Армянское мужское имя.

Кроме тюрьмы, солдату ежеминутно грозила смерть:

<i>Varın, söyleyin anama: damda yatmasın;</i>	Вы скажите маме моей –
<i>"Oğlum Toros" gelir diye "yola bakmasın,</i>	Пусть не спит на крыше она,
<i>Anama deyin: bohçamı açmasın;</i>	На дорогу пускай не глядит,
<i>Çuha şalvarıma uçkur takmasın,</i>	Повторяя – "Сын мой, Торос" мой идет".
<i>Çayrı ben silama varamaz oldum,</i>	Вы скажите маме моей –
<i>İskuhi⁹ nişanlım göremez oldum,</i>	Пусть лежат пожитки мои,
<i>Daracık sokakdan geçemez oldum.</i>	Ей не надо их перебирать,
	В шерстяные брюки мои
	Пояс ей нет нужды продевать,
	Уж я родине помочь не смогу,
	И невесту мою Искуи ¹⁰
	Не смогу я больше увидеть,
	Предо мною закрыты пути.

[Св. 2000: свид. 335, с. 412].

И мать армянского солдата прокликает воинский призыв, который скорее всего походил на бойню, ибо армянские юноши уходили из дома навсегда, уходили в вечность:

<i>Atımı bağladım delikli taş,</i>	Привязал я у дома коня,
<i>Kör olasın sen, Enver paşa!</i>	Чтоб ослеп ты, Энвер паша!
<i>Ermeni cahil kalmadı,</i>	Не осталось армян молодых,
<i>Gitti gül, gitti bülbül, ne diyelim!</i>	Завяли уж розы, пропел соловей,
<i>İstersen ağla, istersen gül, ne diyelim!</i>	Хоть смейся, хоть плачь!
	Что сказать теперь!

[Св. 2000: свид. 448, с. 428].

Гнев народа постепенно перерастает в издевку и насмешку. И в этих народных песнях перед нами предстает образ Талаата паши, составляющий его суть:

<i>Talaat paşa eşek gibi,</i>	Талаат паша подобен ослу,
<i>Biyyıkları yular gibi...</i>	Уздечкою тонкой усы у него...

[Св. 2000: свид. 453, с. 428].

Вслед за мобилизацией и сбором оружия начались аресты армянской интеллигенции, преследующие цель лишить армянский народ не только боеспособной, но и творческой, руководящей части населения. 24-ого апреля 1915 года в Константинополе, в течение одной ночи была арестована почти вся армянская интеллигенция города (273 человека) и угнана в пустыни Междуречья и истреблена. В пустыни

⁹ Армянское мужское имя.

¹⁰ Армянское женское имя.

Чанкыры и Айаш были угнаны и там убиты член турецкого парламента писатель-юрист Григор Зограб, поэты Даниел Варужан, Сиаманто, писатели и врачи Рубен Зардарян, Рубен Севак, Ованнес Тлкатинци, Мелкон Гюрджян, Ерухан, Смбат Бюрат, Тигран Чёкюрян, Назарет Тагаварян и многие-многие другие видные армянские деятели из Константинополя, Сваза, Диарбекира, Марзвана, Эрзерума, Кесарии, Смирны (Измир) и др. армянонаселенных местностей.

По словам свидетельницы этих событий Мари Еркат (1910 г. рожд.) из Адабазара: "...Увели нас в Эскишехир, загнали всех в каравансарай (постоялый двор). Соседний каравансарай был такой же грязный, туда загнали представителей армянской интеллигенции из Константинополя. Они были хорошо одеты, с накрахмаленными воротниками, но одежда на них уже была изорвана. Каждую ночь доносились до нас их плач и стенанья, потому что турецкие офицеры и жандармы их жестоко избивали. Через несколько дней всех их увели. Мы узнали, что их, замучив, убили" [Св. 2000: свид. 226, с. 366].

Всюду закрываются армянские школы и гимназии, вместе с ними уничтожаются армянские церкви.

Армянское патриаршество Константинополя объединяется с Сисским католикосатом, и духовным пастырем турецких армян становится католикос Саак II Хабаян.

В донесениях российской разведки касательно Турции от 15-ого марта и 3-его апреля 1915 г. сообщалось, что в Турции повсеместно проводятся аресты армян, организовываются систематические армянские погромы в Эрзеруме, Дйортйоле, Зейтуне и в окрестностях, имеют место кровавые стычки в Ване, Битлисе, Муше, грабежи, насилие и убийства в Акне и в Малом Айке (Малая Азия). Народ разорен экономически и подавлен морально, к тому же истребляется еще и физически.

Обо всем этом свидетельствует рассказ Сирак Манасян (1905 г. рожд.), уроженца ванского села Кем: "4-ого марта 1915 г. до нас дошло известие, что общественно-политический деятель господин Ишхан¹¹ убит в соседнем селе Гирч. Это было в тот

¹¹ Ишхан – Микаелян Никогайос Погосович (1881-1915), деятель армянского освободительного движения. Защищал интересы ванских армян, занимался вопросами просвещения. Был убит накануне самообороны Вана, по приказу наместника Джевдета паши.

период, когда турки через Джевдета нашу вызывали наших видных деятелей и убивали их. В эти ужасные дни неожиданно убивают также господина Ишхана и бросают его в колодец. Не удовлетворившись этим, двоих его детей также бросают в колодец заживо. Услышав это, все мы впали в панику и стали готовиться к нападению турок.

5-ого марта 1915 г. мы услышали артиллерийскую стрельбу. Народ собрался на площади, все поспешили в церковь. Турки заранее объявили мобилизацию и забрали всех молодых. Так как молодых не было, нашим пришлось оставить позиции и уйти в соседние села. Мы ушли в армянское село Кюкянц. Там было несколько тысяч людей, нас поместили в сенниках. Каждый день турки вешали или зверски убивали армян на наших глазах. Одним из них был мой дядя Петрос. Он был пахарем. Когда мы его увидели, мы его не узнали... Нас изолировали в специальном сеннике. Заперли дверь и приставили к нам стражу. Видя все эти ужасы, мы хотели сбежать из этой деревни. В сеннике не было даже корма для скота. Мне удалось выбраться и пойти в деревню. ...На следующий день мы ушли в горы, они были покрыты густым лесом. Мы были на склоне горы Кыркыр. Расположение села было таким, что мы жили на склоне горы. Неподалеку протекала большая река Шагбат, там же был Шамирамский канал. Мы поднялись на вершину горы, оттуда было видно, как турки и курды уводили наш скот, грабили наши дома, забирали наши постели и белье. Нам было видно, как каждое утро они приходили и начинали пальбу по какой-то мишени. Когда турки ушли, наши парни сошли вниз и увидели, что этой мишенью была голова моего деда. Беспощадные турки закопали моего деда живым, а голову оставили снаружи, и все время целились в неё. Когда мы вернулись в деревню, похоронили уже разложившееся тело деда.

Не могу забыть 1915 год. Когда мы были в горах, был март, был страшный холод, шли дожди... Последнее село перед Варагом — это село Бердак. Там на улицах мы увидели распухшие и разложившиеся голые трупы. Они смердели... пройдя через все это, дошли до Варага. На рассвете турки, занявшие позиции в Варагских горах, заметили нас и открыли огонь. Народ в ужасе плакал. ...Мы бежали в направлении Вана. Шли всегда по ночам, так как они нас преследовали. Когда мы дошли до Вана и должны

были дойти до центра города, турки остановили нас, искали среди нас мужчин. Ванские герои наблюдали в бинокль, стали стрелять. Кто был убит из турок, а кто сбежал, и мы были спасены и смогли войти в Ван, где нас поместили в здании школы. Каждое утро по Вану маршировал духовой оркестр и играл, за ним шли дети. Уже началась самооборона Вана. Какой-то армянин сказал нам, детям: “Идите, соберите пули, принесите нам, чтоб изготовить новые”. Мы собрали и сдали в мастерскую. Вскоре борьба в Ване и Айгестане ужесточилась. Собравшиеся там васпураканцы мужественно защищали и Айгестан, и центр Вана. Наши стойко сражались и в Айгестане, и в центре Вана. Турки, узнав о том, что русские войска из Салмаста приближаются к Вану, стали отступать в панике. Наши напали, истребили не только турок, но и взяли большой трофей — артиллерию, пули и т. д.

6-ого мая на Ванской крепости развевался армянский флаг. Васпураканцы с любовью встречали русских и армянских добровольцев во главе с Зораваром (генерал) Андраником” [Св. 2000: свид. 30, с. 101-102].

В окрестных селах Вана турки истребили несколько тысяч армян. Когда русские войска подошли к Вану, а вслед за ними в Ван прибыли также армянские писатели Ованес Туманян и Александр Ширванзаде, то они стали свидетелями ужасающих сцен: “...Армяне были преданы смерти везде, в основном мужчины. Красивых женщин они забирали с собой,” - пишет в своих воспоминаниях Ованес Туманян. - “А когда выпадала свободная минута либо русские войска и армянские добровольцы оказывались далеко, они придумывали варварские развлечения, которые сводились к тому, что пригвождали людей к кресту, расчленяли людей заживо, складывали расчлененные части тела и придумывали игры: часть тела живого человека опускали в котел и варили, чтобы другая часть видела это и изнемогала от боли... Раскаленным железом отрезали разные части тела и поджаривали эти части на огне, поджаривали людей заживо. На глазах у родителей убивали детей, родителей же убивали у детей на глазах...” [Туманян 1959: с. 212-213].

Если б в Ване армяне не организовали самооборону, то они также были бы убиты. В связи со сказанным уместно

вспомнить слова **Арицуна Арутюняна** (1907 г. рожд.) из Вана: *“Народ прибегает к самообороне, когда видит насилие...”* [Св. 2000: свид. 35, с. 109].

А посему героическая самооборона Ван а, Шатаха и других мест являлась справедливым протестом западных армян против политики насилия, применяемой младотурецким правительством, а также против политики великих держав. Об этом говорится в народной песне:

*Небольшой город Ван с округами,
Сотни тысяч трупов в Ване теперь,
Кровью окрашены в Ване поля,
Загрохотали небо и звезды,
Загрохотали и облака,
Грохочут они, приказы давая,
Чтобы услышала их Европа,
Чтобы услышали их США.*

[Св. 2000: свид. 532, с. 444].

Однако ни Европа, ни Америка не попытались пресечь эту кровавую бойню. Только национальные герои стали поддержкой и опорой народу.

С началом первой мировой войны, подобно западным армянам, сасунцы также не избежали этой трагической участи – грабежей, погромов и резни.

В марте 1915 г. турецкие банды ворвались в Сасун. В апреле-мае 1915 г. сасунцы оказали героическое сопротивление турецким войскам, но так как потери армян были неисчислимы, им пришлось отступить к склонам горы Андок. Однако армяне и здесь не сложили оружие, продолжая вести самооборонительные бои. В июне упорные бои шли в районе Асанка. Воинам Гомуц ванка (монастырь) и Талворика удалось захватить Сатанинский мост и прогнать оттуда курдов. Ксакцы приходят им на помощь, и 30 июля сасунцы освобождают Шеник, но туркам удается захватить скотные дворы у подошвы г. Андок. Сасунцы оказывают героическое сопротивление туркам и курдам в горах Андока, Цовасара и Герина. Избежавшие резни в Муше и Мушской равнине около 30.000 армян, нашедшие убежище в горах Каны и Аваторика, вели самооборонительные бои, однако они были жестоко разбиты турками.

Сасунец **Аракел Давтян** (1904 г. рожд.) рассказал нам следующее: *“Турки напали, стали всех убивать, а красивых девушек и женщин увели, похитили. В нашей деревне был фидаи (народный ополченец, партизан) по имени Мисак. У него было оружие, он засел в церкви и стал с ними биться, у нас оружия не было. Сасун сопротивлялся два месяца. Турки осадили Сасун и стали убивать наших, помощи не было никакой, убили всех...”* [Св. 2000: свид. 4, с. 55].

Своими воспоминаниями с нами поделился сасунец **Хачик Хачатрян** (1900 г. рожд.), уроженец села Шеник: *“Турецкое войско численностью почти в 60.000 окружило нашу деревню. Наши оказали им сопротивление. Дважды турки ворвались в нашу деревню. И дважды наши фидаи и все те, у кого было оружие, прогнали их. Собрались в центре деревни. За 3 дня до этого жители покинули деревню и ушли в Андок. Женщины с детьми также покинули деревню. Я тоже пошел с ними. В начале июля вошли мы в Андок. У нас не было ни хлеба, ни воды, было только несоленое мясо, даже соли не было. В Андоке мы остались около 45 дней. Кто мог сражаться – сражался с турками. Турки вошли в Андок, в Андоке завязались бои с турками. 45 дней держались. К концу наши запасы иссякли. Не было хлеба. Остался лишь похинд (мука из жареной пшеницы). Турецкое войско снова напало, перебили всех детей, ущелья были полны их трупами, матери их не смогли спасти. Турки и курды все время открывали стрельбу, от каждой пули погибало человек десять. Кто смог убежать, спасся. Невест увели. Скольких людей унесла река. Под конец с горы сбрасывали людей, чтобы пуль не тратить...”* [Св. 2000: свид. 2, с. 53].

Об этих трагических днях более подробно рассказывает также еще один сасунец **Егизар Карапетян** (1886 г. рожд.), подтверждая слова предыдущего очевидца: *“Нападение курдов на армян было, якобы, несанкционированным, но все были убеждены в том, что все это происходило с ведома и по приказу правительства, свидетельством тому было то, что жалобы и протесты армян оставались безответными. Сервет паша был младотурком, он был пашой губернии и был верен исламу. Поэтому и он должен был исполнить свой долг подобно другим губернским пашам. Начиная с 10 июня главари курдских аширатов приходили в Муш, получали приказы и возвращались домой.*

Каждую ночь из города на телегах вывозились оружие и снаряды для вооружения курдов. Для успешного завершения резни армян правительством был разработан специальный план — были намечены даты нападения, распределены деревни для отдельных турецких и курдских банд, намечалось в течение одного дня стереть с лица земли 105 деревень в Мушской равнине, не пощадив ни одного ребенка. Погром 35 деревень, начиная с деревень, расположенных справа от Муша до истоков реки Мехрагет, был поручен хаджи Мусабеку, под командованием которого было 3.500 всадников и курдов-пехотинцев. Погром 15-ти северо-западных деревень должен был осуществить Слеман ага из Фаткана, под командованием которого было 1.000 вооруженных курдов. 20 деревень в окрестностях монастыря Св. Карапета были отданы в распоряжение помощника главаря разбойничьей банды — младотурка Рашида эфенди (господин), у которого было 500 всадников, к ним должны были присоединиться также войско, расположенное в монастыре Св. Карапета, и находящийся в деревне Зиарет надсмотрщик со своими жандармами. Северо-восточная часть Мушской равнины, погром 15 ее деревень был поручен Джндю, сыну Дрбо, из Джэбрана, Зуберу, сыну Колото, и надсмотрщику из Агчана, в распоряжении которых были более 1.000 курдов и жандармов. Разгром 20 чхурских деревень восточной части равнины был поручен шейху Газрету, у которого было 1.200 всадников, состоящих из курдов Зилана и Косура. Помимо этих задействованных сил каждый мусульманин должен был исполнить свой святой долг — нещадно убивать каждого встречного армянина. Положение резко изменилось. Армяне уже не могли вернуться из деревни в город. Турки жестоко избивали и подвергали их пыткам, а часто и убивали всех, кто им попадался. Иногда пожилые женщины шли в город за чем-либо, их также мучили и насиловали, обзывали непристойными словами. Народ был охвачен паникой, люди потеряли покой и сон.

22 июня 100 курдских всадников из Бакрана расположились у горы Крнкан Гёл. 23 июня 10 курдских всадников пришли в нашу деревню и потребовали 10 овец, 10 мешков муки и 10 кусков войлока. Все это, не возражая, бесплатно дали им. Али, сын Тамо, будучи давно знаком с жителями нашей деревни Аваторик и движимый жалостью, сказал: “Армяне, я не раз делил с вами

хлеб-соль, должен сказать вам правду. Султан приказал, чтобы все армяне, живущие на османской земле, были уничтожены. Если вы посмотрите на Сливанскую равнину, то увидите, что пшеница поспела там, но даже воробышка вы там не увидите. Мы перебили там всех армян, там все пустынно. А сейчас правительство нас послало сюда, чтобы мы уничтожили также мушских и сасунских армян. Через несколько дней здесь тоже начнется резня, чтобы на этой земле не осталось ни одного человека, произносящего имя Христа”. Курды взяли все, что хотели, и ушли, а мы погрузились в тяжелые раздумья. ...Вот таким образом эта губерния, на протяжении веков заселенная привязанными к земле и чапыге армянами, за одни сутки обезлюдела, превратившись в пустыню. А хозяева этой земли безжалостно были истреблены турками и курдами: от меча, огня и воды погибло 70.000-80.000 жителей 105 деревень. Насчитывавшее миллионы их имущество также было разграблено. ...28 июня (в воскресенье) был праздник Вардавар (Преображения), но этот воскресный день стал днем мардавар (скорби и смерти, сожжения людей) для армян Таронской равнины...” [Св. 2000: свид. 1, с. 44-45].

Об этом же скорбном дне рассказала нам Шогер Тоноян (1901 г. рожд.) из Муша: “...В этот день Преображения, 1915 г., началась резня. Турецкие аскяры (полицейские) привели чеченцев из Дагестана, они вырезали армян. Разграбили всю нашу деревню, увели скотину — овец, быков. Красивых тоже увели. Сыном моей тети был со мной, его тоже увели, мужчин не осталось. Собрали всех от мала до велика и загнали всех в хлев, в деревне Авзут, там их и сожгли. Многих сожгли в хлевах Мардо, сына Малхаса, разложили стога сена вокруг хлева, полили их керосином и подожгли. Из моего отцовского рода 60 человек сгорело в этом хлеву. Того, что мне довелось увидеть, лао¹², врагу своему не пожелаю. Спаслись только я и мой брат. Вначале красивых невест и девушек взяли — отуречили, а маленьких мальчиков вырвали у матерей, чтобы превратить их в жандармов. Когда хлев загорелся, от дыма люди стали задыхаться и погибали. Матери отрекались от детей, лао. То была настоящая Содом-

¹² Лао — ласковое обращение к дочери или к сыну в сасунском и других армянских диалектах.

Гоморра. Горевшие люди бежали, топтали упавших, бились об стены. Того, что мне довелось увидеть, лао, не пожелаю даже волкам... Говорили, что турецкий мулла, видя все это, не выдержал и повесился. Большая часть людей погибла от удушья. Крыша хлева обвалилась на мертвых. Лучше б и мы с младшим братом сгорели, как 60 человек из нашего рода, чтобы не увидеть всего содеянного изуверами — безбожными и безжалостными турками. В хлевах сожгли всех жителей нашей деревни, а также — Вардениса, Мшахшена, Агбениса, Авзута, Хвнера и др. окрестных сел. Того, что я видела своими глазами, врагу своему не пожелаю... Когда крыша обвалилась, дымник открылся, дым и пламя вырвались наружу, и в хлеву стало возможно дышать. Я и дочь моего дяди — Арег схватили за руки и за ноги моего потерявшего сознание брата и выбросили его на крышу, а я и Арег, переступая через трупы, через этот дымник выбрались наружу. Когда мы вышли на крышу, увидели, что турецкие солдаты веселятся и танцуют. До сих пор их песня звенит в ушах моих — “Yürü, uavrut, yürü!” (“Шагай, сын мой, шагай!”), пели они, ударяя саблю о саблю” [Св. 2000: свид. 8, с. 61].

Свидетель-очевидец из Муша Седрак Арутюнян (1904 г. рожд.), подобно многим другим, рассказал нам: “Я видел не только резню в нашей деревне, но и видел, как бежали люди из разных деревень. Их трупами покрыта была земля, как циновкой” [Св. 2000: свид. 9, с. 63].

Историк, профессор Ваагн Дадрян, занимающийся проблемой Геноцида армян, касаясь мушского погрома и резни, отмечает: “Поистине, резня армянского населения Муша и почти 100 деревень Мушской равнины — около 90.000 человек, была самым ужасающим и в то же время ужасным эпизодом Геноцида армян. С этой точки зрения имевшие место три события делают мушскую резню особо примечательной: во-первых, то, что турецкая армия, курдские разбойничьи банды и администрация османского правительства рука об руку содействовали осуществлению чудовищного плана Иттихада; во-вторых, необычность этой [турецкой] армии заключалось в том, что 10-20 рот специально были переброшены сюда из Харберда, пушечным кольцом окружили армянские кварталы Муша и разбомбили их до основания, уничтожив все армянское население, хотя и несколько домов

были укреплены и оказали им вооруженное сопротивление; в-третьих, большинство армянского населения Мушской равнины, достигающее 70.000-80.000 человек (женщины, дети, старики), заживо были сожжены в хлевах, конюшнях, сенниках...” [Дадрян 1995: с. 14].

А Грант Гаспарян (1908 г. рожд.) из Хнуса поведал нам следующее: “Я рассказал вам все, что сам видел. Все увиденное предстает перед моим взором. Ничего мы не взяли из Хнуса. Только свои души смогли спасти. Наш род состоял из 143 человек, спаслись лишь сестра, брат, мать и я...” [Св. 2000: свид. 12, с. 71].

Если из огромного патриархального рода, состоявшего из 143 душ, спаслись лишь четверо, то нетрудно представить, сколько тысяч армян было сожжено в прототипах фашистских газовых камер — в хлевах и сенниках, сколько тысяч армян было сожжено до Holocaust-а евреев.

По следам этих исторических событий была создана народная песня:

*...Восстал против турок Сасун —
Сасун со своими лесами,
Сасун, огражденный горами,
Лишь кровью горячей
Там пахнет сейчас.*

[Св. 2000: свид. 531, с. 443].

“Горячей кровью” пахло и в героическом Шапин-Карахисаре, Шатахе, Карине, Понтосе, Муше, Свазе, Харберде, Малатии, Диарбекире, в армянонаселенных местностях Западной и Центральной Анатолии — в Измите, Бурсе, Анкаре, Конии и т. д. С неопишуемой жестокостью уничтожали всех, даже младенцев.

Когда русские войска отступили, вслед за ними вынуждены были перебраться в Восточную Армению армяне из Вана, Сасуна, Шатаха, Шапин-Карахисара, Муша, Битлиса, Алашкерта, Баязета, Баберда, Эрзерума и других местностей. Они, со слезами на глазах, вынуждены были покинуть свой Эргир (Отечество), свою древнюю историческую родину, оказавшись на дорогах изгнания. Об этой великой национальной трагедии сложила песню Шогер Тоноян (1901 г. рожд.) из Сасуна:

*Оставили Муша родные поля,
Святую обитель, родину, дом,
Часовни и церкви оставили там,
И книги свои, каноны свои,
Святое Евангелие оставили там,
Оставили все проклятым псам.*

[Св. 2000: свид. 557, с. 453].

Воистину, дороги изгнания были трагедией.

О вынужденном бегстве из родных мест с горечью вспоминает Вардуи Потикян (1912 г. рожд.) из Вана: *“...Врагу своему не пожелаю того. Будь проклят этот день, когда пришлось покинуть родные места. Дошли мы до моста в Беркри. Вдруг раздались крики – бегите! В темноте мы увидели, как на бегущих напали курды. Ущелье Беркри очень узкое, армяне подскальзывались и падали в реку, тонули. Кто-то хотел пройти через ущелье на скотине, кто-то пытался проплыть, но вода уносила всех. Люди кричали, плакали, были слышны ужасающие вопли. Курды стреляли по армянам. Матери отрекались от детей.”* [Св. 2000: свид. 49, с. 128].

Под непосредственным впечатлением этих страшных сцен и была создана следующая образная народная песня:

*Спустились турки с черной горы –
Покрылись трупами воды реки,
Чтоб ты засохла, река в Беркри,
О, сколько крови испила ты!*

[Св. 2000: свид. 344, с. 414].

С неисчислимыми потерями шли люди вперед, поток обессиленных и измученных людей был нескончаем. Шогер Тоноян (1901 г. рожд.) из Сасуна сложила об этом скорбную песню:

*...Подводы, покачиваясь шли,
За ними вслед шли матери, рыдая...*

[Св. 2000: свид. 344, с. 414].

Когда мы обратились к ставшему впоследствии известным химиком, уроженцу Вана Агаси Канканяну (1904 г. рожд.) с

просьбой рассказать нам об изгнании из родных мест, он с нескрываемым волнением, плача, стал вспоминать: *“...До Игдыра мы шли 10 дней, под дождем и под солнцем, в грязи непролазной, полуголодные и измученные жаждой. В дороге часто нападали на нас курды, грабили, убивали. Это произошло у моста Бандимах (Беркри), где скапливалось много людей. Сколько матерей с детьми в объятьях бросилось с этого моста, дабы не попасть в руки турок. Тех, кто умирал по дороге, или кого убивали, оставляли на обочине, иногда засыпали их землей, иногда... так и оставляли. Непогребенные трупы произвели на меня такое сильное впечатление, что я заболел депрессией, и это продолжается до сих пор”* [Св. 2000: свид. 28, с. 98].

Обездоленным, обессиленным армянским беженцам, оставившим своих родных непогребенными, с большим трудом удалось дойти до Игдыра (Сурмалу), который должен был удостоиться той же участи. Народная песня о Сурмалу нами была записана с уст известного и любимого народного певца, уроженца Шатаха Айрика Мурадяна (1905 г. рожд.):

Ах Сурмалу, джан Сурмалу!
Речи армянской, колоколов
Там не слышно теперь,
Ведь многолюдным когда-то ты был,
Школами славен ты некогда был,
Логовом волчьим стал ты теперь.*

[Св. 2000: свид. 559, с. 453].

Этот кошмар довелось пережить и армянам Киликии.

Через армянонаселенную Киликию проходила имеющая исключительное значение железная дорога Берлин-Багдад. Это обстоятельство вызывало беспокойство у турецкого правительства, ибо трудолюбивые и предприимчивые киликийские армяне могли занять господствующее положение в турецкой экономике. В Горной Киликии, начиная с Аджна, Зейтуна вплоть до Дйортйола, было много армянских деревень и сел, жители которых хотя и занимались шелководством, ткачеством, ковроделием и иными знатными ремеслами, но новое поколение было довольно-таки просвещенным и образованным благодаря действовавшим там армянским и ино-

* Джан – дорогой, родной.

странным школам и колледжам, которые сыграли важную роль в формировании их личности и внутреннего мира. Кроме того, имевшие место в ряде губерний Турции насилие и погромы, связанные с тем, что обещанные после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. реформы не были претворены в жизнь, не полностью истребили свободолюбивых киликийцев. Зейтун давно стал средоточием деспотичной ярости турок. Настало время свести старые счета с храбрыми и непреклонными зейтунцами.

Эти исторические события подробно описаны в воспоминаниях зейтунских свидетелей-очевидцев **Гюрджи Кешишяна** (1900 г. рожд.), **Карапета Тозляна** (1903 г. рожд.), **Овсепя Бштикияна** (1903 г. рожд.), **Евы Чулян** (1903 г. рожд.), **Седрака Гайбакяна** (1903 г. рожд.), **Самвела Арджикяна** (1907 г. рожд.) и **Гаянэ Атурян** (1909 г. рожд.) [Св. 2000: свид. 137-143, с. 254-269].

Киликийцы, которые были достойными потомками последнего армянского царства (XI-XIV вв.) и были воспитаны на славных традициях национально-освободительной борьбы, могли и на этот раз с честью отразить нападение турок, однако этому препятствовали киликийский католикос Саак Хабаян и именитые армяне, которые, поверив лживым обещаниям турецкого правительства, призывали к покорности, объясняя это тем, что “малейшее неповиновение может быть опасным для всех армян турецких губерний”.

Как в других местностях, так и в Киликии у армян отобрали оружие, а армянских юношей призывали в турецкую армию, хотя многим из них удалось бежать из армии и скрыться в Зейтуне. Хуршид паша с 3000-ым войском требует выдать дезертиров, которые нашли убежище в старинном монастыре Св. Богородицы, построенном на горе Берзнка. 25-ого марта 1915 г. турки открыли пальбу по монастырю. Зейтунцы во главе с Паносом Чакряном отвечают на атаку противника, но при этом шадят малочисленные пули. “...Монастырь находился прямо напротив Зейтуна,” - рассказывал зейтунец **Карапет Тозлян** (1903 г. рожд.), - “мы, зейтунцы, стоя, наблюдали. Вдруг видим, несколько турецких аскяров принесли керосин, чтоб поджечь монастырь, но сражавшиеся армяне их убили...” [Св. 2000: свид. 139, с. 262].

9-ого апреля 300 видных зейтунцев завели в казармы вместе с их семьями, затем всех угнали неизвестно куда. Это были первые изгнанники. Началась депортация зейтунцев. Сначала был опустошен монастырский квартал, потом — окрестные села. Затем был razoren и героический Зейтун.

Весной 1915 г. начинается депортация и резня армян в Киликии. Друг за другом были опустошены Мараш, Айнтап, Аджн, Антиок, Искендерун, Кесаб и др. армянонаселенные местности:

Sürgünlük çıktı, köy boşaldı,

Benim kıymetli malım Türklere kaldı,

Çoluk-çocuk yolcu olduk,

Alan-talan başladı.

Ссылка началась, опустела деревня,

Туркам досталось все, что имел я,

И стар, и млад в дорогу пустились,

Ну а затем — грабежи начались.

[Св. 2000: свид. 366, с. 418].

Председатель миссионеров Ближнего Востока Иоган Лепсиус в связи с зейтунской депортацией в тайном отчете “Армянские погромы” отмечал: “...Чуть позже началась массовая депортация армян Зейтуна, несколькими караванами, друг за другом. Их было около 20.000 человек. В городе было 4 квартала. Людей погоняли друг за другом, часто женщин и детей — отдельно, мужчин — отдельно. Пощадили только ремесленников, 6 человек. Депортация длилась несколько недель. Во второй половине мая Зейтун был полностью опустошен. 6-8 тысяч зейтунцев были отправлены в Карапунар и Сюлеймание, в местности, расположенные между Конией и Эррейли, 15-16 тысяч были отправлены в Дейр-эль-Зор, на Евфрате, в степи Междуречья. Нескончаемые караваны потянулись из Мараша, Аданы и Алеппо. Пищи было мало, невозможно было остановиться где-нибудь, чтобы передохнуть и затем дойти до пункта назначения...” [Галустян 1934: с. 178].

“Депортация армян представляла собой коварно замаскированный смертный приговор”, - указывал французский публицист Рнэ Пинон в своей работе “La suppression des Arméniens. Méthode allemande — travail turc” (“Истребление армян. Немецкий метод — турецкое исполнение”) [Pinon 1916: p. 27].

На дорогах депортации полицейские и облаченные в военную одежду высвобожденные из тюрем преступники-

убийцы грабили всех, похищали и обесчещивали женщин и девушек.

Безоружных и беспомощных армян, потерявших видных представителей своей нации, погоняя кнутом и штыками, выселяли из их родных очагов. Со слезами на глазах они вынуждены были покинуть землю предков. Инициированный турецким правительством Геноцид охватил почти все армянонаселенные области Османской империи.

Вот что вспоминает по поводу названных событий **Ишхан Айказян** (1909 г. рожд.) из Басена (Эрзерум), поделившийся с нами своими мыслями: *“...Иногда задумываюсь над своим прошлым, над тем, как турки безжалостно убивали безоружных армян. Правда, мы тоже воевали на войне (вторая мировая война – В. С.), мы тоже убивали людей, но это была война, и обе стороны были вооружены. А армянский народ тогда был слишком беззащитен и не имел оружия...”* [Св. 2000: свид. 93, с. 199].

Армян истребляли и на месте, и в ссылке, в бескрайних пустынях Междуречья, особенно в Ракке, Авране, Рас-уль-Айне, Мескене, Суруче, Маркате, Дейр-эль-Зоре и т. д.

Мартiros Гёзаян (1898 г. рожд.) из Бейлана, испытавший все лишения депортации и нашедший убежище у арабов – пустынников, с яростью вспоминал о своем прошлом: *“...Турецкий ятаган разорил очаги армян. Перевернули наши дома вверх дном, все унесли, а нас угнали в арабские пустыни, мы шли голодные, мучимые жаждой, прося милостыню, шли, сами не зная, куда идем...”* [Св. 2000: свид. 175, с. 314].

Мушег Акопян (1890 г. рожд.) из Никомедии также с глубокой печалью рассказал нам о муках депортации: *“...Наш дом разорили, разрушили, все, что было в доме, унесли, угнали скотину, нас угнали в пустыню. По дороге был получен приказ – за каждую душу по одной золотой монете. Они были так безжалостны, что заставляли нас вернуться назад по пройденному уже пути, чтобы мы выбились из сил, вновь заставляли идти по горам и ущельям, чтобы мы погибли от изнеможения. Не было уже ни хлеба, ни воды...”* [Св. 2000: свид. 228, с. 368-369].

А вот что поведал нам **Давид Давтян** (1908 г. рожд.) из Бурсы: *“...Наш род состоял из 62 человек, вернулись только*

четверо. Некоторых взяли в турецкую армию, где они и погибли, кто-то умер на дорогах ссылки. Моего дядю, которому с трудом удалось сбежать из турецкой армии, преследовали и убили. Отец мой тоже бежал из турецкой армии и укрылся в одной из деревень Конии до перемирия. Мать, сестра и дед от вшей заболели в дороге тифом. По степям Конии мы шли голодные и измученные жаждой...” [Св. 2000: свид. 235, с. 372].

Очевидец событий **Аветис Норикян** (1909 г. рожд.) из Бурсы также поделился с нами своими печальными воспоминаниями: *“...Четыре года остались мы там. Собирали последние зернышки собранной уже пшеницы и ели, траву собирали. Но бабушка моя умерла в дороге. У моего отца было 3 брата, их семьи погнали в Дер-Зор, там и они все погибли...”* [Св. 2000: свид. 236, с. 374].

80-летняя **Смбул Берберян** (1909 г. рожд.) из Афион-Карахисара, несмотря на свой преклонный возраст, была очень энергичной женщиной. Когда мы попросили ее рассказать о своем прошлом, вначале она отказалась, затем расплакалась и, запинаясь, стала рассказывать. Она напела нам грустную песню собственного сочинения. Часто она прерывала свой рассказ и продолжала его песней. Эта грустная песня была историей ее печальной жизни. Вот отрывок из ее рассказа: *“...Отца я не помню. Турки его убили. И дядю, замучив, убили. Старшего брата забрали в турецкую армию. Затем взяли и младшего брата. После узнали, что вместе с 17-ью армянскими парнями ночью их убили и бросили под мостом. Так что мужчин не осталось в нашем роду, когда нас погнали в ссылку. В Дер-Зоре похитили моих пятерых тетей, затем отрубили им головы, посадили головы на штыки, чтоб мы видели. А тела их кинули в Евфрат. Мы нашли лишь часть тела маминей сестры, и мама схоронила ее. Всех зарезали, никого не оставили. Мама ослепла от слез...”* [Св. 2000: свид. 200, с. 335-336].

Когда мы обратились к **Аршакуи Петросян** (1903 г. рожд.) из Йозгата, вначале она не захотела поделиться с нами историей своей трагической жизни, мотивируя тем, что сердце ее не выдержит, но все же, найдя в себе силы, уступила нашей просьбе. Вот отрывок из ее нескончаемых воспоминаний: *“...Шесть дней шли по горам Йозгата. Не было ни воды, ни хлеба. У всех пересохло в горле. ...Нас погоняли, как стадо овец. Вдруг к нам подошли окровавленные, замученные, ограбленные армяне и*

сказали: “Хоть бы мы с вами шли”. Сказали и заплакали. Жандармы увидели, стали кричать, не разрешили им идти с нами, стали их отгонять от нас. “Не смешивайтесь!”, - кричали они. Эти армяне, как и мы, были голодными, шесть дней пути, побои выбили их из сил. В этой суматохе небо покрылось черными тучами, турки на некоторое время потеряли нас из виду. Мы помогли этим армянам, чем могли, кто куском хлеба, кто перевязывал им раны кусками нашей рваной одежды. Мы не предполагали, что на следующий день эти безжалостные, безбожные турки сделают с нами то же самое. Когда тучи разошлись, жандармы вновь стали погонять нас кнутами и цепями, заставляя двигаться вперед. Привели нас всех куда-то, загнали в какие-то дома, якобы, для отдыха. Ночью они напали на нас. Вломали двери и вооруженные ворвались в дом. У матери моей в одежду было зашито золото, золото забрали, всех ограбили и раздели догола... Вдруг пришел глашатай и стал кричать: “Haydi, gâvur”¹³ kesmeye gidelim, balta-kürek alalım, gâvur kesmeye gidelim” (“Ну, пойдем резать гявуров, берите топоры и лопаты, идем резать гявуров”). Когда вспоминаю все это, сердце холодеет. Там была какая-то турецкая деревня. Турчанки подошли к нам и заплакали. Плакали так, как оплакивают покойников. Перед тем, как зарезать этих раненых армян, сняли с них одежду, чтобы зашитое в ней золото им досталось. Жестяные чаны уже были полны золота. Всех этих раненых армян увели и зарезали неподалеку от нас, у ущелья. Турки подходили и искали золото у зарезанных. Мы плакали и дрожали от ужаса. Среди нас мужчин не было, только женщины, девушки, дети. Среди нас было двое 17-летних парней, но мы их спрятали в тюки, чтоб не нашли их турки. Кругом стоны и плач. Allah yardım olsun, hey, Türk, Allah'dan bulasin, alçak Türk! (Да поможет нам Бог, эй, турки, да накажет вас подлые турки). Вдруг пришли жандармы и заговорили с нами ласково: “Матери и сестры, подумайте хорошенько, хотите стать турками или нет. Вы видели зарезанных. Хотите, чтобы с вами поступили так же. Не лучше ли вам стать турками, иначе будете зарезаны”. ...Ох, дитя мое, сколько горя и ужасов мне пришлось пережить, даже не знаю, о каком поведать...” [Св. 2000, свид. 212, с. 345-346].

¹³ Гявур (gâvur) — унижительное прозвище, данное турками христианам, в переводе с турецкого означает иноверец.

Слезу стали душить ее, и она замолчала, предавшись своим горестным мыслям.

Самвел Патрян (1900 г. рожд.) из Эскишехира также вспоминал о дорогах депортации и о своих муках: “...Когда нас погнали в ссылку в 1915 г., помню, как повели нас пешком из Эскишехира в Сиврихисар, затем в Гайману, Кыршехир, потом в Кайсери — в Кесарию. Чего только мы не видели по дороге, чего только не натерпелись...” [Св. 2000: свид. 204, с. 339].

“...Из всей нашей деревни выжила лишь я,” - плача, рассказывала нам 80-летняя зейтунка Ева Чулян (1903 г. рожд.). - “Турки всех выселили из деревни. Нас били кнутом, чтобы мы шли. Всех со связанными за спиной руками загнали в какую-то казарму, где мечом и топором отрубили кому-то руку, кому-то ногу; всех нас раздели догола, ни брюк, ни рубашки. Это было в Дер-Зоре. ...Наутро пришли, снова стали собирать и убивать армян, бросая их в воду, там, в пещере протекала река Хабур. Одному отрубили голову, другому — ногу, третьему — руку, всех свалили друг на друга. Среди них были и живые, они плакали, кричали от боли, стонали, пахло кровью, царил голод. Живые стали есть мясо мертвых...” [Св. 2000: свид. 140, с. 266].

А вот рассказ Арама Кёсеяна (1908 г. рожд.) из Харберда: “В 1915 г. мне было семь лет. Был дан приказ о выселении армян из Харберда. Разодетыми отправились мы в путь, словно шли на свадьбу. По дороге начался грабеж, грабили турки нас нещадно и не единожды. Каждый из них брал все, что мог. Под конец на нас осталось лишь нижнее белье, и оно было уже изорвано в клочья. Мать прикрывала мне глаза, чтоб я не видел лежащих на земле мертвых и умирающих. Мать и брат мой остались на этой дороге, не могли больше идти, не знаю, что стало с ними, остались ли живы или нет... Вслед за нами турки собирали детей. Мы не знали, с какой целью — убить ли хотели или усыновить. ...Мы столько шли, что обессилели полностью. Наконец приказали остановиться. Остановились мы в ущелье. Стали спрашивать взрослых: “Армянин ты или турок?”. Тех, кто назвался армянином, уводили в одну сторону, а тех, кто назвался турком, отводили в другую сторону. Всех, назвавшихся армянами, увели подальше от глаз и зарезали. Назвавшиеся турком спаслись. Ночью нас, детей, собрали на каком-то маленьком холме. Оказалось, это был холм из человеческих голов.

Утром, когда рассвело, мы увидели холмиком сложенные друг на друга головы. Всю ночь мы спали на этих отрубленных головах, ничего об этом не зная..." [Св. 2000: свид. 115, с. 228-229].

Под впечатлением этих ужасных событий была сложена скорбная народная песня:

*Весна наступила — поет соловей,
Не бреди ты глубокой раны моей,
Боже ты милостивый, что за Дер-Зор?
От горьких слез ослеп мой взор.*

[Св. 2000: свид. 364, с. 418].

И поскольку запрещено было говорить по-армянски, они вынуждены были в большинстве случаев выражать свою скорбь на турецком.

Эти песни, имеющие огромное историко-фактографическое значение, были записаны нами в разное время, с уст разных очевидцев и в разных вариантах. Последнее свидетельствует о том, что они, являясь художественным отображением исторических событий, имеют общенародный характер. А более чем 85 четверостиший по теме "*В пустыне Дер-Зор*" по своему тематическому разнообразию и общности припевов являются продолжением друг друга, ибо все они отображают неопишуемые страдания армян.

Елисапет Калашян (1888 г. рожд.) из Муса-дага была нашей первой респонденткой, предоставившей нам песни на турецком языке. Она рассказала нам историю своей горькой жизни: "*В арабских пустынях мы были, как животные: ни одежды, ни пропитания у нас не было, мы не ели, не пили, шли грязные, немые. Даже когда шли по нужде, турок-жандарм стоял над головой, не было ни стыда, ни чести. О еде вообще не было речи, мы собирали траву, ели ее и паслись, как скотина. Если у кого-то была соль, посыпали траву солью, чтоб вкуснее было. Иногда издали видели арабов, бедуинов арабов, у них было много овец, но не было домов, жили они в шатрах. Эти арабы жалели нас, давали немного плова, пальцами мы хватали и ели, чтобы выжить. У меня было 3 малыша, они умерли в дороге..., поэтому я одна-одинешенька в моем пожилом возрасте..."* [Св. 2000: свид. 367, сноска № 2, с. 418-419].

Эта 70-летняя женщина, жившая в Вардашенском районе г.

Еревана, в 1956 г. впервые напела нам куплеты из созданных армянами туркоязычных песен о Дейр-эль-Зоре, пела с дрожью в голосе, вспоминая свое горькое прошлое, потерянных детей, слезы душили ее. Она останавливалась, чтобы набрать сил, вновь начинала петь, вновь плакала.

Согласно нашим очевидцам-свидетелям, резня началась в пасхальное воскресенье апреля 1915 г., дабы армяне испытали все муки Христа: "Армяне кровью своей должны покрасить пасхальные яйца", - говорили турки. И звучала скорбь армян, ставшая песней:

*Zatik-kiraki¹⁴ çadır söktüler,
Bütün Ermenileri çöle döktüler,
Keçi gibi Ermenileri kesdiler,
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

В воскресную пасху палатки снесли,
И всех армян в пустыню свели,
В пустыне, как коз, зарезали их —
Во имя веры армяне погибли!
[Св. 2000: свид. 386, с. 421].

И начались неопишуемые муки армян:

*Ağaçlardan kuş uçu,
Yandı yürek tutuştu.
Yanma, yüreğim, yanma!
Bu ayrılık bize düşdü,
Bu muhacirlik bize düşdü,
Bu Derzorluk¹⁵ bize düşdü.*

Птицы с деревьев слетели,
Пламенем вспыхнуло сердце,
Сердце мое, не пылай, не гори!
Наша участь — разлука,
Наше участь — изгнание,
Наша участь — пустыня Дер-Зор.
[Св. 2000: свид. 367, с. 418-419].

Пустыня Дейр-эль-Зор стала кладбищем Геноцида армян, где не было спасенья:

*Der Zor'a gidersem, gelemem belki,
Ne ekmek, ne su ölürüm belki.*

Если в пустыню Дер-Зор я пойду,
Вряд ли уже назад я вернусь,
Без хлеба-воды, быть может, умру.
[Св. 2000: свид. 368, с. 419].

Средства массовой информации хранили молчание, меж тем как на глазах всего цивилизованного мира подвергался уничтожению один из древнейших созидательных народов, единственной виной которого было его армянское происхождение:

¹⁴ В туркоязычной песне употреблены армянские слова "Затик-кираки" ("Пасхальное Воскресенье").

¹⁵ Пустыня Дейр-эль-Зор, куда были изгнаны армяне.

*Der Zor'a varmadan
Ermeni muhaciri oturmuş
Hüngür-hüngür ağlıyor...*

Еще не достигнув Дер-Зора,
Армяне – беженцы плачут,
Плачут, плачут армяне...
[Св. 2000: свид. 368, с. 419].

Положение армян было безвыходным и ужасающим:

*Der Zor çölünde üç ağaç incir
Elimde-kelepçe, boynumda zincir,
Zincir kımıldadıkca, yüreğim incir:
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

Три дерева инжирных
В пустыне Дер-Зора растут,
Цепи на шее, на руках – кандалы,
Стонет сердце мое от этих цепей,
Во имя веры погибли армяне!
[Св. 2000: свид. 391, с. 421].

Депортированные армяне шли по этой дороге смерти
разутые и окровавленные, голодные, измученные жаждой, под
палящим солнцем:

*Der Zor çölünde bitmedi yeşil,
Kurşuna düzdüler elli bin kişi:
Meraktan döküldü milletin dişi,
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

В пустыне Дер-Зор ничего не растет,
Пятьдесят тысяч людей расстреляно здесь,
От горя выпали зубы армян,
Во имя веры погибли армяне!
[Св. 2000: свид. 388, с. 421].

Пустыня была окрашена кровью расстрелянных:

*Der Zor çölleri büründü duman,
Oy anam, oy anam, halimiz yaman!
İnsan ve yeşil boyandı kana
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

Туман опустился на пустыню Дер-Зор,
Ох мама, майрик, мама моя!
Кровью окрашено все вокруг,
Участь наша прискорбна, жалка!
Во имя веры погибли армяне!
[Св. 2000: свид. 370, с. 419].

Армян уничтожали безжалостно:

*Der Zor çölünde çürüdüm kaldım,
Karğalara tahin oldum, kaldım,
Oy anam, oy anam, halimiz yaman!
Der Zor çölünde kaldığım zaman.*

Остался я гнить в пустыне Дер-Зор,
И пищу стал для ворон я,
Ох мама, майрик, мама моя!
Участь наша прискорбна, жалка!
В пустыне Дер-Зор участь наша жалка.
[Св. 2000: свид. 409, с. 423].

Но участь оставшихся в живых была более безутешной:

*Der Zor çölünde yaralı çokdur,
Gelme, doktor, gelme, çaresi yokdur,*

Раненых много в пустыне Дер-Зор,
И врач им не нужен, надежды уж нет,

*Allah'dan başka kimsimiz yokdur,
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

И нет кроме Бога уже никого,
За веру погибли армяне в Дер-Зоре!
[Св. 2000: свид. 410, с. 424].

Беспомощные армяне были в безвыходном положении,
никто не разделял их страданий. И их печальные песни стали
молитвой, обращенной к “всемогущему Господу”:

*Çıka-çık çıkıttım yokuş başına,
Neler geldi Ermeninin başına!
Hızor'ı Allahım, hızor'ı yetiş!
Ermeni milletini kurtar, geçir!*

Взобрался я на вершину горы,
О сколько всего пережили мы!
Господь всемогущий, ты нам помоги!
Спаси ты армян, освободи!
[Св. 2000: свид. 432, с. 426].

Трагедии народа противопоставляется в песнях красота
природы, и равнодушный к этой красоте “османский воин
смазывает оружие”, чтобы убить армян:

*Sabahıtan kalkdım, güneş parlıyor,
Osmanlı askeri silah yağlıyor,
Ermeniye baktım – yaman ağlıyor,
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

Проснулся я утром, солнце светило,
Османские воины оружие смазывали,
Взглянул на армян я, горько рыдавших,
Гибнут во имя веры они!
[Св. 2000: свид. 394, с. 422].

А пустыня источала смрад:

*Der Zor'un içinde naneler biter,
Ölmüşlerin kokusu dünyaya yeter,
Bu sürgünlük bize ölümden beter,
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

Выросла мята в пустыне Дер-Зор,
Запах трупов заполнил весь мир,
Это изгнание смерти хуже,
Во имя веры гибнем мы!
[Св. 2000: свид. 381, с. 420].

В пустыне царил не только зловоние, но и была отравлена
вода:

*Der Zor'un içinde zincirli kuyu,
Ermeniler içti zehirli suyu...*

Колодец есть в пустыне Дер-Зор,
Колодец с отравленной водой,
Напились армяне этой воды...
[Св. 2000: свид. 421, с. 425].

Как будто мало было этих бед, к ним прибавилась и
эпидемия тифа:

16 В туркоязычной песне употреблено армянское слово “гзор” (могучий).

*Der Zor çölünde bir sıra mişmiş,
Ermeni muhaciri tifoya düşmüş,
Oy anam, oy anam, halimiz yaman!
Der Zor çölünde kaldığım zaman.*

Растут абрикосы в пустыне Дер-Зор,
Заразились тифом армяне,
Ох мама, майрик, мама моя!
Участь наша прискорбна, жалка!
В пустыне Дер-Зор участь наша жалка.
[Св. 2000: свид. 379, с. 420].

А в другом варианте эта песня звучит иначе:

*Der Zor çölünde bir sıra mişmiş,
Ermeni muhaciri açlıktan ölmüş,
Oy anam, oy anam, halimiz yaman!
Der Zor çölünde kaldığım zaman.*

Растут абрикосы в пустыне Дер-Зор,
Погибли от голода беженцы — армяне,
Ох мама, майрик, мама моя!
Участь наша прискорбна, жалка!
В пустыне Дер-Зор участь наша жалка.
[Св. 2000: свид. 380, с. 420].

И не было никакого спасенья от этого всеобщего зла, ибо положение оставшихся в живых людей было еще более безнадежным и безутешным. Далее в нижеприводимых песнях эти ужасающие сцены чередуют друг друга:

*Der Zor çölünde uzanmış, yatmış,
Kellesi yoktur, ki yüzüne bakayım,
Ermeniler bu güne olaşmış,
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

Сколько погибших в пустыне Дер-Зор,
Лица не увидишь, ведь нет головы,
До страшного дня дожили мы,
Во имя веры гибнем мы!

[Св. 2000: свид. 431, с. 426].

И слышны были их предсмертные стенания:

*Sıvaz'dan çıktım başım selamet,
Der Zor'a varınca koptu kıyamet,
Bu kadar muhacir kime emanet?
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

Вышли спокойно мы из Сваза,
В Дер-Зоре царил переполох.
Кому доверили беженцев стольких?
Во имя веры гибнут они!

[Св. 2000: свид. 377, с. 420].

Бесчисленные трупы “гибнувших за веру армян” разбросаны были по всей пустыне, ибо османские солдаты превратились в “мясников”.

*Der Zor dedikleri büyük kasaba,
Kesilen Ermeni gelmez hesaba,
Osmanlı efradı dönmiş kasaba,
Dininin uğruna ölen Ermeni!*

Большая местность — пустыня Дер-Зор,
Изрубленных армян нам не честь,
Османские главари мясниками стали,
Во имя веры гибнут армяне!

[Св. 2000: свид. 373, с. 419].

¹⁷ В туркоязычной песне употреблено арабское слово “мишмиш” (абрикос или абрикосовое дерево).

В невероятных муках погибали армяне на этой дороге смерти:

*Gide-gide, gitmez oldu dizlerim,
Ağla-ağla, görmez oldu gözlerim,
Oy anam, oy anam, halimiz yaman!
Der Zor çölünde kaldığım zaman.*

От долгой ходьбы колени устали,
От слез ослепли глаза,
Ох мама, майрик, мама моя!
Наша участь прискорбна, жалка!
В пустыне Дер-Зор наша участь жалка.
[Св. 2000: свид. 382, с. 420].

Но это было еще не все. Своих немощных пожилых родственников армяне вынуждены были оставить на этой дороге смерти, так как они не могли идти вперед, а сами, погоняемые кнутах турецких жандармов, рыдая, шли дальше. Об этом рассказала и в разных вариантах спела Гаянэ Атурян (1909 г. рожд.) из Зейтуна и Сирена Аладжаджян (1910 г. рожд.) из Адабазара. Их лица были татуированы арабами:

*Der Zor çölünde yorıldım, kaldım,
Anamı, babamı yolda bıraktım,
Oy anam, oy anam halimiz yaman!
Der Zor çölünde kaldığım zaman.*

Устала я в пустыне Дер-Зора,
Мать и отца оставила там,
Ох, мама, майрик, мама моя!
Участь наша прискорбна, жалка!
В пустыне Дер-Зор участь наша жалка.
[Св. 2000: свид. 405, с. 423].

Здесь уместно вспомнить отрывок из воспоминаний Гарника Степаняна (1909 г. рожд.) из Ерзнка: “...Вышли мы из Ерзнка. Был страшный холод. Моя бабушка Вардануш шла с трудом. Вдруг она остановилась и сказала: “Убейте меня, я не могу идти”. Она опустилась на землю, присела. Жандармы увели ее в сторону. Она осталась на этой дороге. Нас погнали вперед... Мы шли вперед и все время оборачивались назад. Шел снег, и наконец моя бедная бабушка превратилась в снежное изваяние. ...Дошли до Малатии. Уже наступила весна. Армяне здесь все были истреблены. Всюду были холмы, и под каждым из них погребены были человек 50-100, среди них были и заживо погребенные, так как земля над ними шевелилась...” [Св. 2000: свид. 95, с. 200].

О муках депортации рассказал нам также Андраник Гавукджян (1905 г. рожд.) из Себастии: “...Так начались бедствия. Жандармы погоняли нас кнутах, так как нам следовало пройти определенный отрезок пути. Кто не мог больше идти, оставался на краю дороги. Если кнут уже не помогал,

людей либо расстреливали, либо закалывали штыками, чтобы они не бежали назад. ...Так погибло около 1,5 миллиона армян. Только после войны незначительную часть оставшихся в живых армян подобрали из сирийских пустынь..." [Св. 2000: свид. 82, с. 178].

О жестокости и зверствах турецких жандармов на дорогах изгнания рассказал нам также **Трванда Мурадян** (1905 г. рожд.) из Харберда: "Нас изгнали из нашей деревни, собрали всех молодых, загнали в пещеру, залили туда керосин и подожгли. Затем собрали всех женщин и камнями размозжили им головы. Мать мою и бабушку тоже забили камнями. Детей отобрали у матерей, как ягнят у овец. У меня была младшая 3-летняя сестра, ее тоже забрали, на мосту над Евфратом, неподалеку от Балу, отрубили им всем головы и кинули в реку... Два жандарма 500 человек погнали в ссылку..." [Св. 2000: свид. 112, с. 226].

О своем печальном прошлом с волнением поведал нам также **Ашот Оганян** (1905 г. рожд.) из Бурсы (деревня Мец Нор): "...В 1914 г. турецкое правительство забрало всех наших мужчин в турецкую армию, после чего их семьям велели нанять подводы, так как мы должны были переселиться. У кого были деньги, наняли фургон, у кого же денег не было, пошли пешком. Мы были детьми, ухватившись за подол матерей наших, шли пешком. Шли долго. Остановились в первый раз в Конии. Вместо того, чтоб нас повести в город, держали в горах под присмотром жандармов, голодных, измученных жаждой. На следующее утро нас повели в направлении Бозгура. Бозгур тоже прошли. Мы шли днями, неделями. Шли с окровавленными ногами. Полицейские били нас кнутом. Многие, не выдержав, умерли в дороге. Трупы так и оставались на земле. По ночам их съедали волки. Нас заставили идти пешком. Нас осталось мало, так как многие умерли. Дошли до села, которое называлось Иде. Там на нас напали и стали нас грабить, приговаривая: "Paranız yok? Çıkarınız!" ("У вас что — денег нет? Доставайте деньги!") [Св. 2000: свид. 221, с. 361].

О невообразимых муках и дорогах изгнания и ссылки вспоминал также свидетель-очевидец — 96-летний **Гегецик Есяян** (1901 г. рожд.) из Никомедии: "Во время резни 1915 г. мне было 14 лет. Начали выселять армян. Наша семья состояла из 12 человек, выжили только 2. По дороге нас били кнутами, мучили, истязали, не давали воды. Пешком мы дошли до Девлета,

Эскишехира, Конии, Эррейли, Бозанти, Канлы Гечита ("Кровавое ущелье"), **Баба, Мескене, Абу Арара, Тигранакерта, Дер-Зора.**" [Св. 2000: свид. 231, с. 370].

О своем прошлом подробно вспоминал также 80-летний очевидец из Себастии **Сурен Саркисян** (1902 г. рожд.): "...Через 2 дня дошли до деревни **Фрнджлар**. Это была маленькая, ничем не примечательная деревня, но она осталась в истории армянского народа. Согласно решению турецкого правительства, армяне должны были подняться на горы Тавра высотой в 3.900 м. Сюда приходили сотни тысяч караванов, чтобы здесь быть распятыми, то есть, чтобы здесь умереть. Женщины, дети, грудные младенцы оставались здесь — лицом к лицу со смертью. Там осталась моя сестра **Кнарик** с грудным младенцем. Она была больна, не могла идти. **Фрнджлар** (наименование местности, где были сконцентрированы депортированные армяне)! **Фрнджлар!** Брошенные дети, пожилые женщины, больные, [лежавшие] на земле, многие в предсмертных муках, разложившиеся трупы под тряпками или в канавах."

Затем **Сурен Саркисян** стал говорить о том, в каком ужасном положении находились мальчики и девочки: "...На следующий день пришли курды, с ними был известный **Зейнал бек** и его братья — подлые палачи. Маленьких мальчиков из каравана они забрали, связали им руки и повели на вершину горы, где горели костры. Там им отрубили головы и бросили в ущелье. Так же они поступили с предыдущими караванами детей. Поэтому и это ущелье было названо "Кровавым" ("Kanlı dere"). ...Наш караван, который изрядно поредел, остановился южнее **Самосата**, на берегу реки **Евфрат**. Всюду были разбросаны трупы, трупы, трупы... женщин и детей... в полях, на песках; всюду раздавались стоны умирающих, помню глаза молящих о помощи людей, рядом с ними — разложившиеся, вспухшие и источающие зловоние трупы, большей частью женщин. Дантовский ад был на берегу **Евфрата**. ...Затем привели девушек в белых одеждах, в ночной тьме их всех посадили на кол. Мы глохли от криков и воплей их матерей, родных... Нас привели в **Урфу**, оттуда погнали в пустыню, в необитаемую местность, там росло лишь несколько деревьев. Ночью пошел дождь и подул холодный ветер. За ночь умерли сотни людей. Привели курдов и велели им вырыть большую яму. Курды, растапывая больных, всех лежащих на земле волокли к

яме, веревками перевязывали им шеи и волокли живых и мертвых, всех, кто лежал на земле. Бросив их в яму, возвращались. Живых также бросали в яму, невзирая на крики и вопли их родных. Оттуда нас вновь погнали на юг, в другую необитаемую местность. Больные тифом женщины просили воду..." [Св. 2000: свид. 80, с. 167-170].

В песнях о Дейр-эль-Зоре отдельный цикл посвящен матерям, потерявшим детей; есть также цикл, посвященный молодым девушкам-девственницам:

"Şu dağın ardında Ermeni kızı var,
Gidin, bakın çantasında nesi var?"
"Güzel gözleri var,
Sırma saçları var."

"Есть девушка-армянка за этой горой,
Что же в сумке ее? Поглядите."
"У нее красивые глаза
И шелковые волосы".

[Св. 2000: свид. 489, с. 437].

А турецкие полицейские и командиры обращались с ними с неопишуемой жестокостью:

Sabahtan kalkdım kapı kapalı,
Binbaşı geliyor eli sopalı,
Uğruna bırakmış kör ve topalı,
Dininin uğruna ölen Ermeni!

Встал я поутру — дверь была заперта,
Тысяцкий пришел с дубинкой в руке,
И погонял хромых и слепых,
Во имя веры гибли они!

[Св. 2000: свид. 392, с. 422].

Карапет Мкртчян (1910 г. рожд.) из Тигранакерта с волнением и дрожью в голосе рассказал нам о запечатлевшихся в его детской памяти сценах и образах, нашедших отражение в приводимой песне:

Der Zor'a geldi bir Şekir paşa,
Atını bağladı delikli taş,
Ermeni sığmadı dağ ile taş:
Dininin uğruna ölen Ermeni!

Пришел в Дер-Зор Шекир паша,
Привязал у дома коня,
Переполнены армянами
Ущелья все,
Во имя веры гибнут армяне!

[Св. 2000: свид. 428, с. 426].

Затем **Карапет Мкртчян** продолжил свой рассказ: "...Наконец дошли до пустыни Дер-Зор, до города Мердин, где проходила железная дорога, ведущая в Алеппо. Остановили нас в зеленом поле. Внизу было ущелье. Отобрали нас, маленьких, а взрослых повели к ущелью, велели им встать друг за другом в очередь. Взрослых было 300-400 человек, столько же было детей. Нам, детям, велели остаться здесь, в поле. Мы не знали, что будет

дальше. Мать моя, нарушая очередь, подходила к нам, целовала, целовала нас и возвращалась назад. Мы — я, старший брат и годовалый младший мой брат смотрели на эту очередь, нам было видно, как состоявшая из женщин очередь движется вперед, среди них была наша мать. Когда нас погнали из дома, мать моя была в национальном костюме — в бархатном, шитом золотом платье, голова ее была украшена золотыми монетами, на шее была золотая цепочка, в одежду ее было вшито по 25 золотых монет с обеих сторон. Помню, в последний раз, когда она пришла и словно обезумевшая стала нас целовать, на ней было только белое нижнее белье, ни золота, ни бархатного платья не было. Мы ничего не ведали, ничего не знали. Мы не понимали, что там происходит. Оказывается, всех по очереди раздевали, отрубали голову и бросали в ущелье..." [Св. 2000: свид. 128, с. 242-243].

На основе этих событий и создана приводимая ниже народная песня:

Sabahtan kalkdım, çantama baktım,
Ağlaya-sızlaya boynuma taktım,
Malımı-mülkümü dovlatı sattım,
Pahasını sorsa: yarım ekmeğe!

Поутру встала — заглянула в сумку —
С плачем и болью
Все, что имела,
На шею надела, продала государству,
Коль спросишь за сколько — за полкуса хлеба!
[Св. 2000: свид. 398, с. 422].

Вот почему армянские матери, лишенные элементарных условий жизни и вынужденные отдавать свое имущество турецкому правительству и вооруженным разбойничьим бандам, предчувствуя близость конца, отдавали своих любимых, дорогих детей доброжелательным арабам с тем, чтобы в случае их смерти хотя бы детям удалось выжить.

Вот о чем свидетельствует **Баруи Чорекия** (1900 г. рожд.) из Никомедии: "...Когда нас изгнали из родных мест, на протяжении 12 месяцев мы оставались в пустыне. Мы, четверо сестер, бежали в леса. Переплыли реку Хабур, дошли до арабов-бедуинов. Они остригли наши вшивые волосы, татуировали наши лица, чтобы скрыть наше армянское происхождение. Дали нам пасти своих овец" [Св. 2000: свид. 229, с. 369].

90-летний **Григор Гёзальян** (1903 г. рожд., деревня Кабусие) с глубокой признательностью вспоминал добрую арабскую старушку-христианку из села Муарди, которую он встретил по дороге в Хомс-Хама; каждый вечер она приносила

обессиленным армянским сиротам плов и спрятанные под поясом куски хлеба. Тайком раздав хлеб приютившимся у стен обессиленным армянским сиротам, она исчезала впотьмах [Св. 2000: свид. 163, с. 294], что нашло образное отражение в следующей песне, в которой рассказывается о том, как потерявшая детей мать спешит переплыть реку Хабур, чтобы найти *“в арабской деревне”* своего ребенка:

<i>Yol ver, Habur,¹⁸ yol ver, geçelim çölü,</i>	Дай мне дорогу, Хабур ¹⁸ , чтоб пустыню пройти,
<i>Evlatum çıs-çıplak Arabın köyü,</i>	Дитя мое голышом-нагишом в арабской деревне,
<i>Amanum yaman, halimiz yaman!</i>	Наша участь прискорбна, жалка!
<i>Der Zor çölünde kaldığım zaman.</i>	В пустыне Дер-Зор участь наша жалка.

[Св. 2000: свид. 414, с. 424].

Карпет Фарашиян (1906 г. рожд.) из Балу также поведал нам пережитое: *“...Чуть позже пришел к нам турок по имени Мехмет ходжа (учитель), мне велели идти с ним. Помню, как взяв меня за руку, повел он меня в казенный дом. Там он якобы усыновил меня под именем “Хусеин Ислам” и повел в свою деревню. Когда шли по мосту через реку Арацани, построенному еще во времена Тиграна Великого, увидел я, что река кровавого цвета. С этого моста бросали в реку армян, которым отрубали головы, поэтому эта местность называлась “Kanlı Geçit” (“Кровавое ущелье”). Мехмет ходжа привел меня в свой дом в деревне Гоханам, представил меня своей жене и сказал: “Привел тебе сына, по имени Хусеин...”* [Св. 2000: свид. 121, с. 234].

Мариам Багдишян (1909 г. рожд.) также рассказывала о том, что ей было 5-6 лет, когда их погнали по дорогам смерти. Она с горечью вспоминала о том, как вместе с сестрой, в пустыне, лежа на песках, они играли с кудрями матери, не зная о том, что она уже мертва. Потом какая-то арабская женщина забрала ее к себе домой, где маленькая Мариам 4 года таскала для них воду из колодца. Однажды, когда хотели синими чернилами сделать татуировку на ее лице, она сбежала и благодаря какому-то священнику смогла найти убежище в армянском приюте [Св. 2000: свид. 168, с. 305].

*Türkler başladı evlat kaçırmağa,
Analar kıymadı yüzü örmeğe,
Baktım ki gizlice ağlıyor yaman,*

Турки стали детей похищать,
Матери их лиц не успели расцеловать,
Горько плакали они тайком,

¹⁸ Хабур – река, протекающая рядом с Дейр-эль-Зором.

Dininin uğruna ölen Ermeni!

Во имя веры гибли они!

[Св. 2000: свид. 402, с. 423].

В этой связи очевидец этих трагических событий **Аршакуни Петросян** (1903 г. рожд.) из Йозгата вспоминала душераздирающую сцену: *“...Затем стали похищать девушек, отрубать головы детям и играть ими как мячом; женщин вели на закланье. Мать Филоры тоже увели и зарезали: одну женщину зарезали с грудным ребенком на руках, ей отрубили голову, а ребенок сосал грудь мертвой матери и таким образом выжил, но ему тоже отрубили голову и играли им как футбольным мячом...”* [Св. 2000: свид. 212, с. 347].

О таких же зверствах рассказала **Эвелина Канаян** (1909 г. рожд.) из Игдыра: *“...Приходили турки. Ножом вспарывали животы беременным женщинам, вынимали ребенка и головой сажали на кол...”* [Св. 2000: свид. 54, с. 136-137].

Те же факты констатирует **Лорис Папикян** (1903 г. рожд.) из Эрзерума: *“...В дороге я стал свидетелем того, как турки издевались над девушками и женщинами. Я увидел такую ужасающую сцену, что в мировой истории, начиная с первобытного периода до наших дней, ни один варварский народ не допустил бы такой жестокости в отношении женщин. Четверо турок, потерявшие человеческий облик дикие гиены, подлое отродье, сидели за столом и ели, беременных армянок, которые, вероятно, были уже на сносях, они заставили стоять рядом; турки спорили о том, у кого из них в утробе мальчик, а у кого девочка, и приказали своим подчиненным вспороть им животы и вынуть ребенка из утробы. Каких только зверств они ни делали, эти человекоподобные звери. Если б я сам не видел описанную мною сцену и мне бы о ней рассказали, или если б я об этом прочел в книге, я бы никогда не поверил, что такие зверства возможны...”* [Св. 2000: свид. 90, с. 193-194].

Амбарцум Саакян (1898 г. рожд.) из Себастии также поделился с нами тем, что видел своими глазами: *“Помню, мама моя была беременна, ее убили, вонзили ей меч в живот, вспороли его и вынули малыша, стали смеяться над тем, что был мальчик и бросили его на землю. Я этой сцены никогда не смогу забыть...”* [Св. 2000: свид. 79, с. 162].

О подобных же фактах свидетельствует **Самвел Патрян** (1900

г. рожд) из Эскишехира: "...Помню, как девушки и женщины, крестясь, бросались в реку, чтоб не попасть в руки турецким жандармам. Тогда имелись понятия стыда и чести. Как-то 2 жандарма поспорили по поводу одной беременной армянки:

"*Şu karının karnında nesi var?*" ("В животе у этой женщины мальчик или девочка?").

"*Gâvurdır: kız olur.*" ("Гявур она, значит должна быть девочка").

"*Yok, oğlan olur.*" ("Нет, должен быть мальчик").

Поспорили и на моих глазах вспороли ей живот. Я это видел своими глазами. ...Когда дошли до Кесарии, нас всех поместили в какое-то помещение. Пришел кесарийский вали и спросил: "Сестры армянские, обижали ли вас в дороге?". Армянские женщины набрались смелости и стали рассказывать о том, как турецкие жандармы избивали их по ночам, уводили наших девушек и невест, а утром приводили их, обессиленных. Вали рассердился, сказав: "Какой позор, и это наши сыны..." [Св. 2000: свид. 204, с. 339].

Поистине, турецкие полицейские превратились в мясников:

<i>Aman! Mahmud paşa, sen gel imana:</i>	Ох, сжался над нами, Махмуд паша,
<i>Candarmalar dönmüş kasaba,</i>	Жандармы твои мясниками стали,
<i>Amanım yaman, halimiz yaman!</i>	Ох, мама, майрик, мама моя!
<i>Der Zor çölünde kaldığım zaman.</i>	Наша участь прискорбна, жалка!
	В пустыне Дер-Зор наша участь жалка.

[Св. 2000: свид. 427, с. 425].

У матерей похищали детей, невест и девушек насиловали, затем, связав, бросали в ущелье или в засохшие колодцы, где и всех сжигали:

<i>Ermenileri mağaraya doldurdular,</i>	Армян в пещеру загнали,
<i>Kirec döküp, ateş verip yakılar!</i>	Гашеной известью их подожгли,
<i>Amanım yaman, halimiz yaman!</i>	Ох мама, майрик, мама моя!
<i>Der Zor çölünde kaldığım zaman.</i>	Прискорбна участь наша, жалка!
	В пустыне Дер-Зор наша участь прискорбна.

[Св. 2000: свид. 390, с. 421].

А оставшиеся в живых оплакивали мертвых:

<i>Hayatın çeşmesi buz gibi akar,</i>	Из крана студеной льется вода,
<i>Türk bacıları çadırdan bakar,</i>	Турчанки на нас глядят из шатров,
<i>Ermeni geliyor elleri bağlı:</i>	Армяне идут — им руки связали,
<i>Analar ağlıyor — çocuğum diye,</i>	Матери плачут — где ты, дитя,

Gelinler ağlıyor — kocam diye,
Kızlar ağlıyor — namusum diye.

Плачут невесты — где вы, мужья,
Девушки плачут, о чести скорбя.
[Св. 2000: свид. 484, с. 436].

В этом адском переполохе матери теряли детей, а дети — своих матерей:

<i>Der Zor çölünde şaşırdım, kaldım,</i>	Я растерялась в пустыне Дер-Зора,
<i>Yitirdim anamı, yitirdim babamı,</i>	Мать и отца потеряла я там,
<i>Oy anam, oy anam, halimiz yaman!</i>	Ох мама, майрик, мама моя!
<i>Der Zor çölünde kaldığım zaman.</i>	Прискорбна участь наша, жалка!
	В пустыне Дер-Зора наша участь прискорбна.

[Св. 2000: свид. 406, с. 423].

По всей вероятности, нижеприводимые песни были сочинены беспомощными армянскими сиротами, потерявшими своих родителей:

<i>Der Zor köprüsü dardır, geçilmez,</i>	Дерзорский мост узок,
<i>Kan olmuş sular, bir tas içilmez,</i>	Нам не пройти,
<i>Anadan, babadan vazgeçilmez,</i>	Кровью окрашены воды реки,
<i>Dininin uğruna ölen Ermeni!</i>	Так что не выпьешь воды из реки,
	Трудно расстаться с мамой, с отцом,
	Во имя веры армяне погибли!

[Св. 2000: свид. 422, с. 425].

В чужой среде армянские сироты, поневоле забыв свой родной язык, вынуждены были на турецком языке выражать горечь души, однако армянское заветное слово "майрик" ими еще не было забыто:

<i>Yeşil kurban olayım geçen günlere, mayrik!</i>	Пожертвовать готов я всем,
<i>Kırıldı kanatlarım, kaldım çöllerde</i>	Чтоб прошлое снова вернуть,
<i>Anasız, babasız, mayrik!</i>	Надломилась крылья мои,
<i>Düşdüm diyar gurbete, mayrik!</i>	Без мамы, отца остался, майрик!
<i>Ya ben ağlamayım, mayrik,</i>	И на чужбину попал я, майрик!
<i>Kimler ağlasın, mayrik?</i>	Кому же плакать, если не мне?
	Кому же плакать, майрик?

[Св. 2000: свид. 486, с. 436].

Хотя и армянские сироты на чужбине забывали родной язык, но не забывали креститься по-христиански.

19 В туркоязычной песне употреблено армянское слово "майрик", которое в переводе на русский язык означает "мама".

90-летняя **Сирена Аладжаджян** (1910 г. рожд.) из Адабазара в 1997 г. в Стамбуле рассказала нам историю своей жизни. Ей было четыре года, когда турки убили ее отца и мать. Сиротку приютили арабы. Спустя четыре года, когда было объявлено перемирие, по инициативе Нубара паши – видного армянского национального деятеля, обещавшего одну золотую монету за каждого армянского сироту, выискивали армянских сирот и отправляли их в армянские приюты. Среди них оказалась восьмилетняя голубоглазая девочка с золотистыми кудрями и татуировкой на лице. Девочку называли другим именем. Хотя и родной язык был забыт ею, однако крестилась она по-христиански. Несомненно, она была армянкой. Маленькую Сирену забрали и отправили в армянский приют [Св. 2000: свид. 227, с. 367].

Баруи Силян (1900 г. рожд.) из Никомедии, которой также была сделана татуировка на лице, рассказала следующее: *“...12 месяцев были мы в пустыне, не было ни хлеба, ни воды, ни пристанища, ничего. Из нашей семьи, состоявшей из 9 человек, выжила только я. Маму мою убили на моих глазах, сестричку похитили, другая сестра была младше, она заболела и умерла, среднюю сестру я потеряла, так и не нашла; снохе моей вспорол живот: “В животе у гявур мальчик или девочка?”, - спросил аскяр. “Гявур не может родить мальчика, погляди!” - сказал другой аскяр и вспорол ей мечом живот на наших глазах. Вместе с четырьмя девочками мы еле сбежали оттуда в леса, там была река, мы ее переплыли. Один араб увел меня к себе домой и сказал: “Доченька, давай сделаем татуировку на твоём лице, хотя это не по вашим законам, чтобы тебя не признали армянкой. Я заплакала. У меня ничего не было, ни постели, ни одежды. Сделали мне татуировку, отрезали толстые косы. Я работала у них по дому...”* [Св. 2000: свид. 230, с. 369].

В наших записях есть много материалов, свидетельствующих о том, как убивали армянских детей или насильно обращали их в мусульманство по предписанию турецкого правительства. Как сказал Талаат паша: “Надо покончить счеты с армянами” [Антонян 1921: с. 232]. Эту официальную политику претворяли в жизнь младотурецкие офицеры, жандармы, аскяры и разбойничьи банды, что подтверждает своим рассказом **Сатеник Дограмаджян** (1903 г.

рожд.) из Себастии: *“...Был получен приказ – всех армян деревни обратить в мусульманство, если воспротивятся, сожгите их.”* [Св. 2000: свид. 81, с. 117].

Правительственному приказу были созвучны также проповеди магометанских шейхов. **Гарегин Туруджикян** (1903 г. рожд.) из Харберда указывает в своих воспоминаниях на то, что турки говорили: *“Кто убьет 7 гявуров,” - по словам шейха Арифа, - “тот попадет в рай...”* [Св. 2000: свид. 119, с. 232].

Мари Варданян (1905 г. рожд.) из Малатии также указывает на этот факт: *“Магометяне-турки говорили: “...Кто убьет гявура, душа того попадет в рай...”*.” [Св. 2000: свид. 124, с. 238].

Кроме всего сказанного, следует добавить, что мальчиков тоже похищали, делали им обрезание и заставляли говорить лишь по-турецки, а девушек насиловали или убивали, распяв на кресте.

Об этом свидетельствует народная песня:

*Вырыли яму три ходжа,
Ох, горе какое, ох горе!
И заживо юношу в ней схоронили,
Ох, горе какое, ох горе!
Сестру его увели и распяли,
Ох, горе какое, ох горе!
Сняли с креста и бросили в море,
Ох, горе какое, ох горе!*

[Св. 2000: свид. 350-351, с. 415].

Ехса Хаяджанян (1900 г. рожд.) из Харберда во время своего рассказа горестно плакала, у нее начинались даже судороги: *“...Турки сказали: “Теперь вы должны быть турками, а не армянами.” Священник воскликнул: “О Боже!” Всех молодых священников убили. Армянскому учителю Геворку отрезали язык за то, что учил детей армянскому, потом отрубили голову...”* [Св. 2000: свид. 108, с. 218].

О младотурецкой политике отуречивания и насильственного обращения в мусульманство говорит в своих воспоминаниях также **Робер Галынян** (1912 г. рожд.) из Харберда: *“...Турки заставляли даже маленьких детей менять веру. Они говорили, “Mohamed Rassul Allah” (“Магомет является апостолом*

господа”) и мальчикам делали обрезание, меняли их имена и заставляли говорить по-турецки...” [Св. 2000: свид. 118, с. 231].

Шапинкарахисарец **Акоп Терзян** (1910 г. рожд.) свидетельствует о сотрудничестве турецких солдат с духовными предводителями мусульман — муллами, проводившими политику мусульманизации и отуречивания: “...Мне уже 79 лет. Я родом из Шапин-Карахисара. Когда армяне сопротивлялись, многих убивали. Нас же, детей, повели в турецкий приют. Нас раздели догола и приставили к шее меч. Жандарм вынимал меч, а мулла говорил: “Оставляю веру христианскую, принимаю магометанскую”. Нас заставляли повторять эти слова...” [Св. 2000: свид. 78, с. 161].

Живущего в США **Саркиса Сарояна** (1911 г. рожд.) из Балу мы случайно встретили в Париже, в одном из залов Лувра в 1999 г. Там и были записаны нами его печальные воспоминания, в которых он также подтвердил факт обрезания и поведал о том, как его и других мужчин насильно обратили в исламскую религию: “...Пришел мулла, переименовал меня Сефером. Мне, дяде и Ованнесу, переименованному в Хасо, всем сделали обрезание. Помню, какую острую боль я почувствовал при этом. Словно огнем обожгли эту часть тела, и часть обрезанной плоти высушили под солнцем, чтобы сохранить как вещественное доказательство...” [Св. 2000: свид. 122, с. 237].

81-летний **Арутюн Албояджян** (1904 г. рожд.) из Фындыджага также с горечью вспоминал свое детство: “...Когда убили моих родителей, меня и других несовершеннолетних детей увели в турецкий приют Джемаль паша²⁰ и отуречили. Мне дали имя Шюкри, а фамилию “535”. Мой товарищ — армянин стал Энвером. Нам сделали обрезание. Многие дети не знали турецкого, они молчали неделями, чтоб не узнали, что они армяне. Если б турки-десятники узнали, 20-30-50 ударов дубинками бы нанесли, били бы по стопам или заставили бы часами смотреть на солнце. Нас заставляли молиться, трижды мы должны были повторять “Padişahım çok yaşa!” (“Да здравствует мой повелитель!”). Нас одевали в турецкую одежду,

белую энтари (мужская верхняя одежда), а поверх — черную джуппе (мужская верхняя одежда). У нас были директор и несколько учительниц. Джемаль паша приказал за нами хорошо смотреть, так как он очень ценил армян за ум и умение и надеялся, что в случае победы тысячи отуреченных армянских детей будут способствовать процветанию его народа, облагораживая его, мы должны были стать его опорой в будущем...” [Св. 2000: свид. 144, с. 269].

Исходя из этого, армянские девушки, дабы не быть отуреченными и не стать женами турок и матерями их детей, бросались в воды Евфрата:

...Схватились за руки

Армянские девушки

И бросились в реку Евфрат...

[Св. 2000: свид. 362, с. 417].

Эту песню с дрожью в голосе нам напела досточтимая **Мариам Багдишян** (1909 г. рожд.). Вспоминая свое трагическое детство, она спела еще одну песню об армянских девушках, идущих по дерзорской дороге смерти:

Giden, giden Ermeni kızlar!

Bir gün ölüm bize düşer,

Düşmana avrat olmataya,

Yerpat'ın içinde ölüm bulayım.

О девушки, девушки, по пустыне идущие!

Скоро настигнет нас смерть.

Врагу чтоб женою не стать,

Умрем мы лучше в Евфрате.

[Св. 2000: свид. 496, с. 438].

Мушег Акопян (1890 г. рожд.) из Никомедии с огромным волнением вспоминал о том, свидетелем чего он стал на дорогах депортации: “...На моих глазах 40-50 армянских девушек, взявшись за руки, бросились в Евфрат, чтобы не попасть в руки турок. ...Малолетних детей закалывали штыками, убивали...” [Св. 2000: свид. 228, с. 369].

Об этом свидетельствует также **Мкртыч Хачатрян** (1907 г. рожд.) из Шапин-Карахисара: “...Дошли до Диврика, [оказались] неподалеку от Зване, где сливаются Евфрат и Тигр. Там армянские девушки взялись за руки, как во время танца, и в ущелье Диврик бросились в Евфрат, чтобы не быть изнасилованными. ...Мы не боялись смерти, мы боялись турок...” [Св. 2000: свид. 77, с. 161].

Свидетель-очевидец из Ерзнка — **Гарник Степанян** (1909 г.

²⁰ Джемаль паша (1872-1922) — турецкий государственный деятель. Один из лидеров партии “Единение и прогресс”, а также член руководящий младотурецкой “тройки” (Талаат, Энвер, Джемаль), один из главных преступников Геноцида армян.

рожд.) с болью рассказал о других трагических эпизодах: *"...Это было в апреле. Неподалеку от Дер-Зора, в Экимхане произошло нечто ужасное. К нашему каравану примкнули 30 красивых невест из Зване. Однажды ночью их увели, раздели догола и заставили танцевать и развлекать турок. Когда их привели назад, замученных, с распущенными и растрепанными волосами, изуродованных, они взялись за руки и бросились в Евфрат"* [Св. 2000: свид. 95, с. 200].

Лорис Папикян (1903 г. рожд.) из Эрзерума более подробно вспоминает о подобных фактах, образно описывая увиденное: *"Турецкие жандармы устроили вакханалию у моста, где были разбиты их шатры, — похищали армянских девушек и давали волю своей похоти, удовлетворяя ее разными способами. Я был свидетелем того, как турецкие жандармы отобрали самых красивых девушек, около 30 человек, связали их друг с другом и под стражей хотели отвести их в свое логово для удовлетворения своих низменных страстей и желаний. Но девушки, дойдя до моста над Евфратом, в мгновение ока с огромной высоты бросились в Евфрат, избежав таким образом дальнейших мучений и истязаний. Подобный поступок девушек привел в бешенство главарей турецких жандармов, которые приказали всех стариков, детей и женщин связать и утопить в Евфрате. Поверхность реки шириною в 200 с лишним метров покрылась человеческими трупами, и казалось, что вместо воды в реке течет кровь..."* [Св. 2000: свид. 90, с. 192].

Очевидец Согомон Етеникян (1900 г. рожд.) из Мерсина с таким же волнением вспоминал прошлое: *"...Врагу не пожелаю увидеть того, что видели мы на дерзорских дорогах... Сердце холодеет, когда вспоминаю все это. Девушки и женщины, человек 300-400, сняв пояса, связали друг друга и бросились в Евфрат, чтобы не попасть в руки турок. Течение реки невозможно было увидеть, трупы всплыли и лежали друг на друге, напоминая крепость, собаки одичали от поедания человеческого мяса..."* [Св. 2000: свид. 188, с. 322].

Агарон Манкрян (1903 г. рожд.) из Аджна также указывает на эти факты, вспоминая увиденное: *"...Вода Евфрата окрасилась человеческой кровью, ее невозможно было использовать для питья, трупы плыли по реке..."* [Св. 2000: свид. 145, с. 271].

Эти жестокие исторические факты нашли отражение и в народных песнях:

*Der Zor çölleri taşlıdır, geçilmez,
Yerpat getir²¹ suları acıdır
Bir tas içilmez!
Ermeni kanyla su da içilmez.*

Камениста пустыня Дер-Зора,
Ее не пройти!
А вода в Евфрате горька,
Ее не испить!
Кровь армянская в водах Евфрата,
Ее не испить!
[Св. 2000: свид. 420, с. 425].

Армянский народ истреблялся турками самым жестоким образом. На дорогах депортации и ссылок выживали лишь немногие:

*Meyvasız ağaçlar meyvaya döndü,
Muhacir gidenin yarısı dönmedi.*

Плодоносными стали
Деревья бесплодные,
Не возвратились изгнанники многие.
[Св. 2000: свид. 434, с. 426].

Своими тягостными впечатлениями о депортации киликийских армян с нами еще в 1956 г. поделился Погос Супкукян — Ашуг Девелли (1887 г. рожд.), из Муса-дага, посвятивший этим историческим событиям в Киликии следующие строки:

*Талаат и Энвер изгнали армян,
Уничтожили наш народ,
Онеметь бы им, чтоб не дать приказ —
В тысяча девятьсот пятнадцатом году
Началась резня в Киликии.
В чем были повинны малые дети?
Отсохли бы руки, держащие меч.
Детей этих малых как же забыть нам?
С сестрами вместе бросились в реку они,
И никто армянам не протянул руки.*

[Св. 2000: свид. 360, с. 416].

Воистину, никто не помог беззащитному и безоружному армянскому народу. В течение нескольких месяцев инициированные младотурками депортация и резня армян приобрели чудовищные масштабы, охватив Западную Армению, Киликию

²¹ В туркоязычной песне употреблено армянское слово "гет" (река).

и Анатолию. Были опустошены Сваз, Шапин-Карахисар, Харберд, Малатия, Диарбекир, Измит, Бурса, Анкара, Кония и другие армянонаселенные провинции Центральной и Западной Анатолии.

Вардгес Алексанян (1911 г. рожд.) из Вана, поделившись с нами своими воспоминаниями, пришел к заключению: *“...Я часто думаю о том, почему Англия, Франция, Германия позволили туркам уничтожить столько армян, чтобы столько армянских сирот остались бездомными, беспризорными... Я родом из Западной Армении. Турция хотела захватить Армению и с разрешения Германии, Франции, Англии Западная Армения перешла в руки турок. Армяне не были завоевателями. Всегда они [турки] нападали, убивали, уничтожали...”* [Св. 2000: свид. 46, с. 126].

Но в эти трагические дни в армянах пробудился героический дух предков — они предпочли осознанную смерть рабству.

В условиях развязанной младотурками бойни в некоторых районах Западной Армении была организована самооборона армян. Однако силы были неравные, кроме того, самооборона носила стихийный характер и не была продумана тактически. Но тем не менее благодаря героической борьбе армян Вана, Шатаха, Муша, Сасуна, Шапин-Карахисара удалось спасти десятки тысяч жизней.

18-ого июля был дан приказ о депортации армян Кесаба. В эти дни преподобный Тигран Андреасян, чудом спасшись от зейтунской депортации, перебрался в родной Муса-даг и рассказал мусадагцам о неимоверных страданиях, выпавших на долю изгнанников — армян. Поняв, что очередь за ними, 19-ого июля жители семи деревень Муса-дага все как один поднялись на борьбу, не желая подчиниться приказу о депортации.

Участник героической обороны Муса-дага, 106-летний Мовсес Паносян (1885 г. рожд.), рассказывая о самообороне мусадагцев, упомянул о клятве, данной мусадагцами: *“Я здесь родился, здесь же умру, я не пойду умирать, как раб, не подчинюсь приказу врага, с ружьем в руках я здесь умру, но в ссылку не пойду, беженцем не стану”* [Св. 2000: свид. 156, с. 282].

Подробно об этих исторических событиях рассказывали нам также другие участники героической самообороны Муса-дага — Мовсес Балабаниян (1891 г. рожд.), Ованнес Ипреджян (1896 г. рожд.), Тоник Тоникян (1898 г. рожд.) и многие другие [Св. 2000: свид. 156-171, с. 279-306].

А участник обороны Муса-дага Погос Супкукян — Ашуг Девелли (1887 г. рожд.) сложил об этом песню, из которой приводим следующий отрывок:

*Прозвучали слова Есаи Ягубяна —
“Пусть поднимутся в гору”, - сказал всем Есаи,
“Перед врагом непреклонны мы,
Здесь мы сразимся
И здесь же погибнем мы”.*

[Св. 2000: свид. 360, с. 416].

Чувство протеста и мести охватило всех — мужчин, женщин, стариков и детей. Покинув свои дома, все поднялись на вершину Муса-дага, чтобы защитить свою честь и достоинство, оказав сопротивление многотысячному войску турок. Не теряя времени, они стали организованно готовиться к обороне — разбили палатки, вырыли окопы, возвели оградительные сооружения, оставив в них маленькую амбразуру. В некоторых местах вырубили леса, чтобы наблюдать за противником. Даже малые дети принимали участие в обороне в качестве *“телефонных мальчиков”* — связных. Женщины организовали питание, молодые девушки и невесты доставляли бойцам воду. Турки приближались к позициям мусадагцев, но мусадагцы отражали их нападение встречным огнем, отстреливаясь из разных точек, и туркам казалось, что они попали в окружение. Противник бежал в панике, оставляя сотни убитых.

В течение 53 дней мусадагцы вели ожесточенные бои во главе с Есаи Ягубяном, Петросом Дмлакяном и преподобным Тиграном Андреасяном. Четыре важных сражения выиграли армяне на высотах Кзлджая, Кузджага, Дамладжыка, Каплан-Дузага. Об этом поется в героической народной песне:

*Храбрые воины мы, мусадагцы,
Владеем оружием все,
Изгнать нас турки желают,
В пустынях нас истребить.*

*Но мы не желаем сдохнуть, как псы,
Хотим, чтобы помнили нас,
Достойно погибнуть сочтем мы за честь
И будем горды смерть мученика принять.*

*Мы горцы все, храбрые горцы,
И пред врагом не склоним головы,
Будем сражаться, как храбрые львы,
Заставим турок удрать.*

[Св. 2000: свид. 539, с. 446].

Однако противник стягивает сюда новое войско. У мусадагцев кончаются запасы продовольствия и боеприпасы. В результате проливных дождей и без того малочисленное оружие — всего 300 охотничьих ружей — пришло в негодность. Надеясь на помощь, на склоне горы, обращенном к морю, они расстелили несколько белых простынь, соединенных друг с другом, на одной из которых написали: “Христиане в опасности, спасите!”, а на другой изобразили знак Красного Креста.

5 сентября находившийся в Средиземном море французский военный корабль “Гишен” издали заметил их и замедлил ход. С металлической баночкой на шее, в которой была спрятана просьба о помощи, написанная на иностранном языке, Мовсес Гырыгян доплыл до французского корабля. Перекрестившись, он вручил капитану письмо. 14-ого сентября французский пароход “Жанна Д’арк” в сопровождении английских военных кораблей приплыл к Муса-дагу и, взяв на борт более чем 4.200 мусадагцев, отправился в Порт-Саид, где они нашли убежище, устроившись в брезентовых палатках.

В течение 4 лет нашедшие здесь приют армяне зарабатывали себе на жизнь разными знатными ремеслами — рукоделием, ковроткачеством, изготовлением деревянных гребней, ложек и т. д.

Рассказывая о своем детстве, многие спасшиеся от Геноцида вспоминали о том, как в раскаленных песках пустыни они учились писать по-армянски, выводя пальцами на песке армянские буквы, пока здесь не была открыта Сисская гимназия со школой и больницей, основанная Всеармянским благотворительным союзом.

Храбрые мусадагцы сложили историческую песню о своей героической борьбе за освобождение:

<i>Osmanlının askerleri,</i>	Османские воины,
<i>Musa dağın yiğitleri,</i>	Храбрецы Муса-дага,
<i>Bin-binlerce martinleri,</i>	Тысячи-тысячи ружей,
<i>Uyan, Musadağlı, uyan!</i>	Проснись, мусадагец, проснись!
<i>Nam kaldırdın cümle cihan!</i>	Восславился ты на весь мир!

<i>Osmanlının bombaları,</i>	Снаряды османцев,
<i>Musadağ'ın metarislari,</i>	Мусадагцев позиции,
<i>Bin-binlerce topları,</i>	Тысячи-тысячи пуль,
<i>Uyan, Musadağlı, uyan!</i>	Проснись, мусадагец, проснись!
<i>Nam kaldırdın cümle cihan!</i>	Восславился ты на весь мир!

<i>Fransızın vapurları,</i>	Французские большие корабли,
<i>Musadağ'ın duaları,</i>	Молитвы мусадагцев,
<i>Gelin, kızlar, çocukları,</i>	Девушки, дети, невесты,
<i>Uyan, Musadağlı, uyan!</i>	Проснись, мусадагец, проснись!
<i>Nam kaldırdın cümle cihan!</i>	Восславился ты на весь мир!

[Св. 2000: свид. 538, с. 446].

Героическая борьба мусадагцев потрясла весь мир. Она продемонстрировала всему миру, на что способна горстка народа, воспитанная на героических традициях прошлого и обладающая величием духа.

Известный австрийский писатель Франц Верфель рассказал об этом в своей книге “Сорок дней Муса-дага”. Но человечество не вняло предостережению писателя от такого рода чудовищных преступлений, и родился фашизм, уничтоживший более 6 миллионов евреев и миллионы других народов планеты.

Еще в мае 1915 г. новый управляющий Урфы (Едесия), иттихадовец Али Гейдар санкционировал арест 40 видных армян Урфы и потребовал, чтобы все местные армяне в течение 48 часов сдали оружие. В конце июля также был арестован святейший предводитель армянской урфинской епархии — архимандрит Артавазд Галентерян. В августе 1915 г. в Гутеме и Каракёпри были убиты 1.500 урфинских армян, призванных в армию. Затем последовал арест 100 торговцев, у

родственников которых взяли взятку под предлогом освобождения их родных, но всех арестованных убили. Было арестовано еще 100 человек, удостоившихся той же участи. В эти дни в Урфе появились новые караваны потерявших своих героических сынов ссыльных зейтунцев, а также караваны армян, депортированных из различных губерний Турции и рассказавших урфинцам о нечеловеческих зверствах турок — о матерях, потерявших детей, о жестокостях, учиненных в отношении девушек-подростков и невинных младенцев. 35.000 армян, проживающих в Урфе, на особом совещании приняли решение взяться за оружие подобно мусадагцам.

В октябре 1915 г. была организована героическая самооборона урфинцев во главе с Мкртычем Ётнехбаряном и Арутюном Расткеленяном. Все армянское население Урфы — старики и дети, юноши и девушки — поднялось на борьбу с турками. Самооборона армян длилась 25 дней, днём и ночью. Армянские кварталы города были разделены на 6 боевых районов, куда были распределены 800 воинов. Урфинцы дали клятву: “Мы готовы умереть с оружием в руках” [Саакян 1955: с. 818].

Но туркам удалось организовать новое нападение и захватить армянскую католическую церковь. Урфинцы позволили туркам ворваться в армянский квартал города с тем, чтобы подкараулив их, расправиться с ними. Их беспримерное мужество и храбрость стали притчей во языцех:

<i>Urfa büyük, ayrılmaz,</i>	Велика Урфа, неразделима,
<i>Dibi gayım, dağılmaz,</i>	И крепка Урфа — нерушима,
<i>Urfa'nın yiğitleri</i>	Храбрецов, подобных урфинцам,
<i>Hiç bir yerde bulunmaz.</i>	Вам нигде не найти.

[Св. 2000: свид. 542, с. 447].

Встретив упорное сопротивление армян, турки под командованием Фахри паши отправили в Урфу 6.000-ое регулярное войско, к которому примкнули разбойничьи банды, состоявшие из 12.000 человек. Турки понесли ощутимые потери. Разъяренный Фахри паша был весьма озабочен: “Каково будет нам, если в эти тяжелые дни несколько Урф восстанут против нас” [Арзуманян 1969: с. 453].

Тяжело раненый в колено Мкртыч Ётнехбарян, которого на

носилках переносили с одной позиции на другую, воодушевлял бойцов. Фахри паша направил к М. Ётнехбаряну немецкого фабриканта М. Экарта с требованием сдаться: “Если вы цивилизованный человек и христианин, то спасите гибнущих в пустынях невинных армян”, — ответил ему М. Ётнехбарян [Памятная книга Геноцида армян 1965: с. 804].

На следующий день пушечной канонадой был уничтожен армянский квартал. Положение армян изо дня в день становилось все более безнадежным. 23-его октября турки ворвались в армянский квартал Урфы, где учинили жестокую расправу над героями самообороны. А жителей близлежащей деревни Камурдж — 800 человек — они отправили в Дейр-эль-Зор, где большинство из них было уничтожено.

Об этих исторических событиях нам рассказали урфинцы Хорен (1893 г. рожд.), Хачер (1893 г. рожд.) и Нвард (1903 г. рожд.) Аблабутяны [Св. 2000: свид. 132-134, с. 246-254].

Таким образом, депортация и резня охватили всю Османскую Турцию. Жертвой геноцида, явившегося результатом арменофобской политики младотурок, стали более чем 1,5 миллиона армян.

Обездоленные и разоренные армяне, потерявшие родных и любимых, испытывавшие на себе всю горечь депортации и резни, свою боль и свой гнев выражали не только историческими песнями, но и проклятиями:

Şu muhacirlik icat eden
Cennet yüzü görmesin!

Да лишится рая тот,
Кто придумал беженство это!

[Св. 2000: свид. 433, с. 426].

Или же:

Şu sürgünlük icat eden
Cehennem yoluna kurban olsun!

Да погибнет в аду тот,
Кто придумал изгнание это!

[Св. 2000: свид. 434, с. 426].

Они проклинали также главарей младотурецкого правительства, в особенности Талаата и Энвера, которыми была спланирована эта чудовищная резня:

Atımı bağladım delikli taş,
Kör olasın sen, Enver paşa!
Sen olmayaydın, sen gebereydin,

Привязал я к дому коня,
Чтоб ослеп ты, Энвер-паша!
Не родился б ты, Талаат,

*Şun²²-Talaat paşa!
Ermenileri dağıttın dağlardan taş.*

Чтоб ты сдох, жалкий пес Талаат!
Разбредись из-за вас
По горам и пустыням армяне.
[Св. 2000: свид. 449, с. 428].

Не только в песнях, но и в своих рассказах-воспоминаниях очевидцы этих событий упоминают главарей младотурецкого правительства, организовавших эту массовую бойню. По мнению **Ерванда Карамяна** (1903 г. рожд.) из Аджна: *“В 1915 г. Талаат, Джемаль и Энвер разработали свой план, они были заодно. Так что, когда нас депортировали, стали нас грабить, отбирать все наше имущество. Нападали на нас с кинжалами, безжалостно убивая всех...”* [Св. 2000: свид. 146, с. 271].

Самвел Арджикян (1907 г. рожд.) из Зейтуна, осуждая организованную младотурками депортацию, отметил: *“...Талаат, Джемаль и Энвер организовали все таким образом, чтоб армяне погибли от меча турок. Мне было 7 лет, когда мы покинули Зейтун. Османская империя отправила армян в ссылку, изгнала их — голых и босых... Это было правительство, которое убивало, разоряло, грабило”* [Св. 2000: свид. 142, с. 267].

Касаясь действий со стороны иттихадского правительства, **Хорен Гюлбенкян** (1900 г. рожд.) из Себастии добавил: *“Правительство настроило турецкий народ против армян, сказав, что, якобы, армяне изуверы и посягают на нашу землю, следовательно, их убить не грешно.”* [Св. 2000: свид. 87, с. 182].

Будучи в 1913-1916 гг. послом США в Турции, **Генри Моргентхау**, осуждая министра внутренних дел иттихадского правительства Турции Талаата за продолжающиеся гонения на армян и настаивая на их прекращении, указывал: *“...Американцы чувствуют себя оскорбленными за гонения на армян. Ваши принципы должны быть основаны на гуманизме, а не дискриминации наций, в противном случае США не будут считать вас друзьями и не будут смотреть на вас, как на равных. Общественное мнение везде и всюду будет против вас, особенно в США. Наш народ никогда не забудет этой резни. Американцы навсегда затаят на вас злобу из-за уничтожения христиан в Турции. По мнению американцев, это есть не что иное, как самовольное преступление, которое должно быть*

серьезно осуждено людьми, несущими ответственность за это. Вы не сможете сами себя защитить, опираясь на ваши политические кодексы и говоря, что вы действовали, якобы, как министр внутренних дел, а не как Талаат. Вы пренебрегаете всякой идеей справедливости, в том смысле, в каком мы ее понимаем в нашей стране...”

 [Воспоминания американского посла 1990: с. 278-279].

А Талаат паша кичливо заявил: *“В решении Армянского вопроса я за 3 месяца сделал больше, чем Абдул Гамид за 30 лет”* [Воспоминания американского посла 1990: с. 284].

Об этом свидетельствует также **Вергине Наджарян** (1910 г. рожд.) из Малатии: *“...Турки не щадили не детей, ни стариков. Они говорили: “Мы должны уничтожить весь армянский народ, чтоб остался только один армянин в музее...”*” [Св. 2000: свид. 125, с. 240].

Как видим, арменофобская политика младотурок отразилась на настроениях определенной общественной прослойки, свидетельством чему являются вошедшие в языковой обиход непристойные выражения в отношении христиан Турции, в особенности армян: *“Ters gâvur”* (Плохой гявур), *“Nankör gâvur”* (Неблагодарный гявур), *“Gâvura iyilik yaramaz”* (Гявuru не надо делать добро), *“Gâvuru ne kadar kesersen, o kadar sık biter”* (“Чем больше будешь резать гявуров, тем их больше станет”) и т. д. В пословицах-поговорках также муссировались арменофобские настроения среди турок, к примеру, *“İt derisinden kürk olmaz, Türk Ermeniye dost olmaz”* (“Шкура собачья шубой не станет, турок армянину другом не станет”) [Свазлян: Личный архив. Неопубликованные материалы. Свидетельство **Ашхен Погикян** (1908 г. рожд., Эрзерум)].

Однако среди турок оказались также лица, протянувшие руку помощи армянам. Они спасали армян, подвергая себя опасности. Об этом с благодарностью рассказывали нам представители армянской колонии Турции, рассказы которых нами были записаны в 1996 и 1997 г. в Турции [Св. 2000].

Следует отметить, что еще во время первой мировой войны, в 1916 г., согласно негласной договоренности союзных держав — Англии и Франции (Сайкс-Пико) в случае поражения Турции Киликия с территорией в 2.600.000 гектаров плодородных земель должна была перейти под протекторат Франции. Власти Англии и Франции заранее согласовали с

22 В туркоязычной песне употреблено армянское слово “шун” (пес).

Армянской национальной делегацией, что если армянские добровольцы будут сражаться против Турции, то после победы армянам будут предоставлены большие политические права, и армянские добровольцы станут воинами-защитниками новосозданной Автономной Армянской Киликии.

А посему прибывшие из турецкой армии, даже из далекой Америки армянские юноши (мусадагцы, айнтапцы, марашцы, кесабцы, аджнцы, гусеникцы, чнгушцы, себастиыцы, харбердцы, арабкирцы и т. д.) вербуются во французскую армию, создав тем самым Восточный (Армянский) легион.

Армянские добровольцы, движимые чувством мести за своих загубленных родных, одержали победу над турецко-германскими войсками — это была блестящая победа в Арара, у Наблуса, неподалеку от Палестины. Об этой победе поется в туркоязычной народной армянской песне:

<i>Birer-birer saydım dört sene oldu,</i>	Насчитала я четыре года,
<i>Ermeni askeri Nablus'u aldı,</i>	Добровольцы армяне захватили Наблус,
<i>Ermeni askeri bin beş yüz kişi,</i>	Армян было всего 1.500 человек,
<i>İngiliz, Fransız şaşdı bu işe.</i>	Англичан и французов они потрясли.

[Св. 2000: свид. 451, с. 428].

Армянские легионеры удостоились похвалы французского и британского командования. “Я горжусь тем, что под моим командованием находится армянская воинская часть. Они сражались блестяще, и велика их доля в победе”, — отмечал генерал Алемби в телеграмме Председателю Армянской Национальной делегации Нубару паше от 12 октября 1918 г. [Келешян 1949: с. 592].

После падения правительства младотурок их действия вообще и антиармянская политика в частности были осуждены как в Турции, так и во всем мире. Новые правители Турции, подвластные государствам Антанты, стали осуждать младотурецких главарей. Известный армянский историк, политический деятель, в прошлом министр иностранных дел Армении Джон Киракосян в своей книге “Младотурки перед судом истории” приводит свидетельства политических деятелей, а также сведения и факты, почерпнутые из турецкой и иностранной периодики, турецкие архивные документы, подтверждающие истинность свидетельств наших очевидцев:

“Уже в ноябре-декабре 1918 г. на страницах константинопольской периодики появилось много свидетельств, способствующих установлению истины. В газетах публиковались копии антиармянских приказов и циркуляров Талаата, Беаеттина Шакира, Назима. В одном из них говорилось: “Тщательно исполняйте приказы об убийстве армян” (газета “Жаманак” (“Время”), Стамбул, 11.12.1918). В этом же номере газеты был опубликован зашифрованный циркуляр Беаеттина Шакира, предпосланный начальникам губерний и написанный в стихотворной форме, который должен был послужить сигналом:

*Silah patlamasin,
Asker yapmasin,
Ermeni kalmasin,
Büyükleri kesmeli,
Güzelleri seçmeli,
O birleri sürmeli.*

Без грохота орудий
Пускай сделано будет все,
И без солдат пусть сделано будет все,
Пусть армян не останется —
Вырежьте взрослых,
Отберите красивых,
Остальных — гоните.

Вот как отзывалась о Талаате и его соратниках газета “Алемдар” в 1918 г.: “Повесили, убили, сослали, зарезали и в то же время приказали вырезать, сослать и убить. Они убийцы вдвойне, так как издали приказ об убийстве и убили (“Ренессанс”, Стамбул, № 127, 30.04.1919).

Турецкая газета “Истиклал” признавалась в том, что: “Первая мировая война пробудила в нас скотский дух и безнравственность. Отречься от горькой правды означает отречься от солнца” (“Ренессанс”, Стамбул, № 173, 22.06.1919).

Председатель парламентского сената, бывший младотурецкий деятель Ахмед Риза сделал следующее заявление: “Я потребовал у прокуратуры возбудить судебный процесс в отношении допущенных нами ошибок, совершенных публичных преступлений и резни..., захвата домов и поместий..., угнетения... имевших место со дня нашего участия в войне (30 октября 1914 г.) до падения правительства Талаата паши (7 октября 1918 г.), с целью выявить преступников и предать их в руки юстиции”. Согласно этому заявлению, Сенат принял специальное решение, которое было передано исполнительной

власти ("Жаманак" ("Время"), Стамбул, 05.11.1918). В ответ на заявление Ахмеда Риза министр юстиции сказал, что "[участвовавшие в] изгнании наместники и солдаты во всех случаях должны быть судимы в обычных судах" ("Жаманак" ("Время"), Стамбул, 25.07.1918). Когда начались аресты наместников и других должностных лиц, газета "Тасфири Эвкеар" опубликовала статью "Из дворца в тюремные застенки". В ней говорилось: "Воистину жаль, что многие из этих лиц еще 2 месяца назад были уважаемыми людьми в наших губерниях, и сегодня их бросают в тюрьму как простых преступников. Трудно понять, почему эти лица не подумали о том, что настанет день, когда они должны будут быть в ответе за все преступления, совершенные правительством Талаата паши, даже в случае нашей победы в войне ("Ренессанс", Стамбул, № 7, 15.12.1918). "Мы не сомневаемся в том, что при желании из библиотек Стамбула и Анкары турецким государственным деятелям будут предоставлены подборки газет "Ренессанс", "Тасфири эвкеар", а также других газет. Пускай читают, изучают историю собственной страны... и больше не лгут", - заключает Джон Киракосян. "... В конце 1918 г., - как пишет далее Дж. Киракосян, - партия "Иттихад" [и] младотурки были объявлены в Турции вне закона. Европейское общественное мнение было антимладотурецким. Известные востоковеды - немец Йозеф Маркварт и француз Жак д'Морган публично потребовали предать суду международного трибунала главных преступников, виновных в Геноциде армян. Немецкий ученый Йозеф Маркварт в речи, произнесенной в январе 1919 г., потребовал у своего правительства найти Энвера, Талаата и других злодеев и передать их Антанте для того, чтобы они были преданы международному суду.

...Мировая общественность внимательно следила и откликнулась на события, происходящие в послевоенной Турции. На страницах периодики появлялись свидетельства очевидцев об антиармянской политике младотурецкого правительства.

...Уже в 1918-1919 гг. на Западе было издано множество книг, авторы которых не только осуждали преступников, но и требовали организовать их судебный процесс с участием представителей Антанты и США.

По сообщению "Нью-Йорк таймс" от 13 июля 1919 г.: "Турция осуждает своих главарей военного времени". В сообщениях газеты говорилось о том, что военный трибунал приговорил к смерти Энвера, Талаата и Джемала, при этом указывалось, что "все трое бежали". Газета сообщала, что Джавид бей и другие (в том числе бывший Шейх-уль-Ислам) осуждены на 15 лет каторжных работ.

...Судебные заседания растянулись на месяцы. Младотурецким главарям было предъявлено 2 обвинения: вовлечение Турции в войну и истребление армянского народа. Это уже было официальным признанием чудовищного преступления, совершенного младотурецкими государственными органами", - заключает Джон Киракосян [Киракосян 1983: с. 163, 170-171, 176, 208].

Согласно заключенному после войны Севрскому договору, Киликия становилась подконтрольной странам Антанты, и турецкие войска, якобы, должны были быть выведены из Киликии. Чудом оставшиеся в живых на дорогах Дейр-эль-Зора, Рас-уль-Айна, обездоленные и разоренные армяне постепенно перебирались в Киликию. Со светлой верой в будущее они восстанавливали все из руин, возделывали сады. Однако туркам удалось договориться с союзными государствами и заставить французов вывести свои миротворческие войска из Киликии. Французская военная администрация не только не предприняла серьезных шагов по обеспечению безопасности армян, но и передала власть в руки турецких военных должностных лиц, притом последние не были разоружены.

Не признав Севрского договора и воспользовавшись слабостью и нерешительностью французской военной администрации, турецкие войска и местные разбойничьи банды в январе 1920 г. атаковали армянские районы Киликии. В результате 22-дневных жестоких боев был испепелен г. Мараш со всем своим населением.

Чудом уцелевшая в этой бойне Вергине Майикян (1898 г. рожд.) из Мараша поделилась с нами своими тягостными воспоминаниями: "...Господин Карпет был очень богатым и хорошим сапожником. Он шил туфли лидеру марашских младотурок Джутки эфенди (господин) и поэтому чувствовал

себя в безопасности. Но так как у него не было оружия, он не смог защитить себя. Ночью турки взломали ворота его сада, ворвались в его дом, вырезали всех — от мала до велика и бросили их трупы в колодец его сада, а имущество его поделили между собой. После этих событий армяне стали думать о самообороне. Женщин и детей в целях безопасности отправили в церковь Сорока младенцев, которая была самой большой и безопасной церковью, ибо была ограждена стеной. Туда отправили всех женщин нашей окрестности, девушек, невест и детей, всего около 2.000 человек. Иголке негде было упасть. Ризница, притвор — все было забито людьми. Наши фидаи охраняли церковь со всех сторон. Но турецкие разбойники были в ярости и жаждали армянской крови. Их голоса раздавались отовсюду: “Во имя святого завета Мухаммеда, мы должны убить всех армян”. Вооруженные разбойничьи банды турок окружили кольцом церковь Сорока младенцев, даже не дали дверей открыть, говорили, что, якобы, дан приказ — ночью открыть двери. Церковь стояла на пригорке. Дорога длиною в несколько сот метров была вымощена базальтовыми плитами, ширина дороги была не более 4 метров, с обеих сторон были деревья. Находящиеся в церкви армяне ждали, когда ночью откроют двери, но наступила ночь и дверей не открыли ни в 10, ни в 11, ни в 12 часов. Не было ни воды, ни света... церковь была полна народу... даже нужду справлять приходилось внутри церкви, раздавались плач одних, стенанья — других, молитвы — третьих. Словом, в церкви царил переполох. Их голоса слышны были нам в подвале нашего дома, где мы тоже прятались. И вдруг из маленькой щели мы увидели, что в 1:30 ночи несколько турок поднялись на арокную крышу церкви и с купола в церковь забросили пропитанные керосином горящие лоскуты ткани. Запах горелого охватил всю окрестность. Сердце разрывалось от криков, раздававшихся в церкви. Люди вопили, кричали, молили о помощи, просили открыть дверь, их голоса раздавались словно из-под земли, они стонали, как стонет земля от землетрясения, их стенанья доходили до нас, но с каждым часом они становились все слабее. В воздухе стоял запах горелых человеческих костей. Чудовища совершили то, что задумали. Никого уже не было в живых ни в церкви, ни в окрестности наших домов. Территория церкви, вымощенная большими камнями и занимавшая несколько

сот метров, была покрыта словно мыльным слоем, человеческий жир толщиной почти в 2 пальца затвердел на этих камнях. Следы ног тех, кто вступал на эту дорогу, оставались на этом слое жира, как на снегу. Вдруг мы увидели, как турецкие женщины с ситом в руках бегут к церкви. Мы наблюдали издали, но я не выдержала и захотела пойти и увидеть то, что там произошло. Надела нечто вроде паранджи, на голову накинула чаршаф (большая косынка), прикрыла рот и нос. Я уже бегло говорила по-турецки и была уверена, что не выдам себя. Я тоже пошла к церкви Сорока младенцев, от которой остались лишь закопченные стены в полуразрушенном состоянии, а из-под двери растопленный человеческий жир стек с пригорка вниз... ставлю ногу, нога прилипает, другую ногу — опять прилипает. Наконец увидела идущую рядом турчанку с ситом в руках... увидя меня, она сказала: “Баджи (сестрица), почему ты не взяла с собой сито?”. Я, не растерявшись, ответила — вернусь, принесу. Она ответила, смеясь: “Пока ты вернешься — что там останется?”. Прошло уже 3 дня, но красные словно в гончарной печи стены еще были горячими. Вошла я в церковь и увидела, что каждая турчанка заняла какой-то участок, и они не разрешали друг другу переступить границу своего участка, кричали друг на друга, говоря — кто переступит мою границу — убью... Шедшая со мной турчанка, обернувшись ко мне, сказала: “Если гявур грязный, то его золото чистое”. Стоило увидеть, как эти чудовищные турчанки радовались, когда в просеянном пепле находили кусок золота...” [Св. 2000: свид. 148, с. 274].

Об этих, вызывающих ужас и содрогание, исторических событиях была создана народная песня:

<i>Maraş'a Maraş derler, yaman, yaman!</i>	Мараш называют Марашем, увы!
<i>Maraş, bu nasıl Maraş derler?</i>	Мараш, но как же тебя называют Мараш?
<i>Maraş'ın içinde kilise yanar,</i>	Ведь церковь была там сожжена,
<i>Kilise içinde Ermeni yanar!</i>	А в церкви армян испепелили!

[Св. 2000: свид. 456, с. 429].

Жертвой марашской резни стали около 13.000 армян. Оставшиеся в живых 8.000 марашцев вместе с 6.000 армян из Урфы вынуждены были бежать в Алеппо, Дамаск, Бейрут, Иерусалим, Багдад и греческие районы Анатолии.

1-ого апреля 1920 г. турки осадили Айнтап. После окончания войны и заключения перемирия там обосновалось

около 10.000 армян-айнтапцев и 8.000 армян из Себастии. Мирная жизнь армян, наконец-то обретших покой, снова всколыхнулась. Айнтапцы организовали самооборону. Здесь при Национальном Союзе был создан центральный военный орган во главе с Адуром Левоняном, который поставил на учет оружие и боеприпасы 750-ти бойцов и организовал производство бомб.

Об этой героической самообороне айнтапец Геворк Экимян (1937 г. рожд.) передал нам со слов матери следующее: *“В 1920 г. Али Кылындж с огромным войском напал на Айнтап. Оборону Айнтапа возглавлял Адур Левонян. Он велел перетопить даже кастрюли для еды, чтобы изготовить бомбы. Он напал на врага со своими добровольцами и прорвал осаду. 24.000-тысячное войско Али Кылынджа в течение одной ночи бежало в страхе. “Gâvurün gözü kan doldu” (“Глаза армян наполнились кровью”), - кричали турки, что означало, армяне полны мести. В Айнтапе сложили песню об Адуре Левоняне, - рассказывала мне мать и пела эту песню:*

*Adur paşa! Kalk seni,
Çat çırayı, yak seni!
Türkler hücum ediyor:
Kamavorlar” arş edin!”*

Вставай, поднимайся, Адур паша,
Зажи лучину свою.
Атакуют нас турки,
Наступайте добровольцы!”

[Св. 2000: свид. 545, сноска № 3, с. 448].

В это время командующий взятием Киликии Гозан оглы Доган-бей со своим многотысячным войском осадил город Аджн, из 35.000-тысячного населения которого спаслись от Геноцида лишь 6.000 человек:

*Doğan Bey de geldi girdi Hacı'n'a...
Yazık oldu sana, koca Hacı'n...
Orada kapıştı epeyi bizim malımız...
Ayak altına gitti sahasız Ermeni!*

И Доган бей вошел в Аджн...
Ох, жаль нам тебя,
Великий наш Аджн...
Разграбили все,
Что мы там имели...
Армяне в Аджне
Попраны были!

(Св. 2000: свид. 549, с. 450].

²³ В туркоязычной песне употреблено армянское слово “камавор/лар” (доброволец/цы).

Противник полагал, что: “Армянскую цитадель Киликии — Аджн можно разрушить и уничтожить в течение часа и одним нападением можно уничтожить и схоронить 6.000 армян города” [Терзян 1956: с. 241]. Однако жители Аджна были полны решимости. Они во главе со своим управляющим-адвокатом Карапетом Чаляном создают верховный совет самообороны Аджна. Командиром обороны был назначен соратник Зоравара (генерал) Андраника — офицер Саркис Чепечян. Были сформированы 4 роты, эскадрон из 60 кавалеристов. Аджн с его окрестностями был разделен на 4 оборонительных района, были вырыты окопы, боевое настроение охватило всех. Мужчинам в возрасте от 16 до 50 лет, способным воевать, а их было 1.200 человек, было роздано всего 132 ружья. В дальнейшем было приобретено еще 300 ружей, но и этого было недостаточно для борьбы с турецкой армией, которой было предоставлено огромное количество боеприпасов большевиками. Этот факт подтвердил также в своих воспоминаниях очевидец этих событий — зейтунец Овсеп Бштикян (1903 г. рожд.) [Св. 2000: свид. 138, с. 260].

Вот почему так нуждавшиеся в оружии аджнцы с нетерпением ждали помощи извне посредством Национального союза Аданы, в результате которой им должны были поставить не только оружие и боеприпасы, но и помочь новыми боевыми силами. Однако помощь не поступила, и положение аджнцев было безнадежным, так как представители высоких военных чинов Франции вели двуликую политику. Они обещали предоставить продовольствие, оружие и боеприпасы. Однако французы не только не сдержали обещание, но и сообщили туркам об организации самообороны армян. Аджнцам удалось захватить вражескую пушку, но не было пушечных снарядов, чтобы обороняться. Защитники Аджна были замучены голодом: “Народ вынужден был есть кошек, мышей, собак, кожу, кору деревьев, лапти” [Аспет 1961: с. 242]. Об этом рассказывал нам также очевидец событий Агарон Манкрян (1903 г. рожд.) из Аджна [Св. 2000: свид. 145, с. 271].

Противник восполнил свои силы новым регулярным войском и новыми пушками. После 8-месячного упорного сопротивления туркам удалось перекрестным артиллерийским огнем разрушить и сжечь Аджн. Сотни храбрых воинов

погибли на занятых ими позициях, тысячи аджнцев были безжалостно уничтожены. Лишь 380 человек сумели прорвать осаду противника и вырваться из огненного кольца. О героической самообороне Аджна также были сложены песни, которые до сих пор поются в народе:

*300 армянских храбрецов,
Вооруженных ружьями,
Разгромили Доган бея
И с возгласами о "Мести"
Наш Аджн пал.*

[Св. 2000: свид. 553, с. 451].

С "мстью" на устах пали также героически сопротивлявшиеся в течение 314 дней (с перерывами) Айнтап, древняя столица Сис, героический Зейтун, исторический Тарсон, торговый центр — Адана и другие армянонаселенные местности Киликии.

Вергине Майикян (1898 г. рожд.) из Мараша в своих воспоминаниях обратилась также к имевшим место в то время политическим событиям: "...Французские и армянские газеты все время писали о том, что Франция навсегда останется в Киликии, так как авторитет Франции в конце первой мировой войны возрос, чего нельзя было сказать о Турции, она лишилась бывшего авторитета. Но этот мир, увы, длился недолго. Постепенно мы стали чувствовать, понимать, что турки начнут ненавидеть нас. Вскоре мы узнали о том, что французы, привязав к копытам коней войлок, тихо-молча покинули Мараш. Мы очень были удивлены этим, так как никто ничего не знал об этом. Даже известному господину Акону Хрлахяну, который бесплатно доставлял продовольствие французской армии, генерал Дюмон не сообщил об их предстоящем уходе. Так что в сентябре 1920 г. французских войск в Мараше уже не было..." [Св. 2000: свид. 148, с. 273-274].

Французское правительство, нарушив договорные обязательства, 20-ого октября 1921 годом, согласно заключенному в Анкаре договору, сдало Киликию туркам, в результате армянам Киликии грозила опасность геноцида.

Хотя и турецкое командование жестоко подавляло вспыхнувшее в разных местах героическое сопротивление армян, но армянские воины, борющиеся за элементарное

право на жизнь и за будущее своего народа, оставили яркий след в истории национально-освободительной борьбы армянского народа.

Именно тогда национальный герой Согомон Тейлерян убил в Берлине Талаата пашу, отомстив таким образом за миллионные жертвы армян.

2-3 июня 1921 г. Берлинский окружной суд, заслушав дело убийцы Талаата Согомона Тейлеряна, оправдал армянского мстителя, так как он привел в исполнение смертный приговор, вынесенный турецким трибуналом.

Это событие также нашло отражение в народной песне:

*В Берлин убежал Талаат паша,
Следом за ним Тейлерян,
Повалил его наземь, выстрелив в лоб,
Брат дорогой, налей-ка вина!
Налей вина на здоровьице всем!*

*Похоронили Талаата пашу,
Его суке-матери послали весть,
Да пребудет во здравии
Немецкий судья!
Брат дорогой, налей-ка вина!
Налей вина на здоровьице всем!*

[Св. 2000: свид. 554, с. 452].

Хотя и "немецкие судьи" оправдали армянского мстителя, но положение западных армян от этого не стало лучше.

После изгнания армян из Киликии в 1921 г. настала очередь армян Анатолии, большая часть которых была беспощадно уничтожена еще во время Геноцида, а оставшиеся в живых жили под властью греков в некоторых армянонаселенных районах, в частности в порту Смирна (Измир).

В 1922 г. были сожжены также армянские и греческие кварталы Смирны, христиан же погнали к морю. Это страшное событие осталось в памяти народа как "трагедия Измира".

Гарник Степанян (1909 г. рожд.) из Ерзнка констатировал, что: "...В 1922 г. войска Мустафы Кемаля предали огню Измир — облили бензином и керосином и в церквах сожгли армян и греков..." [Св. 2000: свид. 95, с. 201].

С волнением вспоминая эти ужасающие события, Арпине Бартикян (1903 г. рожд.) из Афион-Карахисара рассказала следующее: *“...Началось национальное (Milli) движение. Измир был предан огню. Вначале сожгли Айноц (Армянский квартал), сожгли церковь св. Стефана, так как все они [армяне] искали в этой церкви защиты. В конце концов нам удалось бежать к берегу моря. В море было много лодок, но турки заранее проткнули в них днища, чтобы армянам не удалось спастись. Бедные армяне садились в лодки, чуть поплыв, лодки заполнялись водой и переворачивались. На поверхности воды было огромное количество распухших тел. Нас отправили в Балджову. На берегу моря были деревянные бараки, нас поместили туда, затем стали нас отбирать. Красивых девушек хватили и уводили. Я была маленькой девочкой, спряталась под подолом одежды. Лицо нашей Марии было вымазано сажеей, и волосы были острижены, она была, как уродина. Глянули на нее турки, она им не понравилась, сказали, что никому она не нужна (“Yaramaz dir”). Слышны были голоса турок, точивших ножи для того, чтобы нас зарезать. Одна армянская девушка увидела, что очередь доходит до нее и выбросилась из окна, но осталась жива. Внизу оказались турецкие воины, которые ее увели..., через пару дней ее вернули, но ее уже невозможно было узнать...”* [Св. 2000: свид. 197, с. 334].

Знакомая нам по дерзоским эпизодам афионкарахисарка Смбул Берберян (1909 г. рожд.) с огромным волнением, плача, рассказала нам увиденное и пережитое ею в Смирне: *“...Армян и греков бросали в море. Не щадили ни молодых, ни старых, ни детей, ни матерей. Турецкие воины штыками закалывали всех, детей и стариков бросали в море. На поверхности моря полно было трупов, воду невозможно было разглядеть... Затем пришли другие турецкие солдаты, нашли нас. Всех построили, двоих выбрали, уложили на землю и стали сдирать с них кожу, приговаривая и смеясь: “Корову закалываем”. С трудом содрали с них кожу. Эти несчастные страшно кричали. В конце концов содрали с них кожу... В одном месте они разожгли костер и бросали туда армян. Маму мою схватили и бросили в огонь, мы — я и сестра, стали кричать, не смогли вытащить маму из огня...”* [Св. 2000: свид. 200, с. 336-337].

Затем Смбул Берберян, рыдая, напела нам отрывок из своей длинной песни-скорби. Она сама ее сочинила:

*Из Афиона²⁴ ушли мы
И пришли в Измир,
Мамы родной не нашла,
Горько заплакала я.*

*Ох мама, родная,
Обманули меня,
Разлучили с тобою меня,
А тебя сожгли на костре,
С треском сожгли тебя...*

[Св. 2000: свид. 467, с. 433].

Положение было критическим и безвыходным — за нами было пламя костров, а перед нами — море. Из этой геенны спасались те, кто свои последние золотые монеты и украшения отдавали туркам, а те, у кого не было ничего, презирая смерть, бросались в море, чтобы вплавь добраться до пароходов с европейскими флагами, бросивших якорь далеко в море, которые увезли бы бездомных армян, куда попало:

*Оттуда бежали мы в Грецию,
Бежали во Францию многие,
Иные бежали в Египет,
И так разбрелись по свету.*

[Св. 2000: свид. 468, с. 433].

Так возникла Армянская Диаспора как историческое явление.

Оторванные от родины армяне-беженцы в незнакомых странах, не зная иностранных языков и законов данных стран, были лишь дешевой рабочей силой, даже если ремесло знатных ремесленников и изящное рукоделие искусных армянских женщин, вытканые ими ковры вызывали у них восхищение. Армян-скитальцев не покидал ужас ассимиляции, разврата и особенно безработицы:

*На чужбине мы оказались,
Плачу, плачу с тоской,*

²⁴ Город Афион-Карахисар.

*Вскоре решится Армянский вопрос,
Потерпи, потерпи родной!*

*Возрадуйся ты и горько не плачь,
И крепко на ноги стань,
О возвращении весть ты услышишь,
Потерпи, потерпи родной!*

[Св. 2000: свид. 567, с. 456].

И началась репатриация обездоленных армян в Восточную Армению, куда потянулись караваны беженцев — в 1920-1930-ые гг. из Константинополя, Франции, Греции, а в 1946-1948 гг. началась массовая репатриация из Сирии, Ливана, Египта, Ирака, Франции, Греции, балканских стран и далекой Америки.

Поселившись на территории в 10 раз меньше их исторической родины, западные армяне, хотя и создают деревни и кварталы, символизирующие их историческую родину, но тоска по разоренному очагу гложет их сердце, и мечта о потерянной родине становится зовом души и передается из поколения в поколение, о чем свидетельствует народная песня:

*Когда распахнутся двери надежды,
Мы вновь вернемся в свою страну,
В прекрасную нашу страну,
Отнятую силой у нас.*

*Хочу увидеть свою Киликию,
Где воздух чист и прозрачна вода,
Хочу увидеть свою Киликию,
Там крепостей и храмов тьма.*

*Когда Армянский вопрос решится
И землю предков нам возвратят,
Поля свои мы заново вспашем,
Деревни свои построим опять.*

*Хочу увидеть Сасун и Ван,
Зейтун и Аджн и Муса-даг,*

*Тарсон, Мараш, Сис и Айнтап,
Мы вновь украсим свои города.*

[Св. 2000: свид. 562, с. 454].

Репатрианты возвращались в Советскую Армению с верой и надеждой. Прибывали караваны репатриантов, воодушевленных победой Советского Союза во второй мировой войне и в особенности выдвинутым перед Турцией официальным требованием от 1-ого ноября 1945 г. возврата армянских и грузинских земель. И об этих больших надеждах слагались народные песни, переходящие из уст в уста:

Хочу поехать в Айастан,
Хочу увидеть Ереван,
А на Арарата вершине
Хочу водрузить я флаг!*

[Св. 2000: свид. 570, с. 457].

И народная песня звучит как требование:

*Хотим мы Карс и Ардаган,
Хотим мы Карс и Ардаган,
Ведь это земли наши...*

*Вернут нам вскоре Ардаган,
И вскоре Карс нам возвратят,
Чтоб земли эти пустынные
В рай превратили мы.*

[Св. 2000: свид. 575, с. 457].

Однако турецкие дипломаты, предав преступному забвению имевшие место в недалеком прошлом все эти исторические события, заявляют: “Мы никому не должны наши земли и права. Мы должны жить и умереть как почитаемые люди” [Лазян 1946: с. 372-373].

Между тем, как свидетельствуют доподлинные исторические факты, касающиеся Геноцида армян, а также записанные нами свидетельства очевидцев, прошлое Османской Турции никогда не было “почетным”.

Свидетели-очевидцы не только рассказывают о пережитом,

* Название Армении на армянском языке.

но и делают определенные выводы, к примеру, Акоп Олобилян (1902 г. рожд.) из Харберда, подробно описывая муки, выпавшие на долю всего его рода, считает, что: *“...Это преступление, совершенное иттихадистами, никогда не будет забыто и не должно быть прощено...”* [Св. 2000: свид. 109, с. 222].

А художница Елена Абрамян (1912 г. рожд.) из Карса, со слезами рассказав о своем печальном прошлом, пришла к выводу, что: *“...Турки не хотят признать, что уничтожали армян. ...Турок остается турком. Какой бы облик он ни принял, он все равно остается турком. Турция, которая не признает Геноцида армян... тогда что же это — то, что мы видели своими глазами и слышали своими ушами. Увиденное мною — это капля во всем содеянном турками. Еще в 1920 г. Турция притворялась большевистской. Но турок остается турком. Если турок не признает содеянного, нельзя идти с ним ни на какой мир”* [Свазлян: Личный архив. Неопубликованные материалы].

Эвелина Канаян (1909 г. рожд.) из Игдыра с огромным волнением, но в то же время уверенная в своей правоте, рассказав нам о трагических днях, пережитых ими, отметила: *“...Если даже ко мне придут из ООН, я расскажу им об увиденном...”* [Св. 2000: свид. 54, с. 136-137].

А Гукас Карапетян (1901 г. рожд.) из Мокка обобщил свой рассказ следующими словами: *“...То, что произошло в 1915 году, никогда не будет забыто. Турки хотят, чтобы это все было забыто и не признают [Геноцида армян], да поможет нам Бог, и да будет он справедливым судьей для нас, армян”* [Св. 2000: свид. 52, с. 130].

А Цирани Матевосян (1900 г. рожд.) из Харберда простым народным языком заключил: *“...Чтоб сдох турок. Чего только он ни натворил, из-за него мы лишились нашей родины, земли, богатства, родных. А сейчас бесстыжие заявляют, что армяне их вырезали и убивали. Наше золото, дома, земли остались туркам. Я удивляюсь тому, как армяне не могут справиться с турками. Пусть книгу напишут об этом, пускай рассказанное всеми прочтут все люди, чтобы знали, кто прав, кто виноват и кто пострадал...”* [Свазлян: Личный архив. Неопубликованные материалы].

Между тем сегодняшняя турецкая пропаганда и историогра-

фия, не жалея сил, фальсифицируют подлинные исторические факты, бережно желая утаить от поколений учиненный турецким государством Геноцид армян. Они пытаются обойти историческую истину, заключающуюся в том, что турецкие государственные органы еще в начале 1919 г. сами предприняли организацию судебного процесса над младотурецкими преступниками. А позднее, когда был раскрыт заговор младотурок против первого Президента Турецкой республики Мустафы Кемалю, в интервью газете “Los Angeles Examiner” от 1-ого августа 1926 г. сам Кемаль Ататюрк также осудил младотурок: *“Отбросы бывшей младотурецкой партии, партии, которая была в ответе за жизни миллионов наших турецкоподданных христиан, в массовом порядке безжалостно депортированных и уничтоженных...”* [Папазян 2000: с. 87].

Так что эти трагические исторические события не подлежат сомнению и бесспорны. Их невозможно отрицать.

Именно на это указывал выпускник Стамбульского медицинского университета Акоп Папазян (1891 г. рожд.) из Сиврихисара, служивший в турецкой армии в качестве военного врача-офицера. Он, будучи свидетелем зверств и нечеловеческой жестокости, свидетелем печально-памятных событий, заключил: *“...К сожалению, ни одно из цивилизованных государств мира не проявило гуманизма и честности. Тем самым они поневоле поощряли турок, которые с присущей их племенам особой нечеловеческой жестокостью замучили, отуречили, вырезали, повесили, похитили, взяли в плен, закалывали штыками, а некоторых вешали головой вниз, предавая тем самым мучительной смерти армян Западной Армении — миллионы невинных, безоружных и беззащитных людей от мала до велика; уничтожали их беспощадно, с неслыханной и неведомой миру жестокостью. Сотни людей были заперты в церквях и сениках, где их сутками мучили голодом и жаждой, а затем обливали керосином и сжигали. Бесчисленное множество людей было затоплено в Евфрате. На дорогах экспатриации с обеих сторон, у обочин заживо закапывали малолетних детей, оставляя снаружи только головы, предавая их неимоверным предсмертным мукам, а экспатриантов умышленно вели по тем же дорогам, чтобы они видели, содрогались и мучились. На этих дорогах смерти штыками вспарывали животы беременным женщинам,*

несовершеннолетних девушек-девственниц насиловали, похищали женщин и в качестве наложниц вводили в гаремы, детей и пожилых заставляли принять ислам и говорить только по-турецки... Армянский народ был изолирован, находясь в трагическом положении. Армяне потеряли свою историческую родину. Миллионы армян были безжалостно уничтожены. И все это произошло на глазах цивилизованного человечества, с их ведома и попустительством. Великие державы, исходя из своих дальнейших материальных интересов, оказались в роли Пилата, поневоле позволив этому Серому волку, называемому турком, по своему усмотрению замучить и растерзать миллионы безоружных, беспомощных армян. Таким образом, они поощряли турок, являясь соучастниками осуществляемого в отношении армянского народа Геноцида..." [Свазлян: Личный архив. Неопубликованные материалы].

А Паркев Макарян (1915 г. рожд.) из Айнтапа добавил к вышесказанному: "Великие державы обманули армян, Киликию отдали туркам. "Очистили" от армян Зейтун, Адапу, Сис, Мараш, Килис, Айнтап, Урфу, Камурдж и др. города. Заставили нас покинуть Киликию. Мы вынуждены были покинуть нашу родину. А в 1922 г. они претворили в жизнь трагедию Измира — армяне и греки, спасаясь от огня, бросались в море, кто смог спастись, перебрался в другие страны. Таким образом Турцию "очистили" от христиан. Турция осталась туркам вместе с Западной Арменией и Киликией..." [Свазлян: Личный архив. Неопубликованные материалы].

К сожалению, международное сообщество также вовремя не пресекло и не осудило первый геноцид XX века — Геноцид армян, логическим продолжением которого явился фашизм, а в наши дни — международный терроризм со своими непредсказуемыми проявлениями, ставший бедствием для всего мирового сообщества, ибо ненаказанные преступления повторяются, оборачиваясь трагедией для всего человечества.

Таким образом, записанные нами с уст свидетелей-очевидцев этих событий и тем самым спасенные от забвения воспоминания и песни исторического характера, становятся свидетельствами Геноцида армян и последовавших за ним исторических событий, имеющими огромное историко-познавательное значение. Эти материалы, изложенные

простым, доступным народным языком — подлинные, предметно-фактографические документы, которые являются не только свидетельством прошлого, но и служат предостережением для будущих поколений...

Настоящее исследование, представляющее исторический процесс Геноцида в отношении невинного армянского народа в освещении свидетелей-очевидцев этих трагических событий, вводит в научный обиход огромный пласт фактографических, источниковедческих материалов, повествующих о потерянной Родине. Последнее тем самым еще раз доказывает, что Геноцид — это массовое политическое преступление, которое не должно остаться безнаказанным, и оно должно быть юридически раскрыто также с помощью показаний свидетелей-очевидцев. А подлинным свидетелем является сам народ, который рассказал и продолжает рассказывать о своем трагическом прошлом, являющемся прошлым армянского народа, его историей, его обобщенной исторической памятью, которая должна быть вынесена на справедливый суд человечества.

Как было отмечено выше, в 1919 г. бывшее правительство Турции первым осудило главарей младотурецкого правительства; в дальнейшем ряд стран и организаций официально признали первый геноцид XX века — Геноцид армян. В числе этих стран и организаций — Аргентина (1985 г.), Уругвай (1985 г.), Комиссия по правам человека Организации Объединенных Наций (1985 г.), Европарламент (1987 г.), Кипр (1990 г.), Российская Федерация (1995 г.), Греция (1996 г.), Ливан (1997 г.), Бельгия (1998 г.), Швеция (2000 г.), Франция (2001 г.), Швейцария (2003 г.), Канада (2004 г.), а также 36 штатов США, и этот процесс продолжается и будет продолжаться, ибо вещи следует называть своими именами, и этого требуют историческая истина и человеческая совесть, совесть общества, вступившего в XXI век и стремящегося к демократии.

А посему настало время, чтобы вступившее на путь прогресса правительство современной Турецкой республики нашло в себе мужество признать обоснованную как письменными, так и устными фактами ту не нуждающуюся в доказательстве историческую истину, которая именуется Геноцидом армян.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Adalian, Rouben. (1995). *Remembering and Understanding the Armenian Genocide*. Yerevan.
- Akçam, Taner. (1997). *The Genocide of the Armenians and the Silence of the Turks*. Toronto.
- Armenian Genocide. Resource Guide*. (1988). Washington.
- Bardakjian, Gevorg B. (1985). *Hitler and the Armenian Genocide*. Cambridge.
- A Crime of Silence. The Armenian Genocide*. (1985). Cambridge.
- Dadrian, Vahakn. (1991). *Documentation of the Armenian Genocide in Turkish Sources*. London.
- Dadrian, Vahakn. (1995). *The History of the Armenian Genocide. Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus*. Providence, Oxford.
- Fein, Helen. (2000). *Denying Genocide. From Armenia to Bosnia*. London.
- Guttmann, Joseph. (1948). *The Beginning of Genocide*. New York.
- Hovannisian, Richard G., ed. (1988). *The Armenian Genocide in Perspective*. New Brunswick, Oxford.
- Hovannisian, Richard G. (1997). *Denial of the Armenian Genocide with Some Comparisons to Holocaust Denial*. Australia.
- Hovhannisyan, Nikolay. (2002). *The Armenian Genocide: Armenocide. Causes, Commission, Consequences*. Yerevan.
- Kloian, Richard D. (1985). *The Armenian Genocide. News Accounts from the American Press (1915-1922)*. Berkeley.
- Kuper, Leo. (1981). *Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century*. New Haven, London.
- Pinon, René. (1916). *La suppression des Arméniens. Méthode allemande – travail turc [The Extermination of the Armenians: German Method – Turkish Work]*. Paris.
- Porter, Jack Nusan, ed. (1982). *Genocide and Human Rights. A Global Anthology*. Lanham, New York, London.
- Svazlian, Verjiné. (1999). *The Armenian Genocide in the Memoirs and*

Turkish-Language Songs of the Eyewitness Survivors. Yerevan, "Gitutun" Publishing House of the NAS RA.

- Véou, P. du. (1954). *La passion de la Cilicie. 1919-1922*. Paris.
- Свазлян Вержине. (1997). *Геноцид в воспоминаниях и турецкоязычных песнях западных армян*. Ереван, Изд.-во "Гитутюн" НАН РА (на русск. яз.).
- Айказ Арам. (1957). *Шапин-Карахисар и его героическая борьба*. Нью-Йорк (на арм. яз.).
- Айкуни Саркис. (1895). *Потерянные и забытые армяне. Армяно-магометанские деревни Трапезунда и их традиции*. "Арапат", Вагаршапат (на арм. яз.).
- Амбарян Азат С. (1900). *Погромы западных армян в 1915 г. и самооборонительные бои*. Ереван (на арм. яз.).
- Андреасян Тигран. (1935). *Экспатриация Зейтуна и восстание Сuedии. Алеппо* (на арм. яз.).
- Антонян Арам. (1921). *Великое преступление*. Бостон (на арм. яз.).
- Арам Аспет. (1961). *Эпизоды героической битвы Аджна. Бейрут* (на арм. яз.).
- Арзуманян Макич. (1969). *Армения. 1914-1917*. Ереван (на арм. яз.).
- Барсегян Лаврентий. (2001). *Хронология публичного осуждения и признания Геноцида армян (1915-2000 гг.)*. Ереван (на арм. яз.).
- Воспоминания американского посла Генри Моргентхау и тайны Геноцида армян*. (1990). Ереван (на арм. яз.).
- Галустян Григор. (1934). *Мараш или Германик и героический Зейтун*. Нью-Йорк (на арм. яз.).
- Гушагчян Мартирос. (1970). *Памятная книга Муса-дага. Бейрут* (на арм. яз.).
- Дадрян Ваагн. (1995). *Геноцид армян в послевоенном османском парламенте*. "Пайкар" ("Борьба"). № 4. Ереван (на арм. яз.).
- Карапетян Мгер. (1998). *Вопросы Геноцида армян 1915-1916 гг. в армянской историографии*. Ереван (на арм. яз.).
- Келешян Мисак. (1949). *Памятная книга Сис. Бейрут* (на арм. яз.).

Киракосян Джон. (1965). *Первая мировая война и западные армяне*. Ереван (на арм. яз.).

Киракосян Джон. (1983). *Младотурки перед судом истории*. Ереван (на арм. яз.).

Лазян Габриел. (1946). *Армения и Армянский вопрос (Документы)*. Каир (на арм. яз.).

Месроп Левон. (1952, 1955). *Дер-Зор*. Т. 1, 2. Париж (на арм. яз.).

Нерсисян Мкртыч. (1991). *Геноцид армян в Османской империи (Сборник документов и материалов)*. Ереван (на арм. яз.).

Памятная книга Геноцида армян. (1965). Бейрут (на арм. яз.).

Памятный дневник, посвященный героическим битвам Васпуракана 1890-ого и 1915-ого гг. (1945). Северная Америка (на арм. яз.).

Папазян Аветис. *Геноцид армян по документам судебного процесса младотурок*. (1988). Ереван (на арм. яз.).

Папазян Аветис. (2000). *Геноцид и борьба за существование*. Ереван (на арм. яз.).

Папикян Акоп. (1919). *Геноцид Аданы. "Отчет"*. Константинополь (на арм. яз.).

Погосян Айказ М. (1969). *История Зейтуна*. Ереван (на арм. яз.).

Погосян К. П. (1942). *Общая история Аджна*. Лос-Анджелес (на арм. яз.).

Саакян А. (1955). *Героическая Урфа и ее армянские сыны*. Бейрут (на арм. яз.).

Саакян Рубен Г. (1970). *Турецко-французские отношения и Киликия 1919-1921 гг.* Ереван (на арм. яз.).

Сарафян Геворк. (1953). *История армян Айнтапа*. Т. 1, 2. Лос-Анджелес (на арм. яз.).

Свазлян Вержине. (1984). *Фольклор Муса-дага. "Армянская этнография и фольклор"*. Т. 16. Ереван, Изд.-во АН Арм. ССР (на арм. яз.).

Свазлян Вержине. (1994). *Киликия. Устная традиция западных армян*. Ереван, Изд.-во НАН РА (на арм. яз.).

Свазлян Вержине. (1995). *Геноцид армян. Устные свидетельства западных армян*. Ереван, Изд.-во НАН РА (на арм. яз.).

Свазлян Вержине. (1997). *Геноцид армян в воспоминаниях и туркоязычных песнях западных армян*. Ереван, Изд.-во "Гитутюн" НАН РА (на арм. яз.).

Свазлян Вержине. (2000). *Геноцид армян. Свидетельства очевидцев*. Ереван, Изд.-во "Гитутюн" НАН РА (на арм. яз.).

Свазлян Вержине. (2003). *Геноцид армян и историческая память*. Ереван, Изд.-во "Гитутюн" НАН РА (на арм. яз.).

Свазлян Вержине. *Личный архив. Неопубликованные материалы*.

Темирян А. (1956). *Кесаб (1909-1946)*. Бейрут (на арм. яз.).

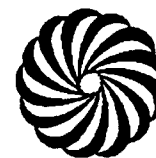
Терзян С. (1956). *Восьмимесячная героическая борьба Аджна*. Буэнос-Айрес (на арм. яз.).

Торосян Шмавон. (1987). *Национальные освободительные движения киликийских армян в 1919-1920 гг.* Ереван (на арм. яз.).

Туманян Ованес. (1959). *Собрание сочинений*. Т. 6. Ереван (на арм. яз.).

Чизмечян Манук. (1930). *История армяно-американских политических партий 1890-1925*. Фрезно (на арм. яз.).

<http://www.geocities.com/vsvaz333/> (Verjiné Svazlian's Home Page).

ВЕРЖИНЕ СВАЗЛЯН ГЕНОЦИД АРМЯН И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

(Резюме)

За последние годы еще более возрос интерес к Геноциду армян (1915-1922 гг.). Это обусловлено прежде всего признанием факта Геноцида армян со стороны многих государств. Однако официальная турецкая и протурецкая историография не перестает искажать и отрицать подлинные исторические события.

В свете сказанного, помимо опубликованных на разных языках официальных материалов, особый историко-фактографический интерес представляют также свидетельства лиц, непосредственно переживших названные события. Ведь сам армянский народ стал объектом данного массового политического преступления. Известно, что при раскрытии любого преступления решающую роль играют показания свидетелей, и в данном случае следует основываться на показаниях очевидцев-свидетелей. Каждое из этих показаний, с юридической точки зрения, имеет доказательственное значение для справедливого решения Армянского вопроса и признания Геноцида армян.

В результате депортации и геноцида значительная часть западных армян (более чем 1,5 миллиона) была уничтожена, а чудом спасшиеся рассеялись по всему миру, создав Армянскую Диаспору как историческое явление. Многие из очевидцев-свидетелей этих трагических событий, начиная с 1920-х годов, были репатриированы в Советскую Армению и поселились во вновь отстроенных селениях, символизировавших их бывшую историческую родину.

Начиная с 1950-х годов, в течение 50 лет, нами были записаны (в том числе на аудио- и видеокассетах) свидетельства (660 единиц) очевидцев, спасшихся от Геноцида. Оригиналы этих материалов хранятся в архиве Музея-института Геноцида армян Национальной Академии Наук Республики Армения.

Народоведческие материалы данного исследования цитируются по нашей книге: Вержине Свазлян. *Геноцид армян. Свидетельства очевидцев*. Ереван, Изд.-во "Гитутюн" НАН РА, 2000, 500 с. (на арм. яз.).

В настоящем исследовании представлены исторические события, имевшие место во время Геноцида армян, которые дополнены и подтверждены свидетельствами и историческими песнями (на армянском и туркоязычном), записанными нами с уст очевидцев, депортированных из около 100 местностей Западной Армении, Киликии и Анатолии и проживающих в Армении и за ее пределами (Греция, Франция, Италия, Германия, США, Сирия, Ливан, Ирак, Египет, балканские страны, Турция).

Названные фактографические свидетельства правдиво отображают организованные младотурецким правительством воинские призывы и военные сборы во время первой мировой войны, а также массовую депортацию и резню армян.

Эти народоведческие материалы, в силу их самобытности и несомненной историко-познавательной ценности, становятся неопровержимыми объективными, фактографическими свидетельствами Геноцида армян.

Поэтому настало время, чтобы правительство нынешней Турецкой Республики, вступившей на путь прогресса, нашло в себе мужество принять не нуждающуюся в доказательстве историческую истину, именуемую **Геноцидом армян**.

VERJINÉ SVAZLIAN
THE ARMENIAN GENOCIDE
AND
THE PEOPLE'S HISTORICAL MEMORY
(Summary)

During the past few years, interest toward the Armenian Genocide (1915-1922) has grown, primarily due to the fact of the recognition of this historical evidence by numerous countries. The official Turkish and pro-Turkish historiography, however, continues to distort and deny the true historical facts.

In this respect, the popular testimonies communicated under the immediate impressions of the said events are also, besides the official documents published in various languages, of an important historico-factual value. Inasmuch as the Armenian nation itself is the object of that massive political crime and, as in the elucidation of every crime, the testimonies of the eyewitnesses are decisive, similarly in this case, the testimonies of the eyewitness-survivors are of prime importance, since each one of these testimonies has, from the juridical point of view, an evidential significance in the equitable solution of the Armenian Case and in the recognition of the Armenian Genocide.

As a result of the deportation and the genocide, a considerable part of the Western Armenians (more than 1.5 million) was exterminated, while those who were miraculously saved were dispersed in different countries of the world, creating the Armenian Diaspora as a historical reality. Many of the eyewitness-survivors of these tragic events have periodically been repatriated, beginning from the 1920s, from the Diaspora to Soviet Armenia and settled in the newly built localities symbolizing their former native cradles.

Beginning from as early as 1955 and during 50 years, I have written down, tape- and video-recorded (remaining faithful to the popular speech) the testimonies (660 units) communicated by eyewitness survivors, who were miraculously saved from the Armenian Genocide; the originals of these testimonies are kept at the archives of the Museum-Institute of the Armenian Genocide of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

The ethnographic materials of this study have been quoted from my book: Verjiné Svazlian. *The Armenian Genocide. Testimonies of the Eyewitness-Survivors*. Yerevan, "Gitutium" Publishing House NAS RA, 2000, 500 p. (in Armenian).

The present study represents the course and the historical events of the Armenian Genocide, which have been completed, substantiated and confirmed by the testimonies and the songs of historical nature (in Armenian and Turkish languages) communicated by the eyewitness-survivors of the Armenian Genocide, forcibly deported from about 100 localities of Western Armenia, Cilicia, Anatolia and resettled in Armenia and the Diaspora (Greece, France, Italy, Germany, USA, Syria, Lebanon, Iraq, Egypt, the Balkan countries, Turkey).

These factual testimonies authentically reproduce the mobilization, the arms collection, as well as the massive deportations and massacres of the Armenians organized by the government of the Young Turks during the First World War.

These popular materials become, with their uniqueness and historico-cognitive value, objective, factual, authentic and irrefutable testimonies elucidating, in a simple, popular language, the Armenian Genocide.

It is time, therefore, that the present government of the Republic of Turkey, adopting now the road of progress, has the courage of admitting the obvious historical truth, which has been substantiated over and over again by written as well as oral evidences and is not in need of any further proofs. That historical truth is called **the Armenian Genocide**.

VERJINÉ SVAZLIAN
LE GENOCIDE ARMENIEN
ET
LA MEMOIRE HISTORIQUE DU PEUPLE
(Résumé)

Durant ces dernières années, l'intérêt envers le génocide arménien (1915-1922) a augmenté grâce, en premier lieu, au fait de la reconnaissance de cette évidence historique par de nombreux Etats. Cependant, l'historiographie officielle turque et pro-turque continue à falsifier et à nier ces faits historiques certains.

Dans ce sens, les témoignages populaires communiqués sous l'impression immédiate de ces événements sont, outre les documents officiels publiés en diverses langues, d'une valeur historique et documentaire importante. C'est la nation arménienne elle-même qui a fait l'objet de ces crimes politiques massifs et, de même que dans l'élucidation de chaque crime les dépositions des témoins oculaires sont décisives pour rendre le verdict, dans ce cas également les témoignages des survivants sont d'une importance primordiale, d'autant plus que chacun d'eux a, au point de vue juridique, une valeur probante pour la solution équitable de la Cause arménienne et la reconnaissance du génocide arménien.

Par suite de la déportation et du génocide, la majeure partie des Arméniens de l'Arménie Occidentale (plus de 1.5 million) a été exterminée et ceux qui ont été miraculeusement sauvés se sont dispersés dans différents pays du monde, créant ainsi la diaspora arménienne en tant que réalité historique. A partir des années 1920, de nombreux témoins survivants de ces événements tragiques ont été rapatriés de la diaspora en Arménie Soviétique et se sont établis dans des bourgs nouvellement construits portant le nom de leurs villages natales.

A partir de 1955 et pendant 50 ans, nous avons inscrit, enregistré

sur bande audio et bande vidéo (en restant fidèle au langage populaire), les récits communiqués (660 unités) par les témoins survivants, miraculeusement rescapés du génocide arménien. Les originaux de ces témoignages sont gardés dans les archives du Musée-Institut du Génocide Arménien de l'Académie Nationale des Sciences de la République d'Arménie.

Les documents ethnographiques de cette étude ont été publiés dans notre ouvrage: Verjiné Svazlian. *Le génocide arménien. Témoignages des survivants*. Erévan, Editions «Guitoutiun» ANS RA, 2000, 500 p. (en arménien).

La présente étude représente le déroulement et les événements historiques du génocide arménien, qui ont été complétés, argumentés et confirmés par les témoignages et les chants de caractère historique (en langues arménienne et turque) communiqués par les témoins oculaires sauvés par miracle du génocide, déportés d'environ 100 localités de l'Arménie Occidentale, de la Cilicie et de l'Anatolie et établis en Arménie et dans la diaspora (Grèce, France, Italie, Allemagne, Etats-Unis d'Amérique, Syrie, Liban, Iraq, Egypte, pays balkaniques, Turquie).

Ces témoignages probants reflètent d'une façon véridique le recrutement des soldats, la confiscation des armes, ainsi que les déportations massives et les massacres des Arméniens organisés par le gouvernement des Jeunes Turcs pendant la Première Guerre mondiale.

Ces témoignages deviennent, par leur valeur historique et cognitive, des documents objectifs, documentaires, authentiques et irréfutables élucidant, dans un langage simple et populaire, le génocide arménien.

Il est donc grand temps que le gouvernement actuel de la République turque, qui aspire elle aussi au progrès social, ait le courage de reconnaître et de condamner cette réalité historique évidente qu'on nomme **génocide arménien** et qui est confirmée tant par les documents officiels écrits que par les témoignages populaires oraux.

VERJINÉ SVAZLIAN
DER GENOZID AN DEN ARMENIERN
UND
DIE HISTORISCHE ERINNERUNG DES VOLKES
(Zusammenfassung)

In den letzten Jahren ist das Interesse am Völkermord an den Armeniern (1915-1922) gestiegen. Das sich vor allem damit erklären, dass zahlreiche Staaten diese historische Tatsache anerkannt haben. Jedoch hören die offizielle Türkei und die protürkische Geschichtsschreibung nicht auf, die historische Wahrheit zu verzerren und zu leugnen.

Neben den in verschiedenen Sprachen veröffentlichten offiziellen Dokumenten erwiesen sich die Zeugnisse aus der Bevölkerung, die durch die unmittelbare Beteiligung der Menschen an diesen schrecklichen Ereignissen entstanden waren, als historisch-faktographische wertvolle Tatsachen. Da das armenische Volk selbst das Objekt dieses politischen Massenverbrechens war und da die Berichte der Augenzeugen bei der Aufklärung eines jeden Verbrechens von erheblicher Relevanz seien, muss man auch in diesem Fall auf die Aussagen der Zeugen stützen. Jede dieser Aussagen ist, vom juristischen Standpunkt gesehen, von Bedeutung, denn sie haben Beweiskraft zur gerechten Lösung der Armenischen Frage und zur Anerkennung des Genozids an den Armeniern.

Infolge der Vertreibungen und des Völkermordes ist ein beträchtlicher Teil der Westarmenier (über 1,5 Millionen Menschen) vernichtet worden; diejenigen, die sich gleichsam durch ein Wunder retten konnten, verstreuten sich über die ganze Welt, und so entstand die armenische Diaspora als eine historische Realität. Viele von diesen Augenzeugen der tragischen Ereignisse kamen seit den 20er Jahren des letzten. Jahrhunderts in großen und kleinen Gruppen in die Armenische Sozialistische Sowjetrepublik und ließen sich in die neuen

Siedlungen nieder, die einen Symbolcharakter ihrer einstigen Heimstätten hatten.

Seit 1955 haben wir 50 Jahre lang Berichte von Augenzeugen, die dem Völkermord entrinnen konnten, aufgeschrieben und auf Audio- und Videokassetten aufgezeichnet (660 Einheiten). Die Originale dieser der o. a. Beweismittel werden im Archiv des Instituts für den Völkermord an den Armeniern der Nationalen Akademie der Wissenschaften der Republik Armenien aufbewahrt.

Die ethnographischen Forschungsergebnisse dieser Abhandlung werden aus unserem Buch Verjiné Svazlian. *Der Genozid an den Armeniern. Zeugnisse der Überlebenden Augenzeugen*. Jerewan, Verlag „Gitutjun“ aus der Nationalen Akademie der Wissenschaften der Republik Armenien, (2000, 500 Seiten, arm.) zitiert.

In dieser Abhandlung werden die historischen Ereignisse während des Genozides an den Armeniern geschildert, die um Aussagen und historische Gesänge (in armenischer und türkischer Sprache) der aus 100 Ortschaften Westarmeniens vertriebenen Überlebenden ergänzt und mit diesen begründet werden; diese Überlebenden leben heute in der Republik Armenien und in der armenischen Diaspora (in Griechenland, Frankreich, Italien, Deutschland, Syrien, Libanon, Irak, Ägypten, in den Balkanstaaten, den Vereinigten Staaten von Amerika und in der Türkei).

In diesen dokumentarischen Zeugnissen kommen die Einberufung der Armenier in die türkische Armee während des ersten Weltkriegs sowie ihre Massendeportationen und Pogrome, die die Regierung der Jungtürken organisiert hatte, wahrheitsgetreu zum Ausdruck.

Diese ethnographischen Original-Materialien, die einen großen historischen Wert haben, werden zu objektiven, authentischen und unwiderlegbaren Zeugnissen, die in einer einfachen Volkssprache die Ereignisse des Völkermordes an den Armeniern widerspiegeln.

Es ist an der Zeit, dass die Regierung der heutigen Türkei, die nach Europa strebt, ebenfalls den Mut aufbringt, die mit schriftlichen und mündlichen Zeugnissen begründete offensichtliche historische Wahrheit anzuerkennen, die keiner Beweisung bedarf und **Genozid an den Armenien** heisst.

VERJİNE SVAZLIAN
ERMENİ SOYKIRIMI
VE
HALKIN TARİHSEL HAFIZASI
(Özet)

Son yıllarda Ermeni Soykırımı'na (1915-1922) duyulan ilgi daha da arttı. Bu her şeyden önce o tarihsel olayın birçok ülke tarafından tanınmasından ileri gelmektedir. Ancak, resmi Türk tarihçiliği ve Türk tezlerini benimseyen tarihçilik doğruluğu kesin tarihi olayları çarpıtmaya ve reddetmeye devam etmektedir.

Oysaki, çeşitli dillerde yayımlanmış resmi belgelerin yanı sıra, halk tarafından söz konusu olayların doğrudan etkisi altında anlatılanların da önemli bir tarihi belge değeri vardır. O kitlesel siyasi cürümün nesnesinin Ermeni halkının ta kendisi olması nedeniyle, ve nasıl ki her suçun aydınlanmasında tanıkların verdiği ifadeler belirleyici rol oynuyorsa bu vakada da, görgü tanıklarının anlattıklarını temel almak gerekmektedir. Bu anlatımlardan her biri Ermeni Davası'nın adil bir biçimde çözümlenmesi ve Ermeni Soykırımı'nın tanınması çalışmasında hukuki açıdan kanıt değeri taşımaktadır.

Tehcir ve soykırım neticesinde batı Ermenilerinin hissedilir bir kısmı (1,5 milyonu aşkın insan) yok oldu; mucize eseri olarak kurtulanlar ise tarihsel bir gerçeklik olarak Ermeni Diasporası'nı oluşturmak üzere dünyanın çeşitli ülkelerine dağıldılar. ☉ trajik olayların görgü tanıklarından birçoğu 1920'li yıllardan itibaren düzenli aralıklarla Diaspora'dan Sovyet Ermenistanı'na dönmüş ve kendi evvelki memleketlerini simgeleyen yeni inşa edilmiş yerlere yerleşmişlerdir.

1955 yılından itibaren, 50 yıl boyunca, (halkın kullandığı dile sadık kalarak) Ermeni Soykırımı'ndan mucize eseri olarak

kurtulmuş görgü tanıklarının ve hayatta kalanların anlattıklarını (660 birim) yazıya döktük; bunların ses ve görüntülerini kaydettik. Bu hikâyelerin orijinalleri Ermenistan Cumhuriyeti Ulusal Bilimler Akademisi Ermeni Soykırımı Müze-Enstitüsü'nün arşivlerinde saklanmaktadır.

Bu incelemedeki etnografik konular Ermenice kitabımızdan alınmıştır (Verjine Svazlian. *Ermeni Soykırımı. Hayatta Kalan Görgü Tanıklarının Anlattıkları*. Erivan, EC UBA "Gitutyun" Basımevi, 2000, 500 sayfa).

Bu araştırmada Ermeni Soykırımı'nın gidişatı ve tarihsel olayları sunulmuş; bunlar, Batı Ermenistan, Kilikya ve Anadolu'daki yaklaşık 100 yerleşim yerinden zorla tehcir edilen, Ermenistan'a ve Diaspora'ya yerleşen (Yunanistan, Fransa, İtalya, Almanya, ABD, Suriye, Lübnan, Irak, Mısır, Balkan ülkeleri, Türkiye) Ermeni Soykırımı'ndan kurtulmuş görgü tanıklarının anlattıklarıyla ve tarihsel nitelikli (Ermenice ve Türkçe) şarkılarla tamamlanmış, gerçekleşmiş ve teyit edilmişlerdir.

Olayları kaydeden o tanık hikâyeleri Birinci Dünya Savaşı sırasında Jön Türk Hükümeti'nin organize ettiği, Ermenilere yönelik seferberliği, silah toplama faaliyetlerini, kitlesel tehcir ve kıyımları gerçeğe uygun bir şekilde yeniden yansıtmaktadırlar.

Halktan elde edilen o konular, tarihin kavranması açısından taşıdıkları önem ve özgünlükleri nedeniyle, Ermeni Soykırımı'nı halkın kullandığı sade dille aydınlatan, objektif, olaylara dayanan, güvenilir ve inkâr edilemez tanık hikâyeleri haline gelmektedirler.

Dolayısıyla, ilerleme yolunda gayret sarf eden Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti için, hem yazılı hem de sözlü kanıtlara dayanan, ispatlanmasına gerek olmayan ve **Ermeni Soykırımı** adı verilen doğruluğu apaçık ortada o tarihi gerçeği kabul etme cesaretini göstermenin zamanı gelmiştir.

ՎԵՐԺԻՆԵ ՍՎԱԶԼՅԱՆ

ՇԱՅՈՑ ՑԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

ԵՎ

ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԵԻՇՈՂՈՒԹՅՈՒՆԸ

(Ամփոփում)

Վերջին տարիներն ավելի է մեծացել հետաքրքրությունը Հայոց ցեղասպանության (1915-1922 թթ.) նկատմամբ: Այն պայմանավորված է նախ և առաջ բազմաթիվ երկրների կողմից պատմական այդ փաստի ճանաչման իրողությամբ: Սակայն պաշտոնական թուրք ու թուրքամետ պատմագիտությունը շարունակում է նենգափոխել և ժխտել պատմական ստույգ իրողությունները:

Այնինչ, տարբեր լեզուներով հրատարակված պաշտոնական փաստաթղթերին առընթեր, պատմափաստագրական կարևոր արժեք են ներկայացնում նաև հիշյալ իրադարձությունների անմիջական տպավորությունների տակ հաղորդված ժողովրդական վկայությունները: Քանի որ հայ ժողովուրդն ինքն է այդ զանգվածային քաղաքական ոճրագործության առարկան (object) և ինչպես ամեն մի հանցագործություն բացահայտելիս որոշիչ են վկաների ցուցմունքները, նույնպես և այս պարագայում պետք է հենվել նաև ականատես-վկաների հաղորդած վկայությունների վրա, որոնցից յուրաքանչյուրն իրավաբանական տեսակետից ապացուցողական նշանակություն ունի Հայ Դատի արդարացի լուծման և Հայոց ցեղասպանության ճանաչման գործում:

Տեղահանության ու ցեղասպանության հետևանքով արևմտահայության զգալի մասը (ավելի քան 1,5 միլիոն) ոչնչացվել է, իսկ հրաշքով փրկվածները ցրվել աշխարհի տարբեր երկրներ՝ ստեղծելով Հայ Սփյուռքը որպես պատմական իրողություն: Այդ ողբերգական իրադարձություններին ականատես-վկաններից շատերը սկսած 1920-ական թվականներից Սփյուռքից պարբերաբար հայրենադարձվել են որիդային Հայաստան և բնակություն հաստատել իրենց երբեմնի բնօրրանները խորհրդանշող նորակառույց բնակավայրերում:

Դեռևս 1955 թվականից, 50 տարիների ընթացքում, հավատարիմ մնալով ժողովրդական խոսքին, գրառել, ծայնագրել ու տեսագրել են Հայոց ցեղասպանությունից հրաշքով փրկված ականատես-վերապրողների հաղորդած վկայությունները (660 միավոր), որոնց բնագրերը պահվում են Հայաստանի Հանրապետության Գիտությունների Ազգային Ակադեմիայի Հայոց ցեղասպանության թանգարան-ինստիտուտի արխիվում:

Սույն ուսումնասիրության ժողովրդագիտական նյութերը մեջբերված են մեր հայերեն գրքից՝ Վերջինե Սվազյան, *Հայոց ցեղասպանություն. Ականատես վերապրողների վկայություններ*, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2000, 500 էջ:

Ուսումնասիրության մեջ ներկայացված են Հայոց ցեղասպանության ընթացքն ու պատմական իրադարձությունները, որոնք լրացված, հիմնավորված և հաստատված են Արևմտահայաստանի, Կիլիկիայի և Անատոլիայի շուրջ 100 տեղավայրերից բռնի տարագրված, Հայաստանում և Սփյուռքում (Հունաստան, Ֆրանսիա, Իտալիա, Գերմանիա, ԱՄՆ, Սիրիա, Լիբանան, Իրաք, Եգիպտոս, բալկանյան երկրներ, Թուրքիա) բնակություն հաստատած Հայոց ցեղասպանության ականատես վերապրողների հաղորդած վկայություններով ու պատմական բնույթի երգերով (հայերեն և թուրքալեզու):

Փաստագրական այդ վկայությունները ճշմարտացիորեն վերարտադրում են Առաջին համաշխարհային պատերազմի ընթացքում երիտթուրքական կառավարության կազմակերպած հայերի զորահավաքն ու զինահավաքը, ինչպես նաև զանգվածային տեղահանություններն ու կոտորածները:

Ժողովրդական այդ նյութերն իրենց ինքնատիպությամբ և պատմաճանաչողական արժեքով դառնում են Հայոց ցեղասպանությունը ժողովրդական պարզ լեզվով լուսաբանող առաքյալական, փաստացի, վավերական ու անժխտելի վկայություններ:

Ուստի ժամանակն է, որ առաջադիմության ձգտող ներկայիս Թուրքիայի Հանրապետության կառավարությունը ևս քաջություն ունենա ընդունելու ինչպես գրավոր, նույնպես և բանավոր փաստերով հիմնավորված, ապացուցման կարիք չունեցող, պատմական այն բացահայտ ճշմարտությունը, որը կոչվում է Հայոց ցեղասպանություն:

ФОТОГРАФИИ СВИДЕТЕЛЕЙ-ОЧЕВИДЦЕВ ГЕНОЦИДА АРМЯН

Сенекерим Козмьян
(1882 г., Себастья)

Мовсес Паносян
(1885 г., Муса-даг)

Вардан Мазмьян
(1886 г., Ардвин)

Азнив Ага-Чракян
(1886 г., Константинополь)

Егиазар Карапетян
(1886 г., Сасун)

Пайцар Еркат
(1887 г., Кесария)

Погос Супкукян
(1887 г., Муса-даг)

Ованнес Паронян
(1890 г., Эскишехир)

Мушег Акопян
(1890 г., Никомедия)

Мовсес Балабаниян
(1891 г., Муса-даг)

Долорес Зограб-Липман
(1892 г., Константинополь)

Хачер Аблапутян
(1893 г., Урфа)

Камсар Хачатрян
(1898 г., Баязет)

Вергине Майикян
(1898 г., Мараш)

Тоник Тоникян
(1898 г., Муса-даг)

Хорен Аблапутян
(1893 г., Урфа)

Тонакан Тоноян
(1893 г., Муш)

Овсанна Абикиан
(1893 г., Никомедия)

Амбарцум Саакян
(1898 г., Себастья)

Вержин Тагаварян
(1898 г., Себастья)

Арутюн Мартикян
(1899 г., Харберд)

Арутюн Цуликян
(1896 г., Кесария)

Ованнес Ипреджян
(1896 г., Муса-даг)

Инца Чемперчян
(1898 г., Амасия)

Геворг Караманукян
(1900 г., Айнтап)

Хорен Гюльбенкян
(1900 г., Диврик)

Гюрджи Кешишян
(1900 г., Зейтун)

Согомон Етеникян
(1900 г., Мерсин)

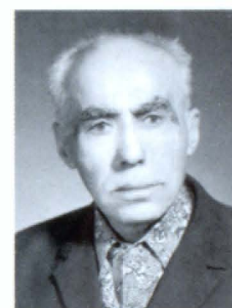
Баруи Силян
(1900 г., Никомедия)

Артавазд Ктрацян
(1901 г., Адабазар)

Азархан Торосян
(1902 г., Балу)

Аракел Тагоян
(1902 г., Дерджан)

Ованнес Гаспарян
(1902 г., Эскишехир)

Сократ Мкртчян
(1901 г., Битлис)

Шогер Тоноян
(1901 г., Муш)

Петрос Сафарян
(1901 г., Муса-даг)

Нерсес Галбакян
(1902 г., Кония)

Забел Вардян
(1902 г., Мараш)

Сурен Саркисян
(1902 г., Себастья)

Асатур Супукян
(1901 г., Муса-даг)

Гегецик Есаян
(1901 г., Никомедия)

Андраник Симонян
(1902 г., Алашкерт)

Нурица Кюркджян
(1903 г., Айнтап)

Арпине Бартикян
(1903 г., А.-Карахисар)

Нвард Аблапутян
(1903 г., Урфа)

Овсеп Бштикян
(1903 г., Зейтун)

Седрак Гайбакян
(1903 г., Зейтун)

Карапет Тозлян
(1903 г., Зейтун)

Гюлиния Мусоян
(1903 г., Кесаб)

Микаел Кешишян
(1904 г., Адана)

Гарник Свазлян
(1904 г., Кесария)

Ева Чулян
(1903 г., Зейтун)

Лорис Папикян
(1903 г., Эрзерум)

Саркис Хачатрян
(1903 г., Харберд)

Седрак Арутюнян
(1904 г., Муш)

Агаси Канкянян
(1904 г., Ван)

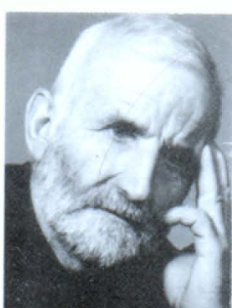
Ованнес Кёроглян
(1904 г., Тигранакерт)

Григор Гёзальян
(1903 г., Муса-даг)

Аршакуи Петросян
(1903 г., Йозгат)

Ованнес Абелян
(1903 г., Кесаб)

Арутюн Албойджян
(1904 г., Фындылжаг)

Ануш Гаспарян
(1905 г., Ардвин)

Аршалуйс Тер-Назаретян
(1905 г., Баберд)

Мари Варданян
(1905 г., Малатия)

Давид Давидян
(1905 г., Муса-даг)

Андреас Гюлянян
(1905 г., Шатах)

Саркис Етарян
(1907 г., А.-Карахисар)

Степан Степанян
(1907 г., Харберд)

Анжел Текеян
(1907 г., Кесария)

Айрик Мурадян
(1905 г., Шатах)

Варсик Абрамян
(1905 г., Ван)

Сирак Манасян
(1905 г., Ван)

Вероника Берберян
(1907 г., Йозгат)

Мкртыч Хачатрян
(1907 г., Ш.-Карахисар)

Геворг Зуляян
(1907 г., Чанаккале)

Петрос Кикишян
(1906 г., Арабкир)

Ебруи Джртыхян
(1906 г., Аджн)

Патрик Сароян
(1906 г., Ван)

Казар Геворкян
(1907 г., Ван)

Арцрун Арутюнян
(1907 г., Ван)

Ерванд Ширакян
(1907 г., Ван)

Макруи Саакян
(1907 г., Ван)

Айкуи Азарян
(1908 г., Адабазар)

Давид Давтян
(1908 г., Бурса)

Кадзберуи Шагинян
(1908 г., Ван)

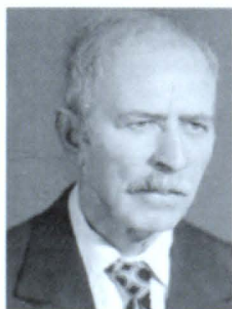
Вардuhi Потикян
(1908 г., Ван)

Лусик Мартирoсян
(1909 г., Алашкерт)

Мариам Тер-Мкртчян
(1908 г., Эрзерум)

Левон Эвренгеджян
(1908 г., Мараш)

Грант Гаспарян
(1908 г., Муш)

Србуи Кикишян
(1909 г., Арабкир)

Агавни Мкртчян
(1909 г., Битлис)

Аветис Норикян
(1909 г., Бурса)

Ованнес Чадрджян
(1908 г., Себастья)

Ншан Абраамян
(1908 г., Ван)

Сильва Бюзандян
(1908 г., Ван)

Гарник Степанян
(1909 г., Ерзнка)

Гаянэ Атурян
(1909 г., Зейтун)

Ишхан Айказян
(1909 г., Эрзерум)

Сирарпи Свазлян
(1909 г., Константинополь)

Арам Момджян
(1909 г., Мараш)

Мариам Багдишян
(1909 г., Муса-даг)

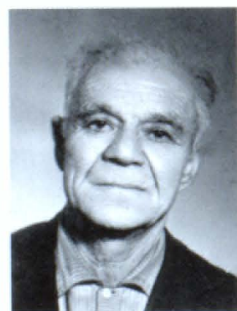
Масис Коджоян
(1910 г., Баберд)

Цагик Чинимян
(1910 г., Игдыр)

Пепроне Тумасян
(1910 г., Карс)

Геворк Чифтчян
(1909 г., Муса-даг)

Вараздат Арутюнян
(1909 г., Ван)

Мари Еркат
(1910 г., Адабазар)

Вергине Наджарян
(1910 г., Малатия)

Месроп Минасян
(1910 г., Самсун)

Ованнес Дудаклян
(1910 г., Муса-даг)

Нвард Геворкян
(1910 г., Алашкерт)

Нектар Гаспарян
(1910 г., Ардвин)

Степан Овакимян
(1910 г., Ардвин)

Аршвик Терзян
(1910 г., Ван)

Рехан Манукян
(1910 г., Тарон)

Карпет Мкртчян
(1910 г., Тиграканерт)

Саркис Сароян
(1911 г., Балу)

Србуи Мурадян
(1911 г., Битлис)

Грант Хондкарян
(1911 г., Игдыр)

Парандзем Тер-Акопян
(1912 г., Карс)

Тагуи Алапян
(1912 г., Мараш)

Дереник Сароян
(1912 г., Ван)

Асатур Махулян
(1911 г., Муса-даг)

Вардгес Алексанян
(1911 г., Ван)

Шогик Мкртчян
(1911 г., Ван)

Мари Воскерчян
(1913 г., Смирна)

Агаси Кароян
(1913 г., Карс)

Саак Базян
(1913 г., Шатах)

Ерануи Чапарян
(1912 г., Адана)

Нвард Мурадян
(1912 г., Битлис)

Ханума Джалил
(1912 г., Карс)

Эмма Асатрян
(1914 г., Карс)

Шаке Зуляян
(1914 г., Константинополь)

Вардуи Петикян
(1916 г., Константинополь)

**ФОТОГРАФИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОСЛЕДУЮЩИХ
ПОКОЛЕНИЙ
СВИДЕТЕЛЕЙ-ОЧЕВИДЦЕВ**

Зограб Касабян
(1919 г., Константинополь)

Акоп Тер-Погосян
(1920 г., Дйортийол)

Мариам Касабян
(1921 г., Бурса)

Григор Экизян
(1921г., Малатия)

Адрине Аладжаджян
(1921 г., Константинополь)

Киракос Даниелян
(1923 г., Балу)

Ерванд Албарян
(1923 г., Бейрут)

Ваге Китапчян
(1924 г., Александрия)

Назени Сатамян
(1926 г., Бейрут)

Арташес Балабаниян
(1926 г., Бейрут)

Мариам Мирзаян
(1927 г., Томарза)

Геворг Экимян
(1937 г., Бейрут)

ОБ АВТОРЕ

Фольклорист, народовед и собиратель устного народного творчества **ВЕРЖИНЕ СВАЗЛЯН** родилась в 1934 в Александрии (Египет), в семье писателя и общественного деятеля Гарника Свазляна. Их семье чудом удалось спастись от Геноцида.

В 1947 г. она вместе с родителями возвратилась в Армению.

В 1956 г. окончила с отличием факультет армянского языка и литературы ереванского Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна. С 1955 г. по личной инициативе стала записывать с уст свидетелей-очевидцев Геноцида армян воспоминания и народные песни исторического характера, тем самым сумев спасти от забвения эти бесценные материалы — фольклорные реликвии на разных диалектах, предоставленные армянами — изгнанниками-репатриантами из Западной Армении, Киликии и Анатолии.

С 1958 г. работала в Институте литературы им. М. Абеяна Академии наук Армении. За отличную учебу в аспирантуре была удостоена именной стипендии им. М. Абеяна.

С 1961 г. по сей день работает в Институте археологии и этнографии НАН РА, а с 1996 г. — также в Музее-институте Геноцида армян НАН РА.

В 1965 г. защитила кандидатскую, а 1995 г. — докторскую диссертации.

Принимала участие в ряде республиканских и международных научных конференций, на которых выступала с докладами по фольклористике, народоведению и Армянскому вопросу.

Она является также автором многочисленных научных публикаций, изданных на родине и за ее пределами.

Научные издания:

- Саркис Айкуни. Жизнь и деятельность.* “Армянская этнография и фольклор”. Т. 4. Ереван, Изд.-во НАН РА, 1973 (на арм. яз.).
- Арцах-Утик.* “Армянские народные сказки”. Т. 6. Ереван, Изд.-во НАН РА, 1973 (на арм. яз.).
- Тарон-Туруберак.* “Армянские народные сказки”. Т. 12. Ереван, Изд.-во НАН РА, 1984 (на арм. яз.).
- Муса-даг.* “Армянская этнография и фольклор”. Т. 16. Ереван, Изд.-во НАН РА, 1984 (на арм. яз.).
- Киликия. Устная традиция западных армян.* Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 1994 (на арм. яз.).
- Геноцид армян. Устные свидетельства западных армян.* Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 1995 (на арм. яз.).
- Геноцид армян в воспоминаниях и туркоязычных песнях западных армян.* Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 1997 (на арм. яз.).
- Геноцид в воспоминаниях и туркоязычных песнях западных армян.* Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 1997 (на русск. яз.).
- Ван-Васпуракан.* “Армянские народные сказки”. Т. 15. Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 1998 (на арм. яз.).
- Фольклор константинопольских армян.* Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 2000 (на арм. яз.).

- Геноцид армян. Свидетельства очевидцев.* Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 2000 (на арм. яз.).
- Геноцид армян и историческая память.* Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 2003 (на арм. яз.).
- The Armenian Genocide and Historical Memory.* Yerevan, “Gitutium” Publishing House of the NAS RA, 2004.
- Le génocide arménien et la mémoire historique du peuple.* Erevan, Ed. «Guitoutiun» de l’Académie Nationale des Sciences d’Arménie, 2005.
- Der Genozid an den Armeniern und die historische Erinnerung des Volkes.* Jerewan, Verlag „Gitutjun“ der Nationalen Akademie der Wissenschaften der Republik Armenien, 2005.
- The Armenian Genocide and the People’s Historical Memory.* Yerevan, “Gitutium” Publishing House of the NAS RA, 2005.
- Геноцид армян и историческая память народа.* Ереван, Изд.-во “Гитутюн” НАН РА, 2005 (на русск. яз.).
- Ermeni soykırımı ve halkın tarihsel hafızası.* Istanbul, “Belge” Uluslararası Yayıncılık, 2005.

Награды:

- В 1985 г. Вержине Свазлян была удостоена *“Похвальной грамоты”* Президиума Академии наук Армянской ССР.
- В 1985 г. ей была вручена Золотая медаль *“Почетного мусадагца”* Общеземляческим союзом “Муса-даг”.
- В 1992 г. историко – культурным союзом “Зейтун” ей было присвоено звание *“Почетного зейтунца”*.
- В 1999 г. земляческим союзом “Ван-Васпуракан” ей было присвоено звание *“Почетного васпураканца”*.
- В 2000 г. (24-ого апреля) в связи с 85-летием Геноцида армян была удостоена *“Почетной грамоты”* Президиума НАН РА за научные исследования по истории Армянского вопроса, Геноцида армян и армянской диаспоры, являющиеся важным вкладом в армянскую историографию”.
- В 2002 г. она была удостоена фольклорно-литературной премии *“Айкашен Узунян”* от Культурного союза Текеян.
- В 2003 г. (24-ого апреля) Президиумом НАН РА и международным комитетом “Правдолюбцы за армян” ей была вручена *“Памятная медаль им. Фритьофа Нансена”* за научную и общественную деятельность в направлении осуждения Геноцида армян и утверждения принципов гуманизма”.
- В 2004 г. (апрель) ей было присвоено звание *Профессора Парижской Арменоведческой академии “Арарат”*.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Типологические особенности народных свидетельств	7
Процесс Геноцида армян по свидетельствам очевидцев	22
Использованная литература	98
Резюме (на русском яз.)	102
Summary (на английском яз.)	104
Résumé (на французском яз.)	106
Zusammenfassung (на немецком яз.)	108
Özet (на турецком яз.)	110
Резюме (на армянском яз.)	112
Фотографии свидетелей-очевидцев Геноцида армян	114
Фотографии представителей последующих поколений свидетелей-очевидцев	130
Об авторе	133
Карта депортации и Геноцида армян в Османской империи (1915-1922)	

ВЕРЖИНЕ СВАЗЛЯН

**ГЕНОЦИД АРМЯН
И
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА**

**КАРТА ДЕПОРТАЦИИ И ГЕНОЦИДА АРМЯН
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
(1915-1922)**

Компьютерный набор:

Тамара Мартиросян

Технический редактор:

Лусине Явроян

Типография

“Вард Грат” ООО

THE ARMENIAN GENOCIDE IN THE OTTOMAN EMPIRE (1915-1922)

